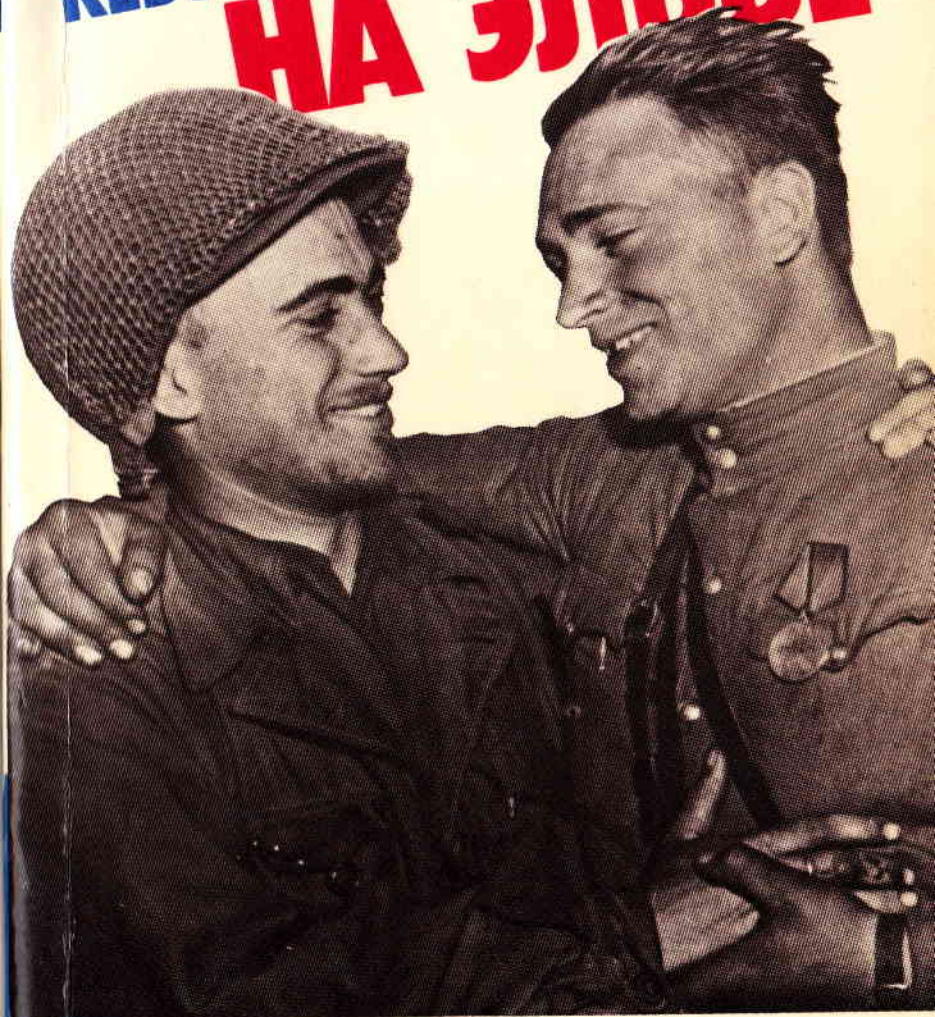

**YANKS
MEET
REDS**

**ВСТРЕЧА
НА ЭЛЬБЕ**

YANKS MEET REDS

**THE LINK-UP
OF US AND SOVIET
TROOPS
IN NAZI GERMANY**

ВСТРЕЧА НА ЭЛЬБЕ

ВОСПОМИНАНИЯ СОВЕТСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ УЧАСТНИКОВ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Издательство Агентства печати Новости
Москва, 1988

ББК 63.3(0)62
В85

Совместное издание Издательства АПН (СССР)
и издательства «Капра-пресс» (США)

Редакторы-составители
Семен КРАСИЛЬЩИК (СССР)
и *Марк СКОТТ* (США)

В книге использованы фотографии АПН,
А. Устинова, Б. Рясина,
из семейных архивов авторов, а также фотографии
американских фотокорреспондентов,
предоставленные М. Скоттом.

1305010000

© Издательство Агентства печати Новости,
Издательство «Капра-пресс», 1988

*Посвящается памяти
Джозефа Половски
(1916—1983) — одного из
тех американцев и
русских, кто 25 апреля
1945 года дал в округе
Торгау историческую
Клятву на Эльбе*

От советского редактора

Со страниц этой книги на нас смотрят молодые лица солдат сорок пятого — года Великой Победы над жесточайшим врагом всех миролюбивых народов — гитлеровским фашизмом. 25 апреля советские и американские армии соединились в едином порыве в районе города Торгау на берегу Эльбы — в самом центре Германии. Это историческое событие венчало нараставшее и успешно развивавшееся на протяжении всей войны боевое содружество государств антигитлеровской коалиции, их сплоченность и их общую решимость добиться окончательной победы над силами ненависти, разрушения и зла.

Подчеркивая историческое значение встречи войск союзников, главы государств антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритании — выступили со специальными обращениями. В Москве был дан салют двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий.

А на Эльбе между тем продолжались волнующие и радостные встречи воинов двух армий. Дружеские рукопожатия, братские объятия — это был поистине звездный час в жизни сотен и тысяч воинов союзных армий. Люди, которых разделяли идеологии, языковой барьер, были охвачены чувствами человеческого братства и единства устремлений к миру.

И сегодня, спустя несколько десятилетий, советские и американские ветераны не могут забыть атмосферу искренности тех дней. Воспоминания участников встречи на Эльбе (некоторых из них уже, к сожалению, нет с нами) легли в основу этой книги. Ряд материалов написан специально для этого издания, другие много лет назад. Среди авторов — генералы и рядовые, писатели-профессионалы и люди, впервые взявшие за перо. Естественно, что их воспоминания в чем-то повторяются, а в чем-то отличаются друг от друга. Однако всех авторов объединяет одно — все они прошли огонь войны и искренно поведали о том, что помнят, что пронесли через всю жизнь. Годы могут стереть из памяти малозначительные детали. Но главное осталось навсегда — Клятва, данная тогда, в апреле 1945-го: всемерно крепить дружбу между народами СССР и США, не допустить возникновения новой войны.

Тернистым был путь солдат 1-й американской армии от Нормандии до Эльбы. Еще более длинной и кровопролитной была дорога к Эльбе подразделений Красной Армии от Сталинграда. Встретившись в апреле 1945 года как боевые соратники, воины двух армий остались верными друзьями и в мирные дни. Целью их жизни стала борьба за самое дорогое для всего человечества — мир на Земле.

Генерал Д. Эйзенхауэр в своей книге «Крестовый поход в Европу» писал, что война существенно сблизила народы наших стран и что этим следует дорожить и никогда не забывать... К сожалению, по разным причинам, объективным и субъективным, советско-американские отношения после второй мировой войны часто омрачались, обострялись. Но даже в самые трудные времена «холодной войны» советские и американские ветераны встречи на Эльбе оставались верны своей дружбе и своей Клятве, которую впервые дали на Эльбе в 1945-м и повторили там же в 1985-м: «Во имя памяти павших на полях сражений и ушедших из жизни и от имени их потомков преградить путь войне!»

Семен КРАСИЛЬЩИК

От американского редактора

Через два дня после встречи американских и советских войск в сердце фашистской Германии, в речи по радио, посвященной этому историческому событию, президент США Гарри Трумэн сказал: «Народы, которые могут вместе разрабатывать планы и вместе сражаться плечом к плечу, перед лицом таких препятствий расстояния, языка и затруднений связи, какие преодолели мы, могут вместе жить и вместе работать в общем деле организации мира для мирного времени».

Выпуск в свет книги «Янки встречают красных»* — очевидное свидетельство того, что слова, сказанные более 40 лет назад, так же справедливы, как и в те годы. Дух встречи, возникший в 1945 году, дух Эльбы, сыграл решающую роль в создании этой книги. Он объединил бесчисленное количество людей, представляющих разные страны и различные идеологии, людей из Москвы и Монтерейя, Армавира и Торгау, Колки и Чикаго. Как и полагается союзникам, они с успехом преодолели расстояние и языковой барьер, чтобы поведать нам о своей первой встрече.

Большинство наших американских авторов наверняка скажут, что они самые обычные люди. Среди них водитель такси, страховой агент, вышедший на пенсию врач, писатель, владелец магазина мужской одежды, бывшие военные корреспонденты. Время идет, но эти мужчины и женщины живо помнят тот день, когда они впервые пожали руки русским, когда вторая мировая война подходила к долгожданному концу и многие думали, что прочный мир не за горами.

Именно эти вполне обычные люди и еще многие, подобные им, и есть подлинные герои этой удивительной истории. Некоторые из них писали свои воспоминания, сидя в современных офисах и пользуясь персональными компьютерами. Другие — за кухонным столом карандашом на листах из блокнота. Один из авторов признался: «Я пишу довольно плохо, но уж для такого случая постараюсь». Другой извинялся: «Простите, что получилось так много. Но мне просто надо было написать все». Некоторые записывали свои воспоминания на диктофон. Удивительные получились рассказы! Их герои — славные люди — разделены таким ко-

* Под таким названием книга выходит в США.

личеством разного рода барьеров, что их общение поначалу кажется невозможным. Несмотря на препятствия, они, как мы видим, в конце концов нашли общий язык. Разве не похожи они чем-то на глинистые берега Эльбы, связанные полуразрушенными, но до конца не сметенными мостами? В рассказах очевидна взаимосвязь противоположностей — Восток и Запад, друг и враг, американцы и русские.

Все, к кому мы обратились с предложением написать что-нибудь для книги «Янки встречают красных», приняли его не раздумывая. Энтузиазм возрос, когда они узнали, что в издании примут участие также советские ветераны и мэры города Торгау. Я верю, такого рода бескорыстное международное сотрудничество и подтверждает наличие огромных резервов доброй воли у миллионов людей во всем мире. Как написал один из наших ветеранов: «Я верю, что наступит такое время, когда нас не будут делить на русских, американцев, немцев и так далее, а будут говорить просто о людях. Это случится, когда дух братства воюболаждает на берегах Эльбы, Волги, Миссисипи и всех других рек на нашей планете».

Марк СКОТТ

**ОТ СТАЛИНГРАДА
ДО ТОРГАУ**

ПОЛКИ ВЫХОДИЛИ НА ЭЛЬБУ

Наступление 1-го Украинского фронта успешно развивалось. Танковые армии генералов Рыбалко и Лелюшенко и общевойсковые армии правого крыла и центра ударной группировки фронта вели стремительное наступление на север, на Берлин.

Наша 5-я гвардейская армия получила новое, более северное направление наступления. Обстановка восточнее Дрездена осложнилась. Немцы наносили удар по тылам главной группировки фронта с юга. Это было опасно. Для отражения контрнаступления противника А. С. Жадов перебросил с правого фланга армии корпус Родимцева и танковый корпус Полубоярова, прежнюю полосу действий которых заняла 118-я стрелковая дивизия генерала Суханова, вновь вошедшая в состав 34-го гвардейского стрелкового корпуса.

Я выехал к командиру 118-й дивизии генералу Михаилу Афанасьевичу Суханову, чтобы уточнить задачи дивизии и ориентировать его на случай возможной встречи с американцами.

Командарм приказал главным силам 118-й и 58-й дивизий Эльбу не форсировать, а вести лишь активную разведку на западном ее берегу. При необходимости же действовать по обстановке, но немедленно докладывать ему. Американцы должны были оставаться на рубеже реки Мульде, что в 30—40 километрах западнее Эльбы. Перед дивизией Суханова противника практически уже не было. Оказывали некоторое сопротивление группы или части, оставшиеся в лесах у нас в тылу и прорывавшиеся к своим. 58-я дивизия генерала Русакова своим правым флангом выходила к городу Торгау. 15-я дивизия генера-

БАКЛАНОВ Г. В. (1910—1976) — советский военачальник, генерал-полковник, Герой Советского Союза. Войну начал начальником штаба стрелкового полка, участвовал в Смоленском сражении, в обороне Москвы. В боях под Сталинградом командовал дивизией. Закончил войну в должности командира корпуса. После войны работал в Министерстве обороны СССР, был командующим войсками Сибирского военного округа.

ла Чиркова вместе с кавалеристами корпуса генерала Баранова, преследуя отходящего противника, форсировала Эльбу и захватила плацдарм на западном берегу, в районе города Риза.

Таким образом, корпус 23 апреля занял весьма широкую, километров 70 по прямой линии, полосу от изгиба Эльбы у города Эльстера, восточнее Виттенберга, до города Риза, имея две дивизии по восточному берегу Эльбы, а одну, 15-ю, на плацдарме, где она вела тяжелые бои западнее и южнее Ризы.

Весь день я провел на колесах. От Суханова поехал к Русакову.

— Как дела, Владимир Васильевич?—спросил я Русакова, поздоровавшись с ним и находившимся тут же начальником политотдела дивизии Иваном Ивановичем Карповичем.

— Все три полка выходят на Эльбу. Перед дивизией противника почти нет,—ответил он.—А вот тылы наши воюют. Только что сообщили, что какая-то группа немцев напала на наш медсанбат. Целая война там часа два шла.

— Ну, отбились медики?—спросил я.

— Отбились! Жаль, врача одного ранили, хороший доктор. Выручила, как сообщили, команда выздоравливающих. Там у нас человек восемьдесят, наверное.

— Да, тылам нашим достается,—покачал головой Карпович.

— А вы знаете,—перешел я к делу,—не исключено, что нам предстоит встретиться с американскими войсками.

Я сообщил все сведения, полученные от командарма, дал сигналы опознавания, предупредил, чтобы были внимательны ночью, если придется открывать огонь, особенно артиллерийский.

— Вдруг по американцам ударите вместо немцев. Что тогда будет?—полушутя-полусерьезно спросил я.

Мы тщательно обсудили все детали и возможные варианты.

— Владимир Васильевич,—посоветовал я,—хорошо бы подобрать самых опытных и грамотных разведчиков

на тот берег. Может быть, есть знающий английский язык? Обязательно с ними пошлите. А вас, Иван Иванович,—обратился я к начальнику политотдела дивизии,—прошу разъяснить всем красноармейцам и офицерам значительность того исторического события, свидетелями, а может быть, и участниками которого мы скоро будем.

— Лишь бы именно на нас вышли союзники,—сказал Русаков.— В грязь лицом не ударим! Глядишь, и действительно в историю попадем!

— Смотрите в другую «историю» не попадите,—предупредил я.— Максимум внимания во всем и ко всему.— И, прощаясь, добавил: — Будут искать, скажите, поехал к Чиркову, а лучше сообщите, где я, Миттельману, в штаб корпуса.

Машина понеслась в расположение дивизии Чиркова, откуда доносилась канонада, а я размышлял над последними фразами разговора. История. Историческая встреча. Кто из нас, защищая родную Москву, в битвах за Сталинград, на Курской дуге и в других сражениях думал, что участвует в событиях действительно исторического значения? Тогда об этом просто не думалось, мы выполняли свой солдатский долг, присягу на верность Родине, приказ своего командира. А оказывались непосредственными участниками исторических событий, которые были действительно поворотными пунктами Великой Отечественной войны, успехами не только стратегическими, но и крупными политическими, оказывающими влияние на соотношение сил воюющих коалиций, на всю мировую политическую атмосферу того или иного периода.

Но встреча с союзниками по второй мировой войне, в частности с армией США, уже тогда всеми нами ожидалась как событие исторического плана, как важный не только военный, но и политический акт, приближающий победоносное окончание войны. Предстоящая встреча разрезала весь стратегический фронт немецко-фашистской армии на две изолированные группировки: северную, где еще судорожно, но яростно оборонялся Берлин, в подземельях которого задышался в предсмертной агонии Гитлер, и южную, которой руководил фельдмаршал Шернер, позже не подчинившийся решению о безоговорочной капитуляции фашистской Германии и продолжав-

ший сопротивление в Чехословакии даже после Дня Победы.

Вскоре мы добрались до командного пункта генерала Чиркова.

Семь сильных контратак отбили уже,— доложил П. М. Чирков, — но держимся. Прошу усилить дивизию противотанковой артиллерией. Было бы спокойнее.

Петр Михайлович, помощи не ждите. Вы знаете о контрударе немцев восточнее Дрездена. Там сейчас главное для командарма, а просить у него помощи я не буду. Совестью.

Уточнив обстановку и задачи дивизии, дав некоторые советы, я отправился на свой командный пункт, находившийся километрах в двадцати пяти восточнее Торгау.

Добравшись «домой», я узнал, что из штаба фронта приехали корреспонденты «Красной звезды». Один из них, Константин Симонов, хотел встретиться со мной лично.

Склярон, сказал я адъютанту,— приглашай сразу. Может быть, и поужинаем вместе.

Вскоре появился высокий, стройный и подтянутый подполковник Константин Симонов уже был широко известен как талантливый и разносторонне одаренный литератор: поэт, очеркист, писатель, драматург. Но, разумеется, не так, как теперь, когда за его спиной добрых четыре десятилетия большой творческой работы, десятки произведений, нашедших признание у миллионов людей как у нас в стране, так и за рубежом, активная общественно-политическая деятельность. Однако тогда уже был написан роман «Дни и ночи», особенно близкий и дорогой каждому, кто участвовал в защите Сталинграда, и тогда расхватавались томики его стихов, и тогда шли в театрах нашей страны его рожденные горячей любовью к Родине пьесы.

Мы пожали друг другу руки. Рука писателя-солдата была мягкой, но сильной.

Я слышал, товарищ генерал, что вы выходите на американцев? — спросил он, немного грассируя.

Не исключено,— усмехнулся я.

И когда же этого можно ждать?

Да уже ждем. Может, сегодня, а может, завтра...

Сегодня-то вряд ли,— усмехнулся Симонов, глядя на потемневшие окна. — Ночь уже скоро.

— И то верно,— поддержал я его.— Давайте-ка ужинать, Константин Михайлович. Утро вечера мудренее. Авось поутру новости будут. Объявятся, может, наши союзники...

Около четырнадцати часов 25 апреля генерал Русаков доложил, что в тринадцать часов тридцать минут в районе Штрелы (четыре километра северо-западнее Ризы) гвардейцы 6-й роты 175-го гвардейского стрелкового полка во главе с командиром роты старшим лейтенантом Г. Голобородько встретили группу военнослужащих, следовавшую с запада. Как выяснилось, это были разведчики 69-й пехотной дивизии 1-й армии США, которыми командовал лейтенант Котцебу.

Примерно через час снова позвонил генерал Русаков: разведчики 2-го батальона 173-го гвардейского полка, перебравшиеся на западный берег, на дороге к Торгау видели машину с несколькими военными. Кто они — немцы или американцы,— не разобрали. Машина скрылась из виду, въехав на улицы города. Почти сразу послышалась стрельба. Потом она стихла.

Через некоторое время над крепостью, стоящей почти у самого берега, вяло затрепыхалось на слабом ветерке большое полотнище. Наблюдатели дивизии отчетливо различили американские национальные цвета — синий, красный, белый и сразу подали условленный с американским командованием опознавательный сигнал — красную ракету. Ответа — зеленой ракеты — не последовало. Это настораживало.

А с колокольни церкви до разведчиков, находившихся на западном берегу реки, донеслись выкрики сначала на английском, потом на немецком языках.

— Америка! Россия!

Потом тот же голос, с сильным иностранным акцентом, начал выкрикивать по-русски одно-единственное слово:

— Товарищ! Товарищ!

Кричал человек в военной форме. Гвардии лейтенант Сильвашко начал кричавшего спрашивать по-немецки, но незнакомец, очевидно, его не понимал.

Наши гвардейцы сделали несколько выстрелов в воздух, и через несколько минут со стен крепости послышался по-русски:

— Товарищи! Не стреляйте! Здесь союзники! Здесь американцы! Москва — Америка!

Взвод разведки 58-й дивизии бросился к переправе, а разведчики, находившиеся на западном берегу, увидели, как от крепости к мосту побежал человек в американской форме. Через минуту советские солдаты пожимали руку американцу. Он оказался офицером разведки 1-го батальона 273-го полка той же 69-й пехотной дивизии 1-й американской армии младшим лейтенантом Уильямом Робертсоном.

Как выяснилось потом, Робертсон и три американских солдата — Макдоннелл, Хафф и Стауб — ранним утром 25 апреля отправились на разведку местности в районе восточнее немецкого городка Вурцен, что на реке Мульде. Увлеченные выполнением задания, американцы ушли от своих позиций значительно дальше, чем предполагали, вышли к Торгау, попали под обстрел засевших там в одном из домов немцев и в конце концов первыми встретились с нашими войсками.

Забегая вперед, скажу, что в расположение своей части Робертсон вернулся в сопровождении офицеров 58-й дивизии нашего корпуса Ларионова, Сильвашко и сержанта Андреева. Командование 273-го американского полка встретило представителей Красной Армии очень тепло, а совсем юный, двадцатилетний Робертсон, заливаясь счастливым смехом, рассказывал, в каком отчаянии были они, американские разведчики, не имея зеленой ракеты, чтобы подать ответный сигнал, и как он, ворвавшись в аптеку, разрисовывал какими-то медикаментами первую попавшуюся простыню, чтобы создать подобие американского флага.

...Я еще не положил трубку, при этом слушая первое сообщение из 58-й дивизии о появлении американцев, а присутствовавший писатель Константин Симонов, затянув потуже ремень и одергивая гимнастерку, уже говорил мне:

— Ну что же, поехали, Глеб Владимирович?

— Если хотите вместе, подождите немного. Я должен лично доложить командарму.

Вызвать Алексея Семеновича Жадова удалось не сразу.

Естественно, что беспокойные и вездесущие корреспонденты умчались без меня. Уж такая у них профессия:

они должны побывать везде первыми и посмотреть все своими глазами.

Командарм был очень обрадован докладом о состоявшейся встрече с американцами и даже почему-то сказал: «Спасибо тебе». Потом еще раз напомнил о том, что официальные встречи должны проходить на нашем берегу по рангам. Сначала должны встретиться командиры полков, потом — комдивы, далее — комкоры. Я заверил Жадова, что все это знаю и помню, а сейчас хочу сам побывать в Торгау, посмотреть и проверить, что там делается.

...В назначенный час 27 апреля моя машина вылетела к берегу Эльбы. Паром, на котором стоял «виллис» американского генерала, был уже на середине реки. Внизу, на отмели, толпились встречающие. На том берегу стояли еще десятка два машин и человек сорок военных.

Паром мягко ткнулся в песчаную кромку берега. Через несколько секунд высокий сухой командир 5-го армейского корпуса американцев генерал-майор Хюбнер, показывая в улыбке крупные желтоватые зубы, дружески, крепко пожимал мне руку.

По песчаной тропинке мы начали подниматься вверх. Вдоль самого края обрыва, над поймой реки и лицом к ней, застыли встречающие офицеры штаба. Двое солдат держали свернутый кумач с изображением медали «За оборону Сталинграда». Как было договорено заранее, по моему сигналу в весеннем воздухе затрепетало развернутое солдатами полотнище.

Генерал Хюбнер, несмотря на немолодой возраст (думаю, что ему было в то время лет под шестьдесят), легко поднялся на обрыв, только чуть порозовело обветренное лицо и стало заметно, как вздымается широкая грудь.

Мы остановились перед строем, и я обратился к Хюбнеру:

— Господин генерал, в память об исторической встрече наших войск на берегах Эльбы, в знак дружеских чувств, которые связывают нас, союзников, в борьбе с фашизмом, позвольте мне поднести вам наш скромный сувенир. — Я сделал шаг к полотнищу и, указав на него, продолжал: — Это не знамя. Но этот алый стяг с медалью «За оборону Сталинграда» — символ наших побед на берегах великой русской реки Волги. Мы пронесли его под бомбежками и обстрелами, через кровь и пламя, и он

стал свидетелем новых побед, свидетелем радостного события — соединения двух фронтов, встречи союзников, внесших большой вклад в дело победы. Примите это полотнище, господин генерал, со всеми следами тяжкого пути, проделанного нашим корпусом, и пусть оно будет для вас напоминанием о великой победе над фашизмом и о солдатской, боевой дружбе двух народов...

На суровом лице генерала что-то дрогнуло, слабая улыбка тронула жесткий, немного надменный рот, и мне даже показалось, что повлажнели спрятавшиеся в сетке морщин глаза. Генерал Хюбнер с чувством пожал мне руку, хотел что-то сказать, вдруг закашлялся, и в это самое время над краем обрыва показались головы переправившихся на наш берег корреспондентов.

Признаться, я был несколько ошеломлен этим нашествием шумной журналистской братии, отнюдь не предусмотренным протоколом. Константин Симонов и Александр Кривицкий держались, я бы сказал, с большим тактом, хотя они тоже пожимали руки, хлопали коллег по плечам, задавали вопросы и Хюбнеру, и американским корреспондентам. На смугловатом лице Симонова появился румянец, а мальчишески пухлые губы азартно подергивались.

Наконец мы отправились в маленькую живописную деревушку Вердау, километрах в пяти от той переправы, где я встречал гостей. Все распоряжения поварам были отданы еще накануне, но, как им удалось подготовиться, я, разумеется, не знал и немножко беспокоился, не желая ударить в грязь лицом прежде всего перед бойкими на перо журналистами, тем более что на их присутствие мы не рассчитывали. Хорошо еще, думал я, сидя в машине рядом с Хюбнером, что догадался приказать поставить побольше лишних приборов.

Опасения мои оказались напрасными. В маленьком садике, прилепившемся к аккуратному коттеджу, на уютной лужайке, под сводом цветущих яблонь, я увидел такое, о чем не смел и мечтать...

Какое впечатление наш стол произвел на американских гостей, я мог судить только во время обеда, потому что, приглашая к столу, я, обеспокоенный тем, хватит ли мест, на лица не смотрел и к репликам не прислушивался. Но точно помню, что, когда после закусок был подан дымящийся, ароматный настоящий украинский борщ и

гости поднесли ко рту первые ложки, над столом поплыло выразительное американское «О-о-о-о-!», безусловно выражавшее восхищение. За украинским борщом последовали сибирские пельмени. Словом, как меня заверили, «все было в таком виде, что лучше и не бывает».

Итак, человек, наверное, сорок гостей и своих сидело за красиво сервированным столом, запах хорошо приготовленной пищи соперничал с запахом цветущих яблонь, все располагало к хорошему, искреннему разговору. И он состоялся.

Говорили о войне: о трудных сражениях и славных победах, о солдатском долге и фронтовой дружбе, говорили об опасности фашизма и необходимости бороться с ним. А какие тосты произносились за тем столом!

Выпили за победу и приближающееся окончание войны, за нашу встречу, за дружбу союзных армий, за процветание наших народов, за человека и человеческое счастье.

В конце обеда американцы завели разговор о Т-34, отозвались о нем с большой похвалой и задали несколько чисто технических вопросов. Я предложил посмотреть машину, и все отправились на соседний участок.

Не в обиду будет сказано, иностранным журналистам, присутствовавшим на обеде, очень и очень пришлось по вкусу русская водка, на которую они изрядно приналегли, в чем им не уступили и водители «виллисов», на которых приехали наши гости. Прикинув, что это может привести к неприятным последствиям, я приказал выделить наших шоферов и довести гостей до переправы.

Мы прощались очень тепло, и американцы сели в машины с огромными букетами весенних цветов, собранных гвардейцами в небольшом лесочке, который опоясывал скромную немецкую деревушку Вердау.

На следующий день обострилось положение на левом фланге, где фашисты сделали несколько решительных попыток потеснить наши войска. Это вызвало у меня беспокойство, хотелось поехать туда, чтобы на месте определить размеры угрозы и принять необходимые контрмеры. Но мне было приказано встретиться у нашей переправы командующего 1-й американской армией генерала Ходжеса и проводить к месту приема нашим командармом генералом Жадовым.

Естественно, теперь я уже был гораздо спокойнее, чем накануне. Тем не менее, встречая крупного американского военачальника, я ощутил приятное волнение, когда первым из представителей Советских Вооруженных Сил приветствовал его на территории, освобожденной нами, и почувствовал на себе внимательный, испытующий взгляд гостя. Он смотрел на меня так, точно во мне одном пытался увидеть отражение тех качеств Красной Армии, которые вызвали почтительное восхищение всего мира, бывшего свидетелем нашей беспримерной борьбы с фашизмом.

Мы благополучно прибыли в резиденцию генерала Жадова, находившуюся километрах в тридцати от переправы. Местом встречи двух командармов было избрано довольно большое поместье с абсолютно неповрежденным господским домом.

Свита у генерала Ходжеса была еще больше, чем у Хюбнера. Журналисты тоже явились в полном составе. В остальном же эта встреча была очень похожа на вчерашнюю: то же радостное возбуждение, выражение взаимной симпатии, искреннего уважения, та же теплота и дружба.

В качестве сувенира генерал Жадов преподнес Ходжесу медаль «За оборону Сталинграда», прикрепленную к небольшому обтянутому малиновым бархатом альбому.

Несколько часов прошло в непринужденной дружеской беседе за красиво сервированным столом, и, по моему, американцы уехали очень довольные оказанным им приемом, генералом Жадовым и многочисленными знакомыми из штаба армии.

Для меня полоса приемов на этом не кончилась. Буквально через несколько часов я получил сообщение о том, что командир американского корпуса приглашает меня с ответным визитом в свой штаб, находящийся в Лейпциге, 1 мая 1945 года.

Скажем прямо, приглашение пришло не вовремя. Гитлеровцы на левом фланге продолжали контратаковать, положение там сложилось трудное, уезжать в такое время мне казалось просто невозможным. Что делать?

Доложил обстановку командарму, сообщил о приглашении и попросил указаний. Командарм приказал отправляться с ответным визитом.

Командир американского корпуса приглашал меня прибыть с офицерами штаба в количестве 16 человек и

сообщал, что в случае нашего согласия в Торгау нас будут ждать самолеты, которые доставят делегацию в Лейпциг. Опять задача: кому ехать? Нельзя же самому уехать, да еще и боевых командиров забрать! Мало ли что может произойти! Война-то продолжается, фашисты нажимают. В конце концов, посоветовавшись, из командиров дивизий решили взять с собой только генерала Суханова, а из штаба корпуса — полковников Волова, Миттельмана, Оспищева да еще нескольких офицеров и корреспондентов.

Первое мая. Наверное, в этот день случались и дожди, и серая, пасмурная погода, а в сознании он все равно ассоциируется с весенним ликованием, солнцем, первой зеленью. Должно быть, именно поэтому, проснувшись утром 1 мая 1945 года и увидев, что солнечный свет волнами клубится над землей, я удовлетворенно подумал: погода прекрасная! И ощутил светлое, праздничное настроение...

Мы благополучно добрались до Торгау и на западной окраине города на зеленой полянке увидели с десятков американских легких самолетов. Расселись по два человека в каждую машину, и зеленые «стрекозы» легко и плавно взмыли вверх, сопровождаемые несколькими истребителями прикрытия.

Аэродром под Лейпцигом напоминал картинку из прочитанного в детстве научно-фантастического романа, изображающую лунную поверхность: поле было сплошь изрыто большими и маленькими воронками, сверху казавшимися кратерами вулканов.

Но город, по которому мы мчались на сверкающем «кадиллаке», украшенном американским и советским национальными флажками, оказался почти неповрежденным. На просторной площади у большого и красивого здания, где расположился штаб корпуса, мы остановились. Площадь была оцеплена американскими солдатами, дружелюбно рассматривавшими нас. За их спинами толпилось население Лейпцига.

Перед зданием выстроился почетный караул и весь офицерский состав штаба. Навстречу мне двинулся с приветливым выражением лица незнакомый генерал. Это удивило меня, так как я был уверен, что наношу ответный визит генералу Хюбнеру. Однако, как выяснилось позже, за те несколько дней, что прошли со времени

приезда к нам Хюбнера, у американцев произошли некоторые перемещения командного состава, и теперь меня принимал новый командир корпуса генерал-лейтенант Коллинз. Генерал Коллинз впоследствии, уже после войны, занимал должность начальника штаба сухопутных войск Соединенных Штатов Америки.

Здесь, в Лейпциге, Коллинз организовал для нас встречу на самом, как теперь говорится, высоком уровне. едва мы вышли из машин, как раздались звуки Гимна Советского Союза, затем зазвучала мелодия американского государственного гимна. После этого мы с генералом Коллинзом обошли строй почетного караула, и я познакомился с офицерами штаба. Только после этой церемонии мы поднялись по ступенькам в здание штаба.

Генерал Коллинз пригласил меня в свой кабинет, в то время как сопровождавшими меня товарищами занялись офицеры штаба.

В просторном кабинете на стене висела большая карта Европы. Генерал взял в руки лежавшую на столе указку. Ее острый конец скользнул снизу вверх и остановился на Па-Манше.

— Вот,— сказал генерал,— отсюда мы начали.

Легко скользя указкой по карте, Коллинз рассказал о пути, пройденном корпусом. Подробнее остановился на боях в Арденнах.

Здесь нам было труднее всего.— Коллинз помолчал, чуть покачивая сверху вниз головой и, видимо, что-то вспоминая об этих боях.

Мы знаем это,— сказал я.— И тогда знали, когда немцы остановили вас в Арденнах. Собственно, из-за этого и нам пришлось несколько изменить ранее намеченные планы. Начать на неделю раньше Висло-Одерскую операцию с высокими темпами наступления.

— Да-да, темпы! Вы выдержали удивительные темпы! — продолжал Коллинз.— Но скажите, генерал, как вам удавалось сохранять средний темп наступления по двадцать пять — тридцать километров в сутки на протяжении более чем десяти дней? Ведь вы шли пешком, с тяжелыми боями. Как вы могли?

— Наш солдат многое может, когда это надо,— ответил я.— Он многое может, потому что сам отлично понимает, что надо, зачем надо и во имя чего надо...

— Да, да! — искренне поддержал меня генерал. — Замечательные солдаты! Замечательные! Они достойны своей великой победы... Но как вы управлялись с тылами? Ведь при таком, простите, бешеном темпе расстояния, на которые надо было подвозить боеприпасы, снаряжение и все прочее, возрастали чудовищно быстро? — продолжал добиваться генерал Коллинз.

— А разве ваши, кстати, полностью моторизованные тылы сильно отставали? — ответил я вопросом.

— Да, господин генерал, — сокрушенно качнув головой, ответил Коллинз. — Признаться, мы испытывали с тылами немало трудностей. Обеспечение войск — вещь нелегкая. Уж очень война прожорлива.

— Вы выражаетесь мягко, господин генерал. При том уровне развития, которого достигло человечество, война вообще представляется чем-то чудовищным. Будем надеяться, что это последняя война. Как ваше мнение?

— Будем надеяться... Хочется надеяться... — задумчиво ответил Коллинз.

После беседы нас пригласили на обед в роскошную загородную виллу. В саду, перед открытыми окнами большой веранды, нас встретил музыкой негритянский джаз-оркестр, причем такими мелодиями, которые для слуха советских людей, сказать по правде, в то время были непривычны и с которыми может поспорить разве что современная поп-музыка.

Итак, мы обедали у генерала Коллинза по-американски, начав с ананасов. Не помню точно, что подавалось к столу еще, но помню, в частности, что виски подали в заключение трапезы, уже после кофе, и абсолютно без всякой закуски. Может быть, именно в силу этого обстоятельства во время обеда все было чинно и серьезно. Говорили о войне, о планах Гитлера, которым мы помещали осуществиться, о многочисленных примерах истории, когда захватнические войны заканчивались полным крахом, о знаменитых полководцах. Разговоры были интересными, дружелюбными, проникнутыми взаимным уважением.

Теперь, когда у меня был, можно сказать, «солидный опыт» подобных международных встреч, я заранее подумал о сувенире и преподнес генералу Коллинзу наш пистолет ТТ, на котором мы даже сумели сделать соответствующую случаю надпись (на мое счастье, удалось

найти неплохого гравера). По-моему, генералу подарок понравился. Он как-то ласково и уважительно погладил вороненую сталь и, поблагодарив меня, сказал:

— Это хорошее оружие, достойное настоящего солдата.

А потом снял с поясного ремня кобуру и, подавая мне свой кольт двенадцатого калибра, добавил:

— Примите, генерал, на память. Он тоже честно служил мне.

Мы расстались дружески, и я сохранил о встречах с американцами весной 1945 года весьма приятные воспоминания.

Из книги «Ветер военных лет»

Александр СИЛЬВАШКО

СЛЕЗЫ БЛЕСТЕЛИ В ГЛАЗАХ СУРОВОГО ВОИНА

Когда в 1941 году на Украину пришла война, я работал в райкоме комсомола. Мне пришлось пережить все ужасы фашистской оккупации. Сражаться с врагом я начал в партизанском отряде, а в декабре 1942 года принял военную присягу в Красной Армии.

Вскоре после этого началась моя солдатская служба в 8-й стрелковой роте 173-го стрелкового полка. С передовыми подразделениями полка всегда шел и наш пулеметный взвод, в котором я прослужил до конца войны. Дважды был ранен, один раз контужен, но из госпиталя возвращался всегда только в родной взвод. Битва на Дону, битва за Днепр, форсирование Буга — это были тяжелые, кровопролитные сражения. А в Германии? Какие бои были там! Фашисты держались до последнего. Но мы все-таки победили!

Александр Сильвашко родился в 1922 году в Черкасской области. На Эльбе командовал взводом 173-го стрелкового полка 58-й гвардейской дивизии. После войны уже более 40 лет работает директором школы в деревне Колки Клецкого района Минской области, преподает историю.

Весной 45-го на подступах к Эльбе мой взвод не раз встречал отчаянное, бешеное сопротивление беспорядочно отступающих немцев.

Вечером 24 апреля 1945 года мы с боем подошли к городу Торгау. Мой взвод был впереди, хозяйственные службы и конный обоз шли за основными силами полка. Обнаружив наш батальон на окраинах города, немецкая артиллерия открыла огонь. Пришлось окопаться и выслать разведчиков.

25 апреля нам удалось выбить немцев из их укреплений. В этот день нам суждено было встретиться с американцами. День был особый и запомнился мне на всю жизнь. Цвела сирень, было тепло и солнечно. Утренний туман на Эльбе рассеялся, огонь с противоположного берега прекратился. Все мы чувствовали, что война кончается.

Но фашисты придумали дьявольскую западню. Они вышли со своего берега на взорванный мост с белыми повязками на рукавах. Ну, раз повязки белые — значит, идут сдаваться. Поэтому и показывали им знаками: идите сюда, стрелять не будем. А они звали нас. Мы с одним автоматчиком поползли по фермам им навстречу. Неожиданно гитлеровцы открыли бешеный огонь. Завязалась перестрелка. Жив я остался чудом.

Через некоторое время на окраине Торгау появилась группа солдат в неизвестной форме. Я подумал — еще одна гитлеровская уловка. А они тем временем стали укреплять какой-то флаг на колокольне. Вскоре в нашу сторону направились четверо — явно с мирными целями. Они кричали: «Москоу!», «Америка!», «Донт шут!»* Мы приближались друг к другу по мосту. Встретились посередине. Пожали друг другу руки. Языка никто не знал, но солдатская смекалка помогла разобраться.

Я увидел среди американцев офицера. Тот представился: «Уильям Робертсон». Я тоже представился: «Гвардии лейтенант Сильвашко». Я не знал английского, он не знал русского. Объяснялись жестами, но договорились, что идем докладывать командованию. Робертсон попросил проводить его к командиру нашего полка и нас, в свою очередь, пригласил в свою дивизию — подтвердить, что он действительно встретил русских.

* «Не стреляйте!» (Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, примечания советского редактора.)

Мы как-то по-особому, облегченно вздохнули. Солдаты бросились к реке, стали умываться, бриться, кое-кто даже попытался искупаться в холодной реке. В эти минуты ощущалась огромная радость. Помню, подошел ко мне пулеметчик. Он был самый старший среди нас — лет под пятьдесят. Солдат вспомнил о своей семье, о родной деревне. Накануне он получил письмо, узнал, что дочка выходит замуж. Слезы блестели в глазах сурового воина...

Как только я доложил, что встретил американцев, в мой окоп примчались майор Ларионов, заместитель командира полка, капитан Неда, комбат и сержант Андреев. По приглашению Робертсона мы вчетвером отправились на его «джипе» в штаб американской дивизии, который находился километрах в сорока пяти. Дорога заняла около часа. По пути видели, как остатки немецких частей, разбитых нашими войсками, шли сдаваться американцам. Группа немецких офицеров и солдат остановилась на нашу машину, чтобы узнать дорогу на сборный пункт военнопленных. Они были поражены, увидев рядом с американцами нас. С наградами и при оружии, на удивление веселые, немцы двигались вереницей прямо к штабу дивизии, аккуратно складывали там винтовки, автоматы и пулеметы. «Пленные» свободно разгуливали и чувствовали себя как дома. Мы — четверо, вооруженные только пистолетами, — опасались какой-нибудь выходки, особенно со стороны эсэсовцев. Поздним вечером прибыли в штаб американского полка в Вурцене. Нас не ожидали — это было видно по суматохе, вызванной нашим появлением. Вскоре мы снова отправились в путь — в штаб американской дивизии в Требзене. Туда уже сообщили, и нас ждали. Несмотря на поздний час, встретили радушно, гостеприимно и даже празднично. Множество репортеров атаковало нас со всех сторон, и стоило немалых усилий, чтобы отделаться от них и наконец поужинать. Тот поздний ужин как-то незаметно перешел в ранний завтрак...

Нас принял командир 69-й дивизии генерал-майор Эмиль Рейнхардт. Мы произнесли тосты за наши армии, за наши страны. А потом, сфотографировавшись на память, в сопровождении командования американской дивизии в тринадцати «джипах» поехали на Эльбу — американцы должны были встретиться со своими советскими боевыми товарищами.

Михаил ЧИЖИКОВ

В РАЗВЕДКЕ

Ведя ожесточенные бои с фашистами, наш 173-й полк 58-й гвардейской стрелковой дивизии 16 апреля форсировал реку Нейсе. За восемь суток мы продвинулись на 140—160 км и к исходу дня 24 апреля вышли к Эльбе в районе города Торгау.

Моему взводу пешей разведки была выделена радиостанция. Кроме радиста нам был придан артиллерист-корректировщик. Основным направлением разведки был Торгау. Вначале мы обследовали восточный берег Эльбы, где обнаружили отдельное поместье и захватили скрывающихся в нем одиннадцать фашистов. Тут же допросили их и отправили в штаб полка.

Продолжая вести разведку местности, на рассвете 25 апреля услышали взрыв в районе города. Осмотрев взорванный мост, установили, что, хотя часть моста между опорами погружена в воду, по нему можно перебраться на другую сторону реки. Так как под рукой не оказалось никаких других переправочных средств, недолго раздумывая, мы — рядовые Иван Шишарин и Николай Бабич, сержант Виктор Гавронский и я решили перебраться по уцелевшим конструкциям моста на западный берег Эльбы. Часть взвода с радиостанцией осталась на восточном берегу.

Когда мы перебирались по взорванным фермам моста, нас обнаружили фашисты и открыли огонь из пулеметов. Противник занял огневые позиции прямо у воды слева и справа от моста. Укрываясь от вражеских пуль, мы продвигались вперед, стреляя на ходу. После недолгой перестрелки мы все-таки вынудили противника бросить огневые позиции, а сами «зацепились» за западный берег реки.

Михаил Чижиков родился в 1923 году в городе Торжке Калининской области. До войны работал машинистом на электростанции. На фронте с 1943 года. После войны продолжал служить в Вооруженных Силах СССР, ныне пенсионер.

Заняв оборону возле моста, мы обнаружили здесь несколько лодок. Две из них переправили на противоположный берег и доставили в них обратно остальных разведчиков с радиостанцией.

Контратаки со стороны противника так и не последовало, и мы вошли в город. Продвигались осторожно, осматривали дом за домом. В одном месте нас атаковала группа фашистов, человек 10—15. Но взвод не растерялся и мгновенно открыл ответный огонь. Фашисты тут же отступили. Наконец вышли на западную окраину города и перекрыли ведущую с запада дорогу. На этом задача, поставленная перед нами, была выполнена.

Как только рассвело, мы увидели прямо перед собой какую-то крепость. В ней, как оказалось, находился лагерь военнопленных; его охрана, услышав перестрелку, разбежалась. Вскоре оттуда пришла группа людей. Среди них были русские, украинцы, бельгийцы, англичане и представители других национальностей. Они не скрывали своей радости, приглашали нас к себе, чтобы вместе отметить день освобождения. Мы не смогли этого сделать сразу, так как обстановка в городе была еще не ясна. Через некоторое время пленные возвратились — на этот раз уже с раздобытой где-то в городе едой и спиртным. И мы вместе прямо у дороги отметили освобождение и радостную встречу.

Прощались очень тепло. Над лагерем уже развевались яркие полотнища. Даже не помню точно, что на них было изображено, но, видимо, это были национальные флаги.

Было совсем светло, когда часов в 8—9 утра на горизонте с запада появились машины, которые двигались по направлению к нам. Я дал команду: «Без моего сигнала огонь не открывать!», так как знал о возможной встрече с союзниками. Машины приблизились, и мы увидели, что на немецкие машины они не похожи. Это были «джипы». На них ехали солдаты. Я поднялся во весь рост — и первая машина остановилась. Вслед за ней подъехали еще три. Так мы встретились с американским патрулем. Очень быстро начали понимать друг друга, разговаривая на ломаном немецком языке.

В каждой машине было по 3—4 человека. На первой была радиостанция, по которой лейтенант — командир патруля — доложил своему командованию о нашей встрече. Он получил распоряжение сообщить нам, что

американское командование предложило время встреч между союзниками: командиры рот — в 13.00, командиры батальонов — в 15.00, командиры полков и дивизий — в 17.00. Предложения эти я передал по радиостанции нашему командованию.

В 13.00 на площадь в Торгау с американской стороны прибыли 15—20 «джипов». Американцы подарили всем нашим разведчикам пистолеты кольт. Встречи продолжались на западном и восточном берегах Эльбы. Переправлялись воины наших армий туда и обратно на лодках и через взорванный мост. Дорогой ценой была оплачена эта долгожданная встреча, но она свершилась, и мы очень были рады этому. Встретились солдаты союзных армий. Разговаривая на разных языках без переводчика, мы прекрасно понимали друг друга.

Сергей КРУШИНСКИЙ

У ТОРГАУ

Кто слышал до вчерашнего дня о германском городке Торгау, расположенном на берегу Эльбы? Чем он был известен? Далеко не всякий мог ответить на этот вопрос. Но теперь это место становится историческим: в 13 часов 30 минут 25 апреля здесь, в центре Германии, в районе города Торгау, соединились войска 1-го Украинского фронта и союзные нам англо-американские войска, рассекшие фронт ударом с востока и запада. Тем самым гитлеровские армии, находящиеся в Северной Германии, отрезаны от войск в южных районах Германии.

Я прилетел на Эльбу утром. В течение часа с небольшим самолет пересек пространство, занятое нашими войсками в дни апрельской битвы. Промелькнули реки Нейсе и Шпрее. За ними долго тянулись леса с вкрапленными в них селениями и городками. Всюду мы видели еще све-

Сергей Крушинский (1909—1959)— советский журналист, в годы войны специальный военный корреспондент газеты «Комсомольская правда».

жие следы мощных ударов нашего оружия и отважной борьбы наших войск. По опушкам лесов всюду тянутся вырытые врагом траншеи. Поляны испещрены окопами. Улицы городов и селений перегорожены баррикадами.

О том, какая судьба постигла все эти оборонительные рубежи противника в широком междуречье Шпрее и Эльбы, красноречиво говорили брошенные повсюду пушки с расщепленными стволами, сожженные танки, дороги, заполненные хламом разбитых военных обозов. Чем дальше на запад, тем свежее эта картина военного разгрома фашистской Германии. Огненные потоки нашего наступления смели все, уничтожили все преграды на своем пути.

Германия Гитлера в эти дни рассыпается на куски. Уже местные фюреры не пытаются вывозить свои канцелярии — некуда. У фольксштурмистов, когда их берут в плен, находят в вещевых мешках гражданское платье: они готовятся к переодеванию. Занимая районы на берегах Эльбы, наши войска нашли здесь толпы людей, бегущих с востока и запада, они перемешались и остановились. Дальнейших путей отступления не было...

Нелегко сразу охватить мыслью все значение переживаемых ныне дней. Каждая деталь будет иметь значение для истории. Со временем будут спорить — было ли 15 апреля ясно или пасмурно, сильный ли дул ветер? Но сегодня, в порыве боевого вдохновения, наши солдаты едва замечают смену дней и ночей. Лишь случайно, приживая к каске свежую ветку, солдат замечает, что уже расцвели яблони.

Накануне этого исторического дня я был в Берлине — наши войска форсировали широкий, одетый в гранит канал Тельтов. Самолеты стаями заходили с юга, бомбили противника, укрепившегося в каменных зданиях на том берегу, а в это время наши саперы наводили переправы для танков. С каким подъемом, с каким воодушевлением двигались вперед советские солдаты! С переднего края поступали вести — одна радостнее другой: уже занято несколько станций метрополитена, все ближе и ближе подходят наши части к центру города.

Именно теперь, когда великая апрельская битва принесла свои плоды, когда мостовые Берлина покорно стлались под ноги нашему солдату, было легче понять дух этого исторического сражения. Представьте себе общую

картину битвы, как она сложилась на 1-м Украинском фронте около 20 апреля. Наши части, форсировав реку Нейсе, смело устремились вперед. Подвижные войска сразу же вырвались далеко к западу от Шпрее, а войска, шедшие за ними, развертывались веером и вели сложную, маневренную войну, обходя крупные укрепленные пункты, окружая и уничтожая значительные группы противника.

Германское командование прилагало все усилия к тому, чтобы остановить наступление наших войск. Но все было напрасно. Оборона врага слабела с каждым днем. Наконец она развалилась и рухнула.

И вот наши солдаты на Эльбе, в самом центре Германии... Наш самолет проходит в облаках теплого дыма над горящими лесами. Дороги кое-где покрыты зелеными пятнами — это ведут пленных. Обгоняя их, движутся на восток пестрые колонны освобожденных узников Германии. Люди останавливаются и подолгу машут руками, приветствуя самолет. Летчик, старший лейтенант Семин, отвечает покачиванием с крыла на крыло. В то же время он продолжает напряженно следить за землей и за небом: в лесах еще бродят разрозненные группы вражеских автоматчиков, а в небе поодиночке и попарно появляются фашистские истребители.

Все ближе к фронту. Вот наши саперы восстанавливают мосты через канал. На позициях стоят замаскированные пушки. Летчик описывает в воздухе сложные узоры, осматривая местность, лежащую впереди. И вот наконец сверкнула Эльба, плавно несущая свои воды по открытой равнине в низких берегах.

Еще один взгляд, и Семин пишет крупными буквами через весь лист бумаги: «Последний рубеж!». Непривычную картину увидели мы на берегу Эльбы: умолкшее оружие. Пушки, пулеметы — все было на местах, но все молчало. И люди — люди переднего края — свободно ходили между окопами. Это выглядело настолько непривычно, что как-то трудно было даже представить себе, что все это наяву.

Самолет приземлился на берегу Эльбы. Бойцы и офицеры, уже отмывшие в Эльбе пыль и копоть со своих рук, празднично улыбались, взволнованные такой необыкновенной обстановкой. Почистив оружие и приведя себя в

порядок, они брились, писали письма, и самая возможность заниматься всем этим спокойно радовала их. И в самом деле, это было здорово!

На командном пункте полка нам сказали, что еще утром произошли первые, не зафиксированные официально встречи наших и американских разведчиков на западном берегу Эльбы. Затем на пароме на восточный берег Эльбы переправилась группа американцев. Командир роты старший лейтенант Голобородько подал руку командиру группы американских разведчиков лейтенанту Котцебу.

Мы разыскали старшего лейтенанта Голобородько. Его зовут Григорий Степанович, родом он из Кременчугского района Полтавской области. По профессии слесарь-механик. Пошел он на войну еще в 1941 году. Многое испытал с тех пор. А начиная с форсирования Нейсе и до последнего дня участвовал в боях, не зная ни минуты отдыха.

Нам посчастливилось найти и лейтенанта-американца. С группой своих смелых ребят он, один из героев этих дней, осматривал на восточном берегу Эльбы гигантский лагерь для военнопленных. Тысячи узников погибли в застенках этого страшного лагеря от рук фашистских палачей, тысячи оставшихся в живых были спасены Красной Армией.

Бак Котцебу — из города Хьюстона, штат Техас. Перед мобилизацией он учился в университете. В действующей армии лейтенант Котцебу с 12 февраля 1945 года. Он прошел весь путь весеннего наступления, во главе разведки вышел на западный берег Эльбы и узнал, что противоположный берег на широком фронте уже очищен от противника русскими.

— Олл райт! — восклицает лейтенант.

Любопытную картину представляет собою эта полоса, в которой произошла встреча двух союзных армий. В городе Риза мы осмотрели взорванные мосты. Железнодорожный мост взорван врагом лишь в одном месте — у западного берега. Шоссейный мост целиком обрушен в воду. Но эта мера, как и все прочие, оказалась уже бесполезной: союзные армии приблизились к мостам с обеих сторон — с востока и запада.

На подходах к Эльбе стоят эшелоны с беженцами. Здесь кончилось гитлеровское пространство «для сокра-

ИЗ ДИРЕКТИВЫ СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ ОБ ОПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ЗНАКАХ ДЛЯ ВОЙСК НА СЛУЧАЙ ВОЗМОЖНОЙ ВСТРЕЧИ С СОЮЗНИКАМИ

КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ
1, 2 БЕЛОРУССКИХ
И 1 УКРАИНСКОГО ФРОНТОВ

*Копии: командующему ВВС
Красной Армии
командующему БТ и МВ
Красной Армии*

20 апреля 1945 года
23 час. 30 мин.

Ввиду возможной в ближайшее время встречи советских войск с англо-американскими войсками, по соглашению с командованием союзных войск, установлены следующие знаки и сигналы для опознавания советских и англо-американских войск:

1. Советские войска (пехота, танки, авиация) обозначают себя серией красных ракет.

Помимо ракет советские танки обозначаются одной белой полосой вокруг башни по ее середине и белым крестом на крыше башни. Полоса и крест должны быть шириной 25 см...

2. Англо-американские войска (пехота, танки, авиация) обозначают себя серией зеленых ракет.

щения» фронта. Фронт сократился до предела — он исчез бесследно.

* * *

...Вечер. Поднявшись в воздух, наш самолет описывает прощальный круг над Эльбой. Мы летим на восток. Здесь, где произошла встреча советских и англо-американских войск, уже царит тишина. Но дальше — там, на севере и юге, продолжается упорная борьба. Небо там застлано дымом и пылью. Неутомимо работает могучая советская артиллерия. Танки, ведомые умелой рукой, проходят с боями новые десятки километров, и их гусеницы блестят, как лемех плуга у трудолюбивого пахаря. Идет и идет, не зная усталости, наша славная пехота, воодушевленная одной идеей, одной мыслью — добить врага.

Ничто не сможет противостоять этому натиску. Сила, взращенная советским народом, сокрушит и развеет в прах последние очаги сопротивления гитлеровцев, которые четыре года назад осмелились занести меч над нашей Отчиной.

Правда, 28 апреля 1945 года

Григорий
ГОЛОБОРОДЬКО

МГНОВЕНИЯ БЕЗМЯТЕЖНОГО СЧАСТЬЯ

Долгим был наш путь к Эльбе. Война, в которой мне довелось участвовать с самого ее начала до победного конца, продолжалась 1418 дней и ночей. Позади были горькие дороги отступления, Сталинград, Курская дуга...

Григорий Голобородько (1912—1958) родился в деревне Саловка Кременчугского района Полтавской области. В Красную Армию ушел добровольно в 1935 году. С 1941 года на фронтах Великой Отечественной войны. На Эльбе — старший лейтенант, командир роты 175-го стрелкового полка 58-й гвардейской стрелковой дивизии. Награжден американским орденом. После Победы демобилизовался, жил в родной деревне, работал механизатором в колхозе.

Тысячи преград — реки и озера, леса и болота, минные поля и укрепленные пункты.

О том, что значит командовать стрелковой ротой в пехоте, да еще в наступлении, я думаю, распространяться не надо. Комроты показывали пример, поднимали солдат в атаку — и часто первыми гибли на поле боя. Добавьте к этому чувство особой ответственности за судьбы солдат, за их жизни.

В январе 1945 года мы наступали в Польше с Сандомирского плацдарма, на Висле, и несли большие потери. Солдат в роте осталось мало. Это на нашей земле мы освобождали свои села и города и тут же пополнялись новобранцами. А здесь людей не хватало.

Впереди снова была водная преграда — Эльба. Мне и в голову не приходило, что она станет рубежом, где произойдет встреча между нашими и американскими войсками.

23 апреля 1945 года мы заняли поселок Крайниц и вели бой за выход к Эльбе. Гитлеровцы упорно оборонялись. В их боевых порядках перемешались солдаты и офицеры, эсэсовцы и курсанты военных училищ, старики и даже подростки из фольксштурма и гитлерюгенда.

На следующий день, 24 апреля, я узнал о возможной встрече с союзниками. Командир 2-го стрелкового батальона гвардии майор Федор Глотов приказал мне подготовить роту к разведке на западном берегу Эльбы. Он добавил, что задачу поставит гвардии подполковник Александр Тимофеевич Гордеев — наш командир полка.

Утро 25 апреля было туманным. Это было нам на руку — меньше риска. Мы беспрепятственно форсировали Эльбу и продвинулись в юго-западном направлении к городу Штрела. Выбрали высокое сухое место, удобное для наблюдения, оборудовали позиции и стали ждать. В городе — никаких признаков жизни. Однако входить в него мы опасались. Выслали наблюдателей в Штрелу и ее окрестности. Фашисты воевать умели и нас приучили не допускать оплошностей.

Около полудня услышали шум моторов. В город въехали американцы на автомобилях, о чем мы догадались, когда увидели серию зеленых ракет. Командир полка предупредил нас, что это опознавательный знак американцев. Мы, как было условлено, ответили серией красных ракет. Из-за домов вышли солдаты в касках, не

похожих на немецкие, и в незнакомой нам форме. Вслед за ними на шоссе, ведущее к Эльбе, выехали автомашины. Теперь мы убедились, что это действительно американцы, — их «виллисы» имелись и в нашей дивизии.

После короткой заминки я попытался обменяться информацией с американским лейтенантом о расположении наших частей. Но мы не понимали друг друга. Тогда я повернул его лицом к Эльбе и указал на Крайниц, а затем показал этот же поселок на карте. Мы поняли друг друга и рассмеялись.

День был солнечный, теплый. Наши солдаты впервые ходили в полный рост. Медали на гимнастерках блестели в лучах солнца. Было такое чувство, что война кончилась. Это были мгновения безмятежного счастья и надежды. Мгновения, которые я запомнил на всю жизнь.

Фамилию лейтенанта Альберта (Бака) Котцебу я узнал позже, когда он со своим разведпатрулем переправился к нам в полк по приглашению подполковника Гордеева. Здесь я познакомился и с рядовым Джозефом Половски. Однако подружился мы 10 лет спустя, в 1955 году, когда он приехал в Москву. Вспоминая тогда первую встречу на Эльбе, мы поклялись сделать все для того, чтобы никогда больше не допустить войны.

Александр
ГОРДЕЕВ

ВСТРЕЧА БЫЛА РАДУШНОЙ

18 апреля 1945 года 175-й стрелковый полк, наступая в передовом отряде 58-й стрелковой дивизии, форсировал реку Шпрее западнее города Вайсвассер. Мы уже были на

Александр Гордеев родился в 1916 году в деревне Дрожево Владимирской области. В армии служил с 1937 года. Воевал с первого и до последнего дня войны, прошел боевой путь от Москвы и Волги до Эльбы, Берлина и Праги. Был помощником начальника штаба полка по разведке, заместителем командира полка, а затем командиром полка. Пять раз ранен и дважды контужен. Ныне полковник в отставке. Награжден американским орденом.

подступах к Берлину, но в это время перед дивизией поставили задачу — выйти к Эльбе на участке Торгау — Риза, захватить переправы и, прочно удерживая восточный берег реки, воспрепятствовать отходу противника.

Посоветовавшись с командирами батальонов и со своими заместителями, я принял решение посадить свою пехоту на автомашины и форсированным маршем продвигаться к Эльбе, не ввязываясь в затяжные бои с противником в населенных пунктах, а блокируя его вторым эшелонам.

Немцы прекратили в это время сопротивление на западе, перебросив войска на восток, и наши союзники беспрерывно продвигались вперед, к Эльбе. Нам же пришлось преодолевать яростное сопротивление фашистов, в частности дивизии СС «Лейбштандарте Адольф Гитлер», спешно переброшенной на этот участок фронта.

Так, отражая контратаки эссовцев, 2-й батальон 175-го стрелкового полка под командованием майора Федора Глотова к исходу 23 апреля 1945 года вышел на правый берег Эльбы восточнее города Штрела. Разгромив отходящего противника, батальон Глотова захватил переправу через Эльбу. Вскоре к реке вышел весь полк. Командный пункт развернули в поселке Крайниц, в четырех километрах северо-восточнее Штрелы. Мой наблюдательный пункт разместился на колокольне каменной кирхи, куда связисты провели телефонную линию.

В ночь на 24 апреля мы вели бой с противником через Эльбу, а южнее нас весь день 24 апреля и до утра 25-го в районе города Риза также шел упорный бой. Об этом сообщили наши связисты, которые обменялись информацией с соседями. Командир дивизии генерал-майор Владимир Васильевич Русаков, находившийся на наблюдательном пункте командира 173-го стрелкового полка, предупредил меня о возможной встрече с союзниками. Он сказал, что зеленые ракеты на западном берегу реки будут означать: «Мы — союзники» — и отвечать на них нужно красными ракетами.

Артиллерийский и минометный огонь по левобережным поселкам и городу до установления того, в чьих руках они находятся, запрещен. Основанием для подготовки к форсированию Эльбы был приказ командующего нашей 5-й гвардейской армией генерал-полковника А. С. Жадова; с выходом к реке там, где нет союзных войск на ее западном

берегу, захватить переправу и плацдармы и удерживать их.

К середине дня 24 апреля наступила полная тишина. Такое на войне всегда настораживает, и я доложил о своем беспокойстве командиру дивизии. Он мне приказал отправить утром 25 апреля за Эльбу разведку, но с условием: огонь открывать только в случае крайней необходимости и удаляться от реки не далее 10 километров. В разведку я послал 6-ю стрелковую роту под командованием старшего лейтенанта Григория Голобородько. Утром 25 апреля 1945 года она переправилась через Эльбу и без всякого сопротивления продвинулась до высоты 129,7 у поселка Леквиц, в километре севернее Штрелы. В 11.30 Голобородько доложил мне по радию, что они встретились с американскими военнослужащими. Задачу свою рота выполнила, и я приказал ей возвратиться в расположение полка, пригласив в гости наших американских союзников. Спустя некоторое время рота Голобородько вернулась в Крайниц. Вслед за ней сюда же прибыл и американский патруль. Это было в 13.30. О встрече я доложил командиру дивизии. Он приказал мне принять американских гостей. От командира дивизии прибыли начальник штаба подполковник Спиридон Рудник, майор Анатолий Иванов и другие представители. Я и мои заместители Яков Козлов, Тосолтан Битаров, Владимир Лысов подошли к паромной переправе, где уже находились американцы. Это был патруль 69-й пехотной дивизии армии США из состава 273-го пехотного полка под командованием лейтенанта Альберта Котцебу. Вскоре к нам подошли многие наши солдаты и офицеры.

Все мы были очень взволнованы. Американские солдаты уважительно рассматривали наши гвардейские знаки, ордена и медали, спрашивали их названия, интересовались, что это за красные и желтые нашивки на гимнастерках, и, узнав, что это знаки о ранениях, с восхищением говорили о героизме наших солдат.

Тут же, на лужайке, были расстелены плащ-палатки, выставлены русская водка и нехитрая закуска. И наши, и американские солдаты провозглашали тосты за то, чтобы никогда не было войны, за дружбу, скрепленную кровью в борьбе с общим врагом, за мир. Особенной приветливостью и, я бы сказал, горячим задором отличался среди американцев заместитель начальника патруля рядовой Джозеф Половски. Он говорил по-немецки и

через нашего переводчика сердечно благодарил советских воинов за их мужественную борьбу с фашизмом во имя мира на Земле.

Половски попросил меня подарить ему на память мою фотографию. К сожалению, у меня ее не было, но выручил подполковник Яков Козлов. Он дал мне групповую фотографию командования нашего полка, и я с удовольствием поставил на ней свой автограф и вручил снимок симпатичному американцу.

На этом первая встреча закончилась, а нас ждали другие дела. В частности, нужно было позаботиться о немецком населении. На восточном берегу Эльбы, особенно в Крайнице, где от паромной переправы остался только трос через реку, скопилось очень много женщин, стариков и детей, которых германское командование угоняло из восточных районов на запад. В толпе было много переодетых немецких солдат и офицеров. Нам пришлось развернуть полевые кухни, чтобы накормить этих людей, а беженцев как можно скорее отправить домой.

На другой день, 26 апреля, встречи продолжались. К нам в Крайниц снова переправились сержанты и солдаты из состава патрулей лейтенанта Альберта Котцебу и майора Фреда Крейга. Здесь был сам Котцебу, сержанты и солдаты Джозеф Половски, Илайджа Сэмс, Чарльз Форестер, Мюрри Шульман и другие. Их радушно встретили наши солдаты и офицеры.

Алексей
БАРАНОВ

ШЛИ ОТ ДОНА И ВОЛГИ

Смотрю на фотографии и вспоминаю те далекие дни, когда наша 58-я стрелковая дивизия встретилась на берегах Эльбы с американской 69-й пехотной дивизией. Этого

Алексей Баранов родился в 1913 году в Медынском районе Смоленской области. С 22 июня 1941 года на фронтах Великой Отечественной войны — старший сержант, командир взвода связи 175-го стрелкового полка. В этой должности был на Эльбе. После войны работал на Московском единственном фронтальном заводе «Красный пролетарий».

события мы ждали долго: без малого четыре года с боями шли от Дона и Волги, надеялись и верили, что будут и встреча с союзниками, и Победа.

На фотографиях и ныне живые, и погибшие в боях, и умершие в послевоенные годы. С ними мне приходилось делить тяготы и лишения, радости удач и побед. С ними мы ели из одного котелка и спали под одной шинелью. Около пяти тысяч километров преодолела пехота нашей дивизии короткими перебежками, ползком по-пластунски и редко нормальным человеческим шагом. Многим из моих друзей не довелось увидеть Эльбу 1945-го.

Некоторые из фотографий особенно дороги — на них запечатлено то, что забыть невозможно. На одной из них — первая встреча на Эльбе с американскими солдатами. Мне она запомнилась еще и потому, что мы, связисты, раньше других узнавали все новости, а ведь я был командиром взвода связи. Когда проходили переговоры между командирами, то всегда по их интонации чувствовалось, что назревает какое-то важное событие. На фронте говорили так: «Связист сообщает — сбудется».

Наша дивизия развивала наступление на Берлин. Но вдруг поступил приказ произвести стремительный выход к Эльбе. А это значило, что нужно готовиться к прокладке телефонного кабеля по дну реки. В этом деле мы имели довольно большой опыт. Особенно памятна переправа через Днепр под непрерывным огнем противника. В мое подразделение тогда входили Петр Хлебников, Александр Ольшанский и Сагит Гемотдинов. Вместе с нами были разведчики лейтенанта Александра Скляренко и саперы старшего лейтенанта Семена Верхотурова. Высадив нас, саперы угнали лодки обратно, чтобы противник не мог обнаружить место высадки десанта.

Несмотря на шквальный огонь немцев, мы проложили первую нитку связи по дну Днепра, а затем вторую — запасную. Это обеспечивало устойчивую связь с командованием дивизии. Кроме проводной связи у нас была рация, на которой работали опытные бойцы Аркадий Левко и Николай Пухов. За выполнение этого боевого задания командиру нашего взвода Константину Шулаеву было тогда присвоено звание Героя Советского Союза, а все бойцы моего отделения были награждены орденами и медалями.

Взвод был готов в случае необходимости навести кабельную связь и через Эльбу. Организованное сопротивление немцев не ослабевало. Кроме того, группы фашистов, оставшиеся в тылу наших войск, стремились любыми путями прорваться на западный берег. Нам приходилось часто вступать в перестрелки с врагом. Поздним вечером 23 апреля почувствовали, что остатки немецких войск уходят за Эльбу — огонь затихал. К середине следующего дня наступила полная тишина, и мы к этому времени закончили прокладку кабеля. Штаб 175-го полка находился в поселке Крайниц, а передовые подразделения вышли к Эльбе и захватили уцелевшие переправы.

Наблюдательный пункт командира полка А. Т. Гордеева расположился здесь же, на окраине поселка. Кабельная линия работала надежно, обеспечивая связь командира полка с командиром дивизии и с соседними полками.

25 апреля утром командир полка послал разведку за Эльбу. В группу, возглавляемую старшим лейтенантом Григорием Голобородько, входило несколько моих связистов. Через некоторое время стало известно, что наши разведчики встретили передовой отряд американских войск и они вместе направляются к нам. Когда американские солдаты во главе с Альбертом Котцебу вступили на восточный берег Эльбы, их радушно встретили наши бойцы и командиры. Все, кто был близко, спешили поприветствовать союзников, познакомиться с ними.

Встреча была очень радушной, хотя объяснялись больше мимикой и жестами. Некоторые американцы кое-как говорили по-русски. Мои связисты, подменяя друг друга, подходили к американцам, чтобы поздороваться и похлопать друг друга по плечу, обменяться сувенирами.

Это была первая встреча с американцами, среди которых особенно запомнился Джозеф Половски. Через некоторое время появилось командование полка и дивизии. Встреча приняла уже официальный характер.

Наша дивизия продолжала наступление на Дрезден, потом ей было приказано срочно выступить на помощь восставшей Праге. День Победы — капитуляцию фашистской Германии — мы встретили в столице Чехословакии. Мне была оказана большая честь быть участником Парада Победы в Москве 24 июня 1945 года.

ДОРОГА ДОМОЙ ЛЕЖАЛА ЧЕРЕЗ БЕРЛИН

Моя деревня Олышаны (Украина) была освобождена Красной Армией от фашистов в декабре 1942 года. За годы оккупации гитлеровцы разграбили и сожгли тысячи украинских сел и городов, а молодых ребят и девушек угнали в фашистское рабство. Не миновала эта участь и мою сестру Нину — учительницу младших классов. Отец и старшая сестра Мария с мужем были на фронте.

Мне исполнилось 17 лет, когда я ушел на фронт и стал солдатом 58-й стрелковой дивизии. Прошел солдатом боевой путь в одном и том же полку от Дона до Эльбы. Был трижды ранен, дважды контужен. Все время помнил, что моя дорога домой лежит через Берлин.

Путь к Эльбе и Берлину открыла Висло-Одерская наступательная операция, начатая нами ранее намеченного срока — 12 января 1945 года по просьбе президента США Рузвельта и премьер-министра Великобритании Черчилля в связи с тяжелым положением союзников на Западном фронте.

Подходя к границам Германии, мы, естественно, жаждали возмездия, и фашисты отдавали себе в этом полный отчет. Они знали, что творили на нашей земле. Однако мы понимали, что немецкий народ, обманутый гитлеровской пропагандой, не должен отвечать за злодеяния фашистской верхушки и исполнителей ее воли — эс-совцев, гестаповцев, зондеркоманд и других головорезов.

Гитлеровским генералам удалось заставить своих подчиненных продолжать организованное сопротивление

Александр Ольшанский родился в 1925 году. На фронте с 1942 года. После войны продолжил службу в армии, стал генералом. Окончив военную академию, защитил докторскую диссертацию. Ныне в отставке, заведует кафедрой Московского института инженеров железнодорожного транспорта. Почетный гражданин американских городов Канзас-Сити и Даллас.

на востоке, утверждая, что за Одером каждый немец защищает теперь свой собственный дом. Они закреплялись в каменных домах и подвалах и дрались с упорством обреченных.

Мы наступали и несли значительные потери, но тем не менее настроение было приподнятое. Близился конец войны.

По мере приближения к Эльбе все сильнее становилось сопротивление противника. Все дороги, ведущие к мостам и переправам, были забиты отступающими войсками и беженцами.

Геббельсовская пропаганда так запугала население, что очень многие мирные жители уходили на запад. Наш полк 23 апреля вышел к поселку Крайниц и устремился к переправам через Эльбу. Мы выставили дозоры, организовали оборону, оборудовали позиции и впервые за многие дни наступления провели ночь спокойно, так как мосты и переправы были взорваны противником и атаковать нас с фронта он не мог. Однако разрозненные группы немецких войск, оставшиеся в наших тылах, били нам в спину. Это вооруженные эсэсовцы, переодетые в гражданскую одежду, упорно пробивались на запад, никого не щадя на своем пути.

Поселок Крайниц расположен километрах в пяти северо-восточнее города Штрела. С утра 24 апреля вся местность вокруг была затянута туманом, но к полудню он рассеялся, появились очертания левого берега и дамб, тянувшихся вдоль реки. Вдали, за широкой поймой, виднелось шоссе, по которому проскакивали одиночные машины. Командир полка приказал командирам батальонов организовать разведку, а для этого определить места для переправы, подготовить для нее все необходимое. Командир саперного взвода старший лейтенант Федор Верхотуров вместе со своими бойцами начал собирать бревна для плота. К этому времени всех командиров батальонов и рот предупредили о возможной встрече с американскими войсками.

Утром 25 апреля 6-я стрелковая рота 175-го стрелкового полка под командованием Григория Голобородько форсировала Эльбу с целью выявить силы и состав группировки противника на левом берегу реки. Я был связистом, приданным этой роте. Не встречая сопротивления,

мы продвинулись вперед и закрепились на высоте северо-восточнее поселка Леквиц недалеко от города Штрела. Для разведки города и окрестностей выслали наблюдателей. Вскоре послышался шум машин, и все увидели группу людей в касках, с оружием, одетых в незнакомую военную форму. Это был, как мы узнали потом, патруль 273-го пехотного полка 69-й пехотной дивизии 5-го армейского корпуса 1-й американской армии под командованием лейтенанта Бака Котцебу.

В первые минуты встречи возникла заминка, чувствовалась некоторая скованность. Из-за весенней распутицы мы с ног до головы были в окопной глине. Гимнастерки и брюки протерты на локтях и коленях от ползаний попластунски. Обмундирование наших союзников было немного чище; они, как и мы, были небриты.

Американцев удивило, что мы были без касок. Мы ответили, что сбросили их, как только перешли в наступление, так как каска хорошо защищает в обороне, когда сидишь в траншее, а в наступлении ты весь открыт для пуль и осколков. Каска при этом только мешает, наползая на глаза и ухудшая обзор, да к тому же и тяжеловата.

Советские и американские солдаты встретились как боевые друзья, товарищи по оружию, обменялись крепкими рукопожатиями.

Передав в свой штаб донесение о встрече, Котцебу отправил назад с донесением часть солдат на двух «джипах», оставив 11 человек с тремя машинами при себе. Голобородько также доложил командиру полка о встрече и по его указанию пригласил американских разведчиков на командный пункт полка.

Котцебу нашел лодку, перебил гранатой цепь, которой она была прикована к берегу, и с двумя солдатами переплыл на восточный берег. Наши саперы встретили его и проводили в полк. Остальные солдаты патруля соорудили паром из резиновых лодок и переправились на правый берег, воспользовавшись стальным тросом от взорванного немецкого парома.

Поздравить «именинника» Григория Голобородько с первой встречей с союзниками пришли командиры батальонов, их заместители и командиры рот — Павел Руден-

ко, Иван Пономаренко, Александр Ульев, Василий Королев, Иван Краснолуцкий, Алексей Карелин.

Как впоследствии выяснилось, среди переправившихся на наш берег были рядовой Джозеф Половски, медбрат Карл Робинсон, водитель Эдвард Рафф.

В самый разгар этой встречи, во второй половине дня в наш полк прибыл еще один американский разведпатруль, возглавляемый майором Фредом Крейгом. В его составе были капитан Уильям Фокс, рядовые первого класса Илайджа Сэмс, Мюрри Шульман, переводчик Игорь Белоусович и другие.

В «Журнале боевых действий» полка об этой встрече записано, что она «...прошла в теплой обстановке. Со стороны американцев была выражена благодарность за дружеский прием и братские отношения. День встречи с войсками союзников вылился в победный праздник над фашизмом...»

Вечером того же дня лейтенант Котцебу, взяв с собой трех солдат, выехал на машине в расположение своих войск. Восемь человек с двумя машинами по его просьбе были оставлены до утра у нас.

Во второй половине дня произошла еще одна встреча в городе Торгау на фермах взорванного моста через Эльбу.

В боевом донесении штаба 58-й стрелковой дивизии от 25 апреля о ней сказано: в 15.30 25.4.45 г. в районе моста, что восточнее Торгау, произошла встреча между офицерским составом 173-го стрелкового полка и патрулем войск союзников.

Для американцев война закончилась, а мы продолжили наступление на Дрезден и Прагу.

МЕДИЦИНСКАЯ СЕСТРА ПОД ОГНЕМ ВРАГА

Судьбу моего поколения определила война, которую мы, конечно, проклинали и проклинаем до сих пор. Я и мои подружки Рая Куделина, Зоя Нестеренко, Нина Араничева, Лидия Батунина, Екатерина и Полина Кравцовы, Мария Ионова, Анна Калина и Вера Кошман добровольно пошли на фронт, служили в 175-м стрелковом полку санитарками, медицинскими сестрами и санинструкторами. Прошли длинный и безмерно трудный боевой путь, трудный для мужчин и тем более для нас, женщин. Да и работа наша была непосильной, особенно в пехоте, на передовой, где приходилось вытаскивать с поля боя раненых. И все это — на виду у врага, под огнем. На белые повязки с красными крестами фашисты не обращали никакого внимания.

Мы оказывали первую помощь и солдатам противника. Например, во время зимнего наступления под Сталинградом в 1942—1943 годах многие солдаты и офицеры итальянской и немецкой армий замерзли бы в снегу, если бы их не спасли советские медсестры.

Очень трудно нам было в февральские дни 1943 года на Украине, в районе станции Лозовая. На батальонных пунктах первой медицинской помощи и в санитарной роте полка скопилось много раненых, а эвакуировать их было некуда — немцы замкнули кольцо окружения. К счастью, с нами был взвод автоматчиков, охранявший знамя полка и транспортные средства. Возглавил нашу группу начальник штаба полка майор Алексей Шаповалов. Все штабное имущество мы уничтожили, чтобы оно не досталось противнику, а на освободившиеся повозки погрузили раненых. Ночью мы нанесли внезапный удар по врагу и вырвались из окружения.

Любовь Козинченко (Андрющенко) родилась в 1922 году в городе Богучаре Воронежской области. В 1942 году ушла на фронт медицинской сестрой. На Эльбе была санинструктором 175-го стрелкового полка. После войны работала на родине в отделе здравоохранения.

Тогда мы не думали и не мечтали о том, что именно нам суждено будет в центре фашистской Германии, на Эльбе, встретиться с союзниками по антигитлеровской коалиции. Конечно, эта встреча не является заслугой только тех, кто там был 25 апреля 1945 года. К ней проложили путь прежде всего те, кто сражался в Брестской крепости, под Москвой и Сталинградом, те, кто дошел и не дошел до Берлина.

Я запомнила день встречи на Эльбе навсегда. Был первый по-настоящему весенний, солнечный, радостный день: нет стрельбы, нет раненых, нет убитых. А до этого с первого дня наступления, начавшегося на территории Польши 12 января 1945 года, мы продвигались, преодолевая упорное сопротивление врага. Много раз наше командование через парламентариев предлагало окруженным группировкам фашистских войск сложить оружие. Нам, медикам, больно было видеть, как бессмысленно гибли немецкие солдаты, старики из фольксштурма и дети из гитлерюгенда.

О предстоящей встрече с союзниками и о том, что для них нужно приготовить обед и цветы, узнали утром 25 апреля, когда поступило сообщение командира роты старшего лейтенанта Григория Голобородько с западного берега Эльбы. Вскоре он сам вернулся в полк, и мы его поздравили со встречей с разведчиками американской армии.

В середине дня все мы спустились с высокого обрывистого берега реки к переправе, расположенной на южной окраине поселка Крайниц. Благодаря дружным усилиям молодых американских парней плот, собранный из надувных резиновых лодок, быстро скользил по воде вдоль стального троса, натянутого через Эльбу. У причала плот встретили саперы старшего лейтенанта Федора Верхотурова. Первым на берег сошел американец, на каске которого белой краской был нарисован большой крест. Случилось так, что я, советская медсестра, преподнесла букет сирени медбрату Карлу Робинсону. Первыми встретились и поздравили друг друга представители самой гуманной профессии в мире.

Американские солдаты были одеты в полевую форму. Выдавшие виды куртки защитного цвета из плотной хлопчатобумажной ткани, такие же брюки навыпуск и

ботфорты. Пола куртки лейтенанта Котцебу была прожжена, ворот рубашки расстегнут, во рту у него была трубка, с которой он не расставался.

На другой день, 26 апреля, американские солдаты и офицеры, снова прибывшие к нам, были одеты в парадные костюмы из шерстяной ткани. В полевой форме были только солдаты из разведпатруля Котцебу и поисковой группы майора Крейга.

Встречи проходили весело, дружелюбно, в атмосфере доверия и предчувствия скорого окончания войны. Каждый американский солдат хотел заполучить какой-нибудь сувенир на память. Нам пришлось отдать не только звездочки с пилоток и погон, но и пуговицы.

Так запомнилась мне встреча на Эльбе советских и американских воинов, плечом к плечу сражавшихся с фашизмом.

Константин
СИМОНОВ

ПОСЛЕДНЯЯ КОМАНДИРОВКА

21 апреля я вылетел на Первый Украинский фронт. Своим правым крылом он в это время подходил к Берлину, а в центре приближался к Эльбе.

На этот раз задание редакции мне и вылетевшему вместе со мной моему товарищу по «Красной звезде» Саше Кривицкому, с которым мы пробыли в этой последней командировке до самого конца войны, было одно-единственное, но категорическое: во что бы то ни стало первыми оказаться там, где произойдет первое соединение наших войск с американцами.

Константин Симонов (1915–1979) — русский советский писатель, общественный деятель. Автор поэм, сборников гражданской лирики, книг и киносценариев. Трилогия Симонова «Живые и мертвые» удостоена Ленинской премии.

Прилетев в штаб фронта и проинформировавшись, мы сразу же выехали в 5-ю гвардейскую армию генерала А. С. Жадова, на участке которой скорее всего предвиделось соединение.

Я был в этой армии под Сталинградом, когда она еще именовалась 66-й и ею командовал Р. Я. Малиновский. Генерал Жадов вступил в командование ею чуть позже, и я познакомился с ним только здесь, в Германии. Командарму было совершенно недосуг разговаривать с нами. Значение такого события, как предстоящая встреча с американцами, он, разумеется, понимал, понимал и наш интерес именно к этому событию, но у него самого заботы в тот момент были совсем другие и неотложные — на другом фланге его армии шли ожесточеннейшие бои с наносившими контрудар немцами. Уезжая туда, он поговорил с нами несколько считанных минут и отправил нас прямо в корпус Бакланова, подходивший к Эльбе на относительно более спокойном участке фронта.

Совет командарма оказался верным. Именно там, у Г. В. Бакланова, тридцатипятилетнего генерала, одного из трех самых молодых командиров корпусов во всей нашей армии, мы и встретились через два дня с американцами.

Встреча эта, как теперь всем известно, состоялась 25 апреля на берегу Эльбы, недалеко от городка Торгау.

Я вместе с Кривицким присутствовал при ней и при двух других, состоявшихся в следующие дни. Остались фотографии, снятые там, на Эльбе, вместе с нашими и американскими солдатами и офицерами, остались в ящике стола тогдашние сувениры — никелированные американские знаки различия, полученные в обмен на вытасченные из запасных погон офицерские звездочки, остался черновик коротенькой корреспонденции, отправленной оттуда, из-под Торгау, в «Красную звезду». В нем фамилия командиров первых соединявшихся дивизий: американской — генерала Рейнхардта, нашей — генерала Русакова; фамилии командиров американского и нашего патрулей — лейтенанта Робертсона и лейтенанта Сильвашко, — людей, первыми встретившихся там, на Эльбе, где между нами и американцами наконец не оказалось ни одного фашистского солдата.

Осталась в памяти и мера испытанной тогда радости,

очень большой и в те дни у меня лично еще не отягощенной никакими будущими сомнениями и опасениями.

В памяти осталось многое. Но в сохранившихся блокнотах того времени обо всем этом ничего нет, хоть шаром покати!

Всегда интересно проверить себя, заглянуть в первоисточники. Я не очень точно помнил, когда именно, в какие дни я стал свидетелем двух следующих встреч между нашими и американскими офицерами и генералами там, на Эльбе.

Уточнить это, как всегда, помогли архивы:

«26 апреля, во второй половине дня, произошла встреча между командиром дивизии генерал-майором Русаковым и командиром 69-й американской пехотной дивизии генерал-майором Рейнхардтом. При встрече присутствовали с нашей стороны: начальник штаба дивизии гвардии подполковник Рудник, командир 173-го ГВ. СП гвардии майор Рогов и другие. С генералом Рейнхардтом был его начальник штаба полковник Линч, руководитель разведки и контрразведки подполковник Джон Лири и подполковник Макс Сид. Кроме того, присутствовал представитель ТАСС при первой американской армии тов. Жданов, писатель Константин Симонов, корреспонденты и репортеры американских, английских и французских газет. Всего около 38 человек. Встреча состоялась в господском доме на восточном берегу р. Эльбы в расположении второго батальона 173-го ГВ. СП».

В следующем донесении, подписанном так же, как и это, начальником политотдела 58-й гвардейской дивизии гвардии полковником Карповичем, говорится уже о встрече 27 апреля командиров корпусов генералов Бакланова и Хюбнера и снова упоминается о присутствовавших при ней корреспондентах.

Должно быть, в тот же вечер после этой встречи мы с Кривицким и аккредитованным при американской армии майором Ждановым махнули за Эльбу к американцам.

Записей об этой поездке опять-таки нет.

Но некоторые ее подробности стоят в памяти и, наверное, заслуживают упоминания.

Помню ужин в американском офицерском собрании и лицо нашего водителя Вани, когда он, встав во весь рост, вышел сильным, натянутым как струна голосом нашу

довоенную песню о той еще не начавшейся тогда войне, которая кончалась на наших глазах:

Гремя огнем, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход...

Помню бессонную ночь в немецком городе Наумбурге, в том самом, где в старом соборе стоит чудо средневекового искусства — знаменитая статуя княгини Уты, о существовании которой я тогда не имел ни малейшего представления.

В Наумбурге находился тогда так называемый «пресс-кемп» — штаб-квартира прикомандированных к 1-й американской армии военных корреспондентов. И вся эта ночь, до самого утра, превратилась в первую за войну взаимную неофициальную пресс-конференцию; двое нас — Кривицкий и я, и сто или сто пятьдесят их — американцев, англичан, французов, канадцев, австралийцев, новозеландцев...

Потом уже в Японии, когда я оказался в роли прикомандированного к штабу Макартура корреспондента «Красной звезды», я встретил там нескольких американских журналистов, напомнивших мне о той ночи в Наумбурге.

Был я через много лет после войны и в самом Наумбурге, долго бродил по нему, но так и не смог показать немецким школьникам и их учителю — энтузиасту-краеведу, — где именно, в каком доме был когда-то этот «пресс-кемп».

Помню, занятый в то время еще американцами, Лейпциг, удививший меня немецкими шуцманами, стоявшими на всех перекрестках, без оружия, но в полной полицейской форме.

Помню взятый под охрану американцами лагерь наших военнопленных под Лейпцигом, куда привез нас полковник из американской военной разведки, кстати, отнюдь не скрывавший от нас своей профессии.

Лагерь помню острее всего остального. Но в этом случае на помощь памяти приходит еще и маленькая статья, напечатанная в «Комсомольской правде» на исходе того же, сорок пятого года:

«...Входим в ворота. Первой нам встречается бледная девушка, внимательно, без особой радости, глядящая на нас.

— Вы — русская? — спрашиваю я.

— Русская, — говорит она, все так же недоумевающе глядя на нас.

И я только в эту секунду соображаю, что наша новая форма с погонами заставляет ее принимать нас не за нас.

Проходим несколько шагов. Какой-то человек срысывается с места, подбегает к нам и кричит:

— Наши! Наши! — И, резко повернувшись, бежит в барак.

Мы идем через лагерь, и вокруг нас собирается все больше и больше людей. И когда мы подходим к центру окруженной колючей проволокой площади, мы уже окружены многотысячной толпой.

Я взбираюсь на ступеньки крыльца. От волнения я оступился. У меня дрожат ноги. Я почти боюсь упасть. Сейчас мне предстоит сказать в этом лагере первые слова, пришедшие с Родины, слова, которых находящиеся здесь не слышали — кто год, а кто два, три, почти четыре.

У меня пересыхает в горле. Я не в силах сказать ни одного слова. Я медленно оглядываю необъятное море столпившихся вокруг людей.

Я уже знаю, что этот лагерь штрафной, что в нем сидят военнопленные — за дурное поведение, и насильно угнанные — за отказ работать.

Но какая бы летопись страданий ни была записана на лицах людей, все равно на них не прочитаешь и десятой доли того, что они испытали.

Я начинаю говорить и сам не помню, что говорю, не помнил тогда, не помню и сейчас.

Потом я слезаю со ступенек, и на них вместо меня влезает другой, приехавший со мной офицер, и он тоже что-то говорит, наверное, то же самое, что и я.

Я не могу расслышать его слов, но меня охватывает какая-то неистовая радость свидания. И я начинаю плакать и, заплакав, впервые оглядываюсь и вижу, что все кругом тоже плачут.

А потом нас провожают, и мы идем всей многотысячной толпой вместе через весь лагерь.

Рядом со мной, растягивая мехи, идет гармонист со стиснутым ртом. У него выбиты все до одного зубы, и он говорит, как старик, и поэтому не хочет говорить, а только играет...»

Быть может, сейчас я написал бы об этом лучше, чем

в той газетной статье, но она дорога мне тем, что написана почти впритык к войне, и мне не хочется заменять слова того времени словами, написанными через тридцать лет.

Хочется добавить только две подробности, которых нет в статье, — есть только в памяти: я не только говорил, но и читал там «Жди меня», а среди плакавших был и тот американец полковник, который привез нас в этот лагерь.

Из книги «Разные дни войны»

Тосолтан БИТАРОВ

В «ПЛЕНУ» У ДРУЗЕЙ

В тот день, когда фашисты вероломно палили на нашу Родину, мне исполнился 21 год. Я был курсантом Подольского пулеметного училища. Вечеринку по поводу моего дня рождения отменила война. В этот же день я получил последнюю поздравительную телеграмму из далекой Северной Осетии от своих родных. В августе 1941 года нас выпустили лейтенантами и мы отправились на фронт. Я был назначен командиром пулеметной роты на Калининский фронт. Трудно передать словами горечь отступления. В боях под Москвой я впервые был тяжело ранен, находился в госпитале более двух месяцев. После выздоровления был направлен в 58-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

Снова фронт, бои, ранения. На Дону, под Сталинградом, я уже командовал пулеметным батальоном, а во время наступления в декабре 1942 года — отрядом лыжников. Мы прорвались в глубь обороны противника и громили его тылы. В этих боях, как свидетельствуют

Тосолтан Битаров родился в 1920 году в Северной Осетии, в поселке Садон, по национальности осетин. После окончания школы в 1940 году поступил в военное училище. С августа 1941 года и до конца войны был на фронте. Трижды тяжело ранен. В 1946 году вернулся в родной поселок, работал директором школы, горным мастером, начальником участка.

документы полка и похоронка, присланная моей матери, я был убит. На самом деле было так: немецкий офицер в рукопашном бою выстрелил мне в упор в грудь, я упал, потерял сознание; даже санитарки полка посчитали меня убитым.

Наступление развивалось успешно, полк ушел вперед. Видимо, долго пролежал я в снегу без сознания, так как сильно обморозил ноги. Своим спасением обязан ветеринарному врачу дивизии. Проезжая мимо, он обратил внимание на то, что среди убитых только вокруг одного меня растаял снег. Он остановился, обнаружил во мне признаки жизни, погрузил на проходящий мимо танк и отправил в госпиталь.

В марте 1943 года я был назначен заместителем командира 175-го стрелкового полка и в этой должности дошел до Эльбы. Там я впервые и услышал о возможной встрече с войсками союзников.

...В 9 часов утра 24 апреля соседний 50-й стрелковый полк 15-й дивизии (командир полка майор В. Медведев) форсировал Эльбу в районе железнодорожного моста близ города Риза с целью занять плацдарм, овладеть этим городом и уничтожить вражеские артиллерийские батареи. Бой был упорным, он длился целый день. Поставленные задачи полк выполнил. Но Ризой не удалось овладеть. 24 апреля контратаки противника усилились.

Фашистским войскам удалось прорвать фронт нашей 5-й армии на стыке со 2-й армией Войска Польского, они стремились развить наступление на север в направлении города Шпремберга. Это вынудило большую часть сил нашего полка к исходу дня сосредоточить на фланге полка Медведева, чтобы действовать совместно в южном направлении.

Утром 25 апреля гитлеровцы подтянули из района города Штрела в северную часть Ризы до двух батальонов пехоты, три артиллерийские и три минометные батареи. Враг предпринял две контратаки, в которых участвовало до роты пехоты и по три самоходные артиллерийские установки. Обе контратаки были отбиты. Нам приходилось ломать упорное сопротивление гитлеровцев, очищать дом за домом, и к концу дня Риза была взята. Попытки немцев сбросить воинов 50-го полка сорвались.

К полудню в штаб нашего полка прибыл разведдозор американского лейтенанта Котцебу. Мы встретили его на причале паромной переправы у поселка Крайниц.

...В 16.00 25 апреля, когда встреча командования нашего полка, представителей штаба дивизии и корреспондента с американским патрулем была в самом разгаре, к переправе у поселка Крайниц прибыла вторая группа американцев во главе с майором Фредом Крейгом. От него мы узнали, что американское командование не знало о судьбе группы Котцебу. Ее рация молчала, воздушная разведка не дала результата. Тогда было решено выслать поисковую группу Крейга. На пути к Штреле она и встретила два «джипа», посланных Котцебу в штаб полка с донесением о встрече.

Группа Крейга на 7 «джипах» направилась к Эльбе. Вскоре она натолкнулась на советский кавалерийский отряд. Сфотографировались, обменялись приветствиями и минут через десять прибыли на главную площадь Штрелы. Оказалось, что в городе нет советских войск. После короткой остановки американцы двинулись дальше и встретились на переправе с саперами нашего полка. От них они узнали, что разведдозор лейтенанта Котцебу в середине дня переправился через Эльбу и находится в поселке Крайниц. Крейг со своими людьми также проследовал в Крайниц и принял участие во встрече.

Вот фотография встречи американцев с советскими кавалеристами. Это был передовой отряд 1-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Баранова. В конце апреля корпус получил такую же задачу, как и наша дивизия,— быстро выйти к Эльбе, захватить мосты, переправы. Сейчас удалось установить, что по просьбе Маршала Советского Союза С. М. Буденного командующий 1-м Украинским фронтом И. С. Конев поставил кавалеристам задачу найти за Эльбой конезавод, вывезенный немцами с Северного Кавказа, захватить этот завод и удержать его до подхода наших войск.

Кавкорпус вместе с танками успешно продвигался к Ризе и ворвался в город, а передовые его части вышли за Эльбу, воспользовавшись мостом и плацдармом, захваченным 50-м полком 15-й стрелковой дивизии. Кавалерийские разъезды быстро обнаружили за Эльбой конезавод, захватили его и удержали до подхода наших войск.

В небе господствовала наша авиация, прикрывавшая с воздуха действия конницы. Следует сказать, что позднее в тот же день с передовым отрядом кавкорпуса встретился также дозор лейтенанта Котцебу. Он возвращался в свой полк из Крайница вечером 25 апреля.

Часть солдат из разведдозора Котцебу и поисковая группа майора Крейга остались в расположении нашего полка ночевать. Общению между солдатами двух армий помогал американский капрал Игорь Белоусович, который неплохо говорил по-русски.

Мы выставили охрану — ведь в тылу наших войск осталось много больших и малых групп противника, не сложивших оружия. Они могли неожиданно напасть и сорвать торжества по поводу встречи. Проснувшись рано утром, американцы увидели, что дом, в котором они ночевали, окружен автоматчиками, и решили, что мы их держим под арестом, но это недоразумение было быстро улажено.

Пока американские солдаты разговаривали с нашими бойцами, майор Крейг незаметно вылез через окно в задней стене дома и ушел из расположения полка в лагерь, где находились освобожденные нами английские и американские военнопленные.

Немного позже из штаба американского полка позволили подполковнику Гордееву и попросили позвать Крейга. Найти его, естественно, не удалось. Через полчаса звонок повторился. И так несколько раз. В штабе американского полка заподозрили неладное и сообщили нам, что приедет его представитель.

Гордеев разослал людей во все концы с заданием найти американского офицера, а сам поехал в лагерь военнопленных. В комнате коменданта он обнаружил пропавшего Крейга, который после банкета безмятежно спал. Когда прибыл представитель штаба американского полка, Гордеев отвез его в лагерь, и все, к общей радости, выяснилось. Но мы, ветераны Эльбы, до сих пор с удовольствием вспоминаем историю о том, как солдаты разведдозора Котцебу попали в « плен » к русским.

ПОКЛЯЛИСЬ КРЕПИТЬ ДРУЖБУ

Неизгладимый след оставила война в жизни моего поколения. В составе 58-й стрелковой дивизии, которой было суждено первой встретиться на Эльбе с американскими войсками, мне довелось пройти путь от Сталинграда до Праги. Участвовал в обороне Москвы, Сталинграда, в боях на Украине, в Польше, Чехословакии, Германии. Сначала — в должности заместителя командира отдельной разведывательной роты, затем офицера штаба дивизии. За четыре года войны многое пришлось повидать и пережить. Но встреча на Эльбе была событием, которое вызвало особые чувства: то была радость встречи с союзниками и предвестие скорой победы.

Все мы были счастливы. В то же время я с грустью вспоминал своих товарищей, которым не суждено было дожить до этого дня. Вспоминал близкого боевого друга, своего командира, прославленного разведчика дивизии капитана Федора Попова. Вместе с ним мы вели бой в разведывательном дозоре за Доном, и он был убит на моих глазах. Из его окровавленной гимнастерки я вынул маленькую фотографию ребенка с надписью, сделанной матерью: «На память папочке от сына Владика. Гор. Орск, 19.2.1942 г.». Да, сколько таких бойцов полегло на полях сражений! Им мы обязаны тем, что дошли до Эльбы.

Весть о встрече с американцами 25 апреля разнеслась по дивизии с быстротой молнии. Командир дивизии генерал-майор В. Русаков после доклада командиру 34-го стрелкового корпуса генерал-майору Глебу Бакланову выделил группу офицеров для участия в официальной

Владимир Орлов родился в 1922 году в городе Данкове Липецкой области. В июле 1941 года был призван в Красную Армию и в течение всей войны находился на фронте. Дважды ранен. Войну закончил в звании капитана. В настоящее время — генерал-лейтенант в отставке. Занимается педагогической деятельностью. Кандидат исторических наук, доцент В.С. Орлов возглавляет секцию участников встречи на Эльбе при Советском комитете ветеранов войны.

встрече с представителями американских войск. В ней посчастливилось быть и мне.

Трудно передать то приподнятое настроение, которое охватило тогда всех нас. Мне казалось, что больше всех волновался сам Русаков. Его можно было понять: в полосе дивизии совершалось событие исторического значения.

И вот наконец в 17 часов 26 апреля встреча на восточном берегу Эльбы, в поселке Вердау. С американской стороны — около 30 человек, с нашей — примерно столько же. Причаливают лодки. К генералу Русакову подходит командир 69-й американской пехотной дивизии генерал-майор Эмиль Рейнхардт. Оба генерала горячо приветствуют друг друга крепким рукопожатием. Зафиксированное десятками фотокорреспондентов, оно стало символом тесного боевого союза народов наших стран.

Затем началась оживленная беседа, которую переводил майор Михаил Жданов. Через несколько минут в сопровождении наших офицеров гости направляются в находящийся неподалеку старый замок, где расположился штаб нашей дивизии. Это был короткий, но замечательный марш под тремя государственными флагами — Советского Союза, США и Великобритании. В одной группе вместе с американским генералом, заместителем командира 69-й дивизии по артиллерии Маристом идут командующий артиллерией нашей дивизии полковник Гребенников, командир 130-го артиллерийского полка майор Демидович, рядом с начальником штаба американской дивизии Линчем следует наш начальник штаба подполковник Рудник, командир 173-го стрелкового полка майор Рогов, другие офицеры штаба. Каждый что-то говорил на своем языке, но всем было ясно главное — свершилось незабываемое.

Наши пристальные взгляды тогда были обращены на командиров дивизий. Генерал Рейнхардт производил впечатление человека сдержанного, однако он не скрывал своего дружеского расположения к нам. Генералу Русакову было в то время 35 лет. Я хорошо знал этого умного, бесстрашного командира, не раз приходилось выполнять его задания. Нелегким был путь нашей дивизии к Эльбе. Тысячи воинов дивизии пролили свою кровь, среди них был и ее командир. Руководя боем в районе Днестра, он получил тяжелое ранение. Словом, генерал на войне был настоящим солдатом.

Хорошо помню, как генерал Русаков, принимая из рук генерала Рейнхардта американский национальный флаг, с волнением сказал: «Мы будем верны этой дружбе, пусть берегут ее и наши потомки».

И еще. В те незабываемые дни особенно яркими, непосредственными и душевными были встречи рядовых солдат двух армий. Они не произносили громких фраз, но вместе поклялись крепить дружбу, посвятить свои жизни тому, чтобы никогда в мире больше не было войн.

Григорий
ПРОКОПЬЕВ

С ФРОНТА НЕ ВЕРНУЛСЯ КАЖДЫЙ ВТОРОЙ

22 июня 1941 года должен был состояться выпускной бал в средней школе далекого северного села, которую я заканчивал. В полдень мы узнали, что фашистская Германия вероломно напала на нашу страну. Конечно, бал пришлось отменить. Спустя месяц я уже учился в военно-инженерном училище, а в июле 1942 года был направлен на Юго-Западный фронт. Пережил горечь отступления от Харькова до Сталинграда. Осенью 1941 года стал командиром взвода, а с 1944 года — командиром роты саперного батальона.

Служба в инженерных войсках очень сложная, трудная и опасная. Сапер первый в наступлении и последний при отступлении. Установка и обезвреживание мин и фугасов смертельно опасны. Приходилось снимать мины неизвестной конструкции и под огнем противника. Малейшая неосторожность, коварный таинственный сюрприз — и... грохот взрыва.

Громадного физического и нервного напряжения, си-

Григорий Прокопьев родился в 1923 году в Архангельске. В июле 1941 года был призван в армию. После войны окончил сельскохозяйственную академию и аспирантуру. Более 30 лет ведет научно-педагогическую работу в вузах Москвы, доктор экономических наук, профессор.

лы воли требовало обеспечение форсирования водных преград. Противник сосредоточивал огонь прежде всего по переправам, чтобы уничтожить их. Здесь всегда ад из огня, взрывов и дыма. Столбы воды поднимались вверх на 10 и более метров. От бомб и снарядов лодки и понтоны превращались в щепки. Об этом выдающийся советский поэт Александр Твардовский написал:

Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый,
Снег шершавый, кромка льда...
Кому память, кому слава,
Кому темная вода,—
Ни приметы, ни следа...

Мне удивительно повезло. Находясь непосредственно в боевых порядках три года, я только один раз был легко ранен.

Наступление нашей дивизии, занимавшей оборону на Среднем Дону в районе Сталинграда, началось зимой 1942 года. И начали его саперы, которые удлинненными зарядами взорвали минные и проволочные заграждения противника. Однако до Победы было еще далеко. Нас отделяло от Германии только по прямой линии почти 2500 километров. А на фронте дороги кривые и зигзагообразные. По ним лежал наш путь на Эльбу.

...В конце апреля 1945 года Торгау был пуст. Население, напуганное фашистской пропагандой, бежало на запад. На взорванном отступающими немецкими войсками мосту через реку валялись детские коляски и повозки с домашними вещами.

Перед саперами 58-й стрелковой дивизии была поставлена задача: 26 апреля, на следующий день после встречи с союзными войсками, обеспечить лодочную переправу американских солдат и офицеров на наш берег. Эльба — широкая, глубоководная река с быстрым течением. Вода была холодная и мутная. На горизонте появились «виллисы» и «доджи» с американской пехотой. Вот они уже на обрыве западного берега, у переправы. На восточном берегу американцев ждали советские воины. Все ликовали, вверх летели пилотки и каски, слышались громкие приветствия.

Мы быстро перевезли на наш берег американцев, их было человек 150—200. У всех нас лица сияли улыбками,

а глаза радостно блеснули. Не скрывая эмоций, русские и американцы горячо жали друг другу руки, обнимались. На берегу далекой от родных мест немецкой реки звучали песни, шутки, смех, рассказы и воспоминания из боевой жизни. Все были уверены, что в ближайшие дни война закончится и придет долгожданная Победа.

Тогда никто из нас не думал, что встреча на Эльбе станет крупным событием в истории войны, символом мира и дружбы между народами. Не могли мы предположить, что небольшой провинциальный немецкий город Торгау благодаря встрече союзных войск станет сегодня широко известен в мире.

Но на Эльбе война для нас не окончилась. После встречи 58-й стрелковой дивизии пришлось развернуться фронтом на юг и принять участие в освобождении Дрездена и Праги.

В Праге я и закончил войну. Войну, унесшую 20 миллионов советских людей. Самую страшную из войн... Только из моей деревни с фронта не вернулся каждый второй.

Павел
РУДЕНКО

ПЕРЕД ЭЛЬБОЙ БЫЛ ОДЕР

Вспоминаю один из боев в Германии. Это было в январе 1945 года. Главной задачей нашего батальона было стремительно выйти к реке Одер, форсировать ее, захватить плацдарм и удержать его до подхода основных сил полка и дивизии. Для выполнения задачи батальону были приданы полковая батарея 76-миллиметровых пушек капитана Леонида Костина, батарея гаубиц, три

Павел Руденко родился в 1910 году в Курганской области. В 1942 году закончил пехотное училище и был направлен на фронт. К Эльбе пришел командиром стрелкового батальона. После войны работал учителем.

танка Т-34 и два тяжелых танка ИС. В первый же день нам удалось проселками, обходя населенные пункты и оживленные магистрали, продвинуться далеко вперед. На второй день нас обнаружил самолет-разведчик противника. Немедленно в небе появились бомбардировщики. Мы повернули в лес. Однако фашисты успели сбросить бомбы на боевые порядки батальона. Когда впереди показалась река, все мы облегченно вздохнули, как будто бы шли не в бой, а к теще на блины. Выйдя на Одер, танки выполнили свою задачу, но переправлять их было не на чем, и они ушли в район города Оппельна. Я собрал командиров взводов и рот, своих заместителей и командиров приданных средств и поставил перед ними задачу: провести разведку и форсировать Одер. Действовать надо было быстро и внезапно, пока противник не обнаружил батальон.

Густой туман над рекой осложнял разведку противоположного берега, но он же делал нас невидимыми для противника. Своих заместителей Максима Данилова, Сергея Рыбакова и начальника штаба Михаила Короба я направил в стрелковые роты, а офицеров Сулейманова и Искиндирова — к артиллеристам. Нашим разведчикам удалось обнаружить две вполне пригодные для переправы металлические лодки. Первая стрелковая рота успела благополучно переправиться под прикрытием тумана. Но он рассеивался, видимость быстро улучшалась, и переправа резко осложнялась. Вскоре противник обнаружил ее. В воздухе появился немецкий самолет, сделал круг и улетел. Вслед за ним волнами пошли на переправу бомбардировщики. Зепигного прикрытия мы в данном случае, к сожалению, не имели, и огромные фонтаны холодной воды, поднимаемые разрывами бомб, окатывали солдат с головы до ног. Обледенелые ватные брюки и валенки тянули на дно. Взрывы бомб, рев моторов, шквал артиллерийского, минометного и пулеметного огня слились в сплошной гул. Казалось, кромешному аду не будет конца. Но, несмотря на это, переправа продолжалась. Гребцы, маневрируя, каким-то шестым чувством находили коридоры в разрывах и проскальзывали по ним к противоположному берегу Одера. А на плацдарме плацдарма, что называется, врукопашную. Враг знал, что если он позволит нам зацепиться за западный берег, то спихнуть нас с него он уже не сможет. В этом гитлеровцы не

раз имели возможность убедиться. Так было на Дону, Донце, Днепре и Днестре, на Висле.

Нам удалось переправить 45-миллиметровую противотанковую батарею. Спешно погрузили в лодку минометную роту капитана Киселева.

С минометчиками на западный берег переправился и я. Не дойдя 10—15 метров, лодка остановилась. Причину выяснять было некогда. Мы спрыгнули в ледяную воду и добрались до берега. Чтобы не замерзнуть, надо было немедленно наступать. Фашисты не ожидали от нас такого напора, и мы с первой атаки заняли деревню Оттозее. Захватили лошадей, боеприпасы и машины.

Подтянули артиллерию, окопались в снегу и так продержались до ночи. На рассвете фашисты предприняли психическую атаку: шли в полный рост, развязно, всем своим видом демонстрируя полное пренебрежение к смерти. Такое мы увидели впервые. Однако атаку отбили и с боем ворвались в деревню Фишбах. Там был спиртозавод. Все прояснилось: немцы напились, а пьяным было море по колено. Плацдарм нам удалось не только удержать, но и значительно расширить до подхода основных сил.

Наступление развивалось успешно, и 23 апреля 1945 года мы вышли к Эльбе на широком фронте от Ризы на юге до Торгау на северо-западе. Мой батальон действовал на левом фланге дивизии. Я отвечал за стык с 50-м стрелковым полком 15-й стрелковой дивизии. Правее наступал 2-й стрелковый батальон нашего полка, которым командовал мой фронтовой друг майор Федор Гловтов. 6-я стрелковая рота этого батальона, разведывая противоположный берег Эльбы, 25 апреля утром встретилась с разведдозором 69-й американской пехотной дивизии. В этот же день за обедом в полку мне пришлось встретиться с американскими разведчиками, которыми командовал лейтенант Альберт Котцебу. Это было радостное событие. Удивительно быстро мы нашли общий язык с американскими солдатами. Молодые, общительные парни приехали в наш полк на «виллисах». Винтовки у них были со штыками. На наш вопрос, приходилось ли им пользоваться штыком в бою, они ответили весело: «Да, но только для вскрытия консервных банок».

Полина
НЕКРАСОВА (ДУЩЕНКО)

СПАСАЯ РАНЕННЫХ

К середине 1942 года гитлеровские войска вышли к Дону и Волге. Я и мои подружки 17-летними школьницами ушли на фронт медицинскими сестрами. Мы знали, что избранный нами путь будет нелегким. Война отняла у меня самое дорогое — маму в блокадном Ленинграде. Отец воевал на Ленинградском фронте, а брат — под Москвой.

Боевое крещение я приняла на Дону. 16 декабря 1942 года, на рассвете, в сильнейший мороз начался тот памятный для меня бой. Санитарную службу нашего полка возглавляла капитан медицинской службы Антонина Бусенина. Вместе со мной медсестрами в полку были Мария Жадько, Анна Бровашова, Вера Туркменич, Евдокия Суховайко и Вера Кошман. Под огнем вражеских орудий, минометов и пулеметов, под непрерывными бомбежками авиации мы оказывали первую помощь солдатам прямо в боевых порядках войск. Кто был на фронте, тот знает, каким мужеством и физической силой надо обладать, чтобы в таких условиях вытаскивать раненых с поля боя и спасти им жизнь.

Еще на курсах медсестер мы поняли, что чем скорее будет оказана помощь, тем меньше потеря крови и больше шансов на спасение. Но каким невероятным трудом достигалось это «чем раньше».

Самое большое количество раненых скапливалось обычно на плацдармах. Отправить их в санитарную роту полка можно было только ночью. Большинство лодок и плотов с ранеными гитлеровцы топили. Приходилось с болью в сердце видеть это и на Днестре, и на Южном Буге, Днестре, Висле и Одере. Для нас было неожиданным, что когда войска вышли к Эльбе, то вместо ее форсирования они остановились. И только услышав, что утром 25 апреля произошла встреча с американцами, мы

Полина Некрасова (Душенко) родилась в 1925 году в селе Глубокое Петропавловского района Воронежской области. Во время войны была медсестрой. В настоящее время живет в городе Калининграде.

**ВНЕОЧЕРЕДНОЕ
ДОНЕСЕНИЕ
КОМАНДУЮЩЕГО
ВОЙСКАМИ 1-го
УКРАИНСКОГО ФРОНТА О
ВСТРЕЧЕ С СОЮЗНЫМИ
ВОЙСКАМИ**

**ВЕРХОВНОМУ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ
МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
СТАЛИНУ**

27 апреля 1945 года
2 час. 00 мин.

1. 26 апреля с.г. с 17.00 до 19.00 на вост. берегу реки Эльба в районе Торгау состоялась официальная встреча командира 58 гв. сд гвардии генерал-майора Русакова В. В. с командиром 69 пд 1 американской армии генерал-майором Рейнхардтом.

2. При встрече указанных командиров дивизий присутствовали:

1) со стороны американцев — зам. командира 69 пд по артиллерии бригадный генерал Марест, начальник штаба 69 пд полковник Пилинг, начальник служб управления 69 пд и другие. Всего присутствовало офицерского состава 28 человек.

2) с нашей стороны — начальник политотдела дивизии гвардии полковник Карнович, командующий артиллерией дивизии подполковник Гребенников и другие.

3. Командование 69 пд американской армии преподнесло командиру 58 гв. сд американский национальный флаг.

4. При встрече присутствовали свыше 50 иностранных фоторепортеров, корреспондентов и кинооператоров.

КОНЕВ КРАЙШОКОВ ПЕТРОВ

поняли, что это, видимо, первая река, на плацдармах которой не будет «мясорубки».

Мы еще не знали, что будет официальная встреча, благодаря которой наша подружка, санинструктор Люба Козищенко (ныне Андрющенко), приколовшая ветку сирени к гимнастерке американского солдата Карла Робинсона, вошла в историю.

Американцев я увидела на следующий день. Это были симпатичные молодые парни. Веселые, общительные. Стеснительные с девушками, может быть, потому, что встретились мы впервые. Я и мои подружки тоже стеснялись, когда американские солдаты приглашали нас танцевать.

Однако веселиться пришлось недолго. Получили очередной боевой приказ, и снова бои, снова раненые и убитые — и так до Праги, до Победы. Благодарю судьбу, что осталась в живых. Я счастлива, что стала матерью и бабушкой.

Михаил
ЖДАНОВ

В ТЕ ПАМЯТНЫЕ ДНИ

Этот памятник-obelisk установлен при въезде в город Торгау на западном берегу реки Эльбы. На нем начертаны слова: «Здесь, на Эльбе, 25 апреля 1945 года, войска Первого Украинского фронта Красной Армии соединились с американскими войсками. Слава победоносной Красной Армии и доблестным войскам наших союзников, одержавшим победу над фашистской Германией». Все, кому случается бывать в Торгау, минутой молчания чтят память тех мертвых и живых, кто ценой огромных невосполнимых жертв дошел до этих мест и приблизил долгожданную победу над немецким фашизмом.

Михаил Жданов родился в 1910 году. Окончил исторический факультет Московского института истории, философии и литературы. В 1944—1945 годах был корреспондентом ТАСС при штабе войск союзников. Участвовал в высадке союзных войск на юге Франции.

...Как-то меня вызвали с фронта в Москву и предложили готовиться к выезду в качестве военного корреспондента ТАСС к нашим союзникам. И вот рано утром 24 апреля я прибыл в штаб 1-й американской армии генерала Ходжеса. Он располагался в 40 километрах западнее Эльбы, недалеко от Торгау. Генерал Ходжес принял меня за официального представителя Красной Армии, присланного для уточнения договоренности о времени и месте встречи союзных армий. Мне пришлось разъяснить ему, что я — военный корреспондент ТАСС при союзных войсках и никаких официальных полномочий об организации встречи войск не имею. Тогда, подумав немного, он сказал: «Ну, ничего, вы ведь майор Красной Армии, и мы просим вас побыть некоторое время именно в этой роли. Помогите нам связаться с одной из частей вашей армии и определить, где может произойти встреча наших войск».

Ходжес приказал предоставить в мое распоряжение одну из полевых радиостанций.

Долго никто не отвечал. Мои сообщения, очевидно, принимали за немецкую провокацию, но примерно через час ответил советский радист лейтенант Карасев. Он подробно расспросил меня о дислокации американских войск, потом сказал, что их части находятся недалеко от города Торгау. Когда я доложил о переговорах с лейтенантом Карасевым генералу Ходжесу, он приказал сформировать две разведывательные группы и выслать их на разведку к Эльбе.

Одну из разведывательных групп было поручено возглавить младшему лейтенанту Уильяму Робертсону. Красивому, очень общительному парню было тогда 20 лет. Я попросил разрешения выехать на разведку с этой группой, мне разрешили. 25 апреля мы отбыли в направлении Торгау. Вскоре мы подъехали к Эльбе и на ее восточном берегу заметили наших советских солдат. Они смотрели на нас с удивлением. Волнуясь, я стал объяснять, что я майор Красной Армии, военный корреспондент, нахожусь в американских войсках, а рядом со мной — американские разведчики. Мы и они подошли к мосту и на его взорванных фермах советские и американские солдаты обменялись первыми приветствиями и рукопожатиями.

МОИ ВСТРЕЧИ С ГЕНЕРАЛОМ ХОДЖЕСОМ

В те дни* мне самому, к сожалению, не привелось побеседовать с нашими американскими союзниками: был занят организацией отражения контрударов немецко-фашистских войск. Два из трех наших корпусов, вышедших 23 апреля на Эльбу, перебрасывались в это время на левый фланг армии, где по нашему соседу слева гёрлицкая группировка немцев нанесла сильный контрудар. О встрече на Эльбе 25 апреля мне доложили по телефону на наблюдательный пункт в район боевых действий в самый разгар боя. Только через несколько дней, когда гёрлицкая группировка была сначала остановлена, а потом разбита, я смог наконец выехать на Эльбу.

30 апреля мы провели почти весь день с командующим 1-й американской армией генералом К. Ходжесом. Прошло более 30 лет с того памятного дня, но я, как сейчас, помню генерала Ходжеса — уже немолодого, с виду сурового, но, как выяснилось потом, доброго, немногословного, собранного и подтянутого человека. Наши беседы дают мне основания предполагать, что он был талантливый военачальник. В каждом его жесте, слове сквозила радость одержанной победы.

Генерала Ходжеса сопровождали начальник штаба армии генерал-майор Кин, командующий артиллерией армии бригадный генерал Харт, командующий авиакорпусом бригадный генерал Стерли, еще несколько генералов, 15 офицеров и около 70 корреспондентов. С нашей стороны присутствовали члены Военного совета армии

ЖАДОВ А. С. (1901 – 1977) — советский военачальник, генерал армии (1955). В Великую Отечественную войну с 1942 года командовал армией. После войны занимал разные руководящие посты в Вооруженных Силах СССР.

* 25 – 27 апреля 1945 года происходили встречи между представителями 5-й гвардейской армии (командующий А. С. Жадов) и 1-й американской армии (командующий К. Ходжес).

генерал-майоры А. М. Кривулин и П. Е. Сухарев, начальник штаба генерал-майор Н. И. Лямин, командующий артиллерией генерал-майор Г. В. Полуэктов, генералы Ф. А. Катков, Д. С. Чупрыгин, М. В. Метелкин, Ф. Г. Подольный, Г. В. Бакланов, А. И. Родимцев и примерно столько же офицеров, сколько и с американской стороны, а также представители Генерального штаба — генерал-майор Солодовников, Главного политического управления — полковник Месропов, писатель Константин Симопов и другие.

После отдания воинских почестей в большом зале мы познакомились друг с другом, делились боевыми воспоминаниями. Ходжес и я коротко рассказали о пути, пройденном нашими армиями за годы войны с фашистской Германией.

Генерал Ходжес, другие генералы расспрашивали о боях под Москвой, под Сталинградом, на Курской дуге, о других операциях. Они отмечали стойкость, массовый героизм советских войск в обороне, грандиозные масштабы и высокие темпы наших наступательных операций. Говорили о том, что очень быстро почувствовали, как слабеет натиск фашистов в Арденнах после того, как по просьбе союзного командования советские войска в январе 1945 года на Висле раньше намеченного срока перешли в стремительное наступление и нанесли гитлеровской армии сокрушительное поражение. наших гостей очень интересовала та роль, которую сыграла помощь, оказанная США в ходе войны Советскому Союзу, в частности они спрашивали, какое американское вооружение и техника поступали именно к нам, в 5-ю гвардейскую армию.

За высокую оценку боевых действий наших войск нам оставалось только поблагодарить, а относительно американского оружия и техники я сказал, как это было на самом деле. В 1942 году к нам поступило небольшое количество танков «валентайн», «черчилль» и зенитные средства, тоже в весьма ограниченном количестве. В течение всей войны войска армии получали оружие и боевую технику только советского производства.

Мы предложили американцам побывать в любой из наших дивизий и лично убедиться в сказанном. Вместе с тем мы по-доброму отозвались о хорошо послуживших нам американских автомобилях — «доджах», «виллисах»

и особенно «студебеккерах». За них мы сказали американцам наше солдатское спасибо.

Во время товарищеского обеда провозглашались здравицы за победу, за дружбу между народами, за прочный мир. В ходе обеда выступали участники нашей армейской художественной самодеятельности. Особенно понравились американцам русские народные песни и пляски.

Мы с генералом К. Ходжесом обменялись приветственными речами. В своем выступлении я сказал:

— Господин генерал, господа, товарищи! В этот великий исторический час, когда победоносные вооруженные силы союзных держав обмениваются рукопожатиями на германской земле, позвольте мне в вашем лице от всей души приветствовать доблестных американских и британских воинов, которые вместе с Красной Армией завершают дело окончательного разгрома немецко-фашистских агрессоров.

Бойцы и офицеры бессмертного Сталинграда всегда с живейшим интересом и глубоким уважением следили за боевыми действиями наших англо-американских союзников по оружию на других фронтах второй мировой войны и радовались их крепнущей боевой мощи. Мы особенно ценим воинскую доблесть и искусство англо-американских войск, которые вместе с нами сражаются за общее дело...

Переживаемый нами момент — один из счастливейших в нашей боевой жизни. Мы ждали его и всегда были уверены в том, что он придет. Соединение наших сил в центре Германии еще раз свидетельствует о том, что боевое содружество наших народов является действительно победным содружеством, могущим преодолеть любые трудности, любые препятствия.

Наша задача и наш долг сегодня — добить врага, принудить его сложить оружие и безоговорочно капитулировать. Эту задачу и этот долг перед нашим народом и перед всеми свободолюбивыми народами Красная Армия выполнит до конца...

В ответном слове генерал К. Ходжес заявил:

— Сегодня в центре Германии встретились представители русской 5-й гвардейской армии и 1-й американской армии. Все мы долго ждали этого счастливого дня.

Вы сумели победить более сильного врага. Вы приблизились к центру Германии, перешагнув через Одер. Германия разгромлена... Мы всегда будем помнить, что сделала Красная Армия для победы, и в частности ваша армия...

Я преподношу русской 5-й гвардейской армии наше знамя. Это знамя мы пронесли от Америки через Атлантический океан в Англию и через Ла-Манш в Нормандию, через всю Францию, Бельгию до центра Германии, где мы встретились с вами на берегу Эльбы.

Передавая вам знамя, я передаю вам и офицерам вашей армии мою любовь и уважение.

Я выразил генералу Ходжесу нашу солдатскую благодарность за его добрые слова в адрес Советских Вооруженных Сил и добавил:

— В этот долгожданный и радостный день, когда встретились на Эльбе две армии великих народов, мы преисполнены радости за наши союзные отношения, за наших славных воинов. Доблестная Красная Армия прошла огромный, трудный и победоносный путь войны и завершает его вместе с нашими союзниками полным разгромом фашистской Германии. Пусть эта встреча будет залогом установления прочного и длительного мира на нашей планете. Позвольте преподнести вам альбом с медалью «За оборону Сталинграда» как символ наших побед и как свидетельство моих добрых чувств и искреннего уважения лично к вам, к солдатам и офицерам вашей армии.

От имени личного состава армии я вручил Ходжесу также именную пистолет ТТ, а мне подарили автомашину «виллис».

После завершения Пражской наступательной операции, закончившейся разгромом группировки Шернера и освобождением братской Чехословакии, мы снова встретились с воинами 1-й американской армии и ее командующим генералом Ходжесом в Лейпциге, где вручались ордена и медали американским военнослужащим, награжденным правительством Советского Союза, и советским военнослужащим, награжденным президентом Соединенных Штатов Америки. Встреча была организована торжественно, на площади были выстроены почетный караул и войска гарнизона.

После обмена приветствиями состоялось вручение орденов. Генералу К. Ходжесу я вручил орден Суворова I степени. Начальник штаба I-й армии генерал В. Кин был удостоен ордена Суворова II степени, таким же орденом был награжден командир 69-й пехотной дивизии генерал Э. Д. Рейнхардт. Командиру взвода младшему лейтенанту У. Робертсону был вручен орден Александра Невского. На груди других американских солдат и офицеров засияли ордена Отечественной войны I и II степени, Славы III степени, Красной Звезды и другие боевые награды. Многим советским воинам были вручены американские награды. Орден Легиона офицерской чести был вручен командиру 58-й гвардейской стрелковой дивизии генералу В. Русакову, начальнику штаба подполковнику С. Руднику, начальнику политотдела полковнику И. Карповичу, командирам полков Е. Рогову, А. Гордееву, Ю. Кондратенко, А. Демидовичу и многим другим. Мне был вручен орден Командора I степени.

Встреча в Лейпциге была важным событием в жизни американских и советских военнослужащих, союзников по оружию в борьбе против нацизма. В те майские победные дни они клялись хранить и укреплять дружеские связи между нашими народами, никогда не поднимать оружия друг против друга, укреплять мир на Земле.

Как-то я прочитал в «Правде», что участник встречи на Эльбе, бывший офицер разведывательной службы 273-го полка 69-й американской пехотной дивизии, младший лейтенант Уильям Робертсон работает теперь профессором нейрохирургии Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Прочитал о том, с какой теплотой он вспоминает о встрече на Эльбе, и о том, что его дети разделяют чувства отца.

Мне, старому солдату, было отрадно узнать, что врученный в 1945 году младшему лейтенанту Робертсону боевой орден Александра Невского составляет предмет гордости этого человека — представителя одной из гуманнейших профессий.

Из книги «Четыре года войны»

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).

№ 10 (3872)

Суббота, 28 апреля 1945 г.

ЦЕНА 20 КОП.

Да здравствует победа боевого союза над немец! Завершим разгром герман- прочный мир между наро- Слава войскам Красной А* соединившимся на Эльбе,

П Р И К А З Верховного Главнокомандующего ВОЙСКАМ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ

Войска 1-го УКРАИНСКОГО фронта и со- юзные нам англо-американские войска удар- ю востока и запада раскески фронт не- мских войск и 25 апреля, в 13 часов 30 минут соединились в центре Германии, в районе го- рода ТОРГАУ. Тем самым немецкие войска, шедшиеся в Северной Германии, отрезаны от немецких войск в южных районах Герма- нии.

В ознаменование одержанной победы и в

Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза И. СТАЛИН.

27 апреля 1945 года. № 346.

Обращение Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза И. В. СТАЛИНА

к Красной Армии и войскам союзников

От имени Советского Правительства и общности с нам, командиры и бойцы Красной Армии в америк на- щих союзников.

Победоносные армии союзных держав, ведущие освобожденную войну в Европе, разгромили герман- ские войска и соединились на территории Германии. Наша задача в наш долг побить врага, превратить его оружие в безвредно кантулировать. Эту

Обращение Премьер-Министра Великобритании У. ЧЕРЧИЛЛЯ

После долгих позавод, тяжелых трудов и победа на- шие в море, пройдя через многие поля праведной, драки Великих Союзников переключились в Германию в об- ществе рукожатых. Теперь их задачей будет унич- тожение всех остатков германского военного сотрудни- чества.

Обращение Президента Соединенных Штатов Америки Г. ТРУМЭНА

Англо-Американские Армии под командованием ге- рманца Эйзенхауэра встретились с советскими войска- ми там, где она предположительно встретится — в сердце Нависской Германии. Силы врага разрезаны на две ча- сти. Это во есть еще час окончательной победы в Евро- пе. Но этот час, час, для наступления которого так долго трудились, и чье осуществление сопряжено с этой дракой, все Британские народы и весь Советский наро- д, объединяется. Союз нашего оружия в сердце Герма- нии имеет для всего мира значение, которое мир не может не заметить. Он означает, во-первых, что победа слабая, отчаянная наважда Гитлера в его диктаторского правительстве уничтожена. Обшир фронт и обшир дело держав, включившись союзники в этой драке против тупости и бессмысленности, были про- диктованы и их азиат, как залогом до этого они были продемонстрированы в их решимости. Нетно не может разделять нас ослабить этого стремления на- ших величайших арний довести победоносное решение до выдаты до окончательного труффая союзников в Германии. Во-вторых, соединяя наших сил в этот

момент возмизает нам самим в всему миру, что сотру- дничество наших народов в деле мира и свободы являет- ся эффективным сотрудничеством, могущим успешно преодолевать величайшие трудности кампании, вели- чайшей из всех военных войн. Народы, которые мо- гут вместе разрабатывать планы и вместе сражаться плечом к плечу, перед лицом таковы арестий рас- стояния, языка и культурной нели, какне преодолели мы, могут вместе жить и вместе работать в общем деле организации мира для мирного времени.

Да здравствует победа свободолюбивых народов над Германией!

За здравствует победа свободолюбивых народов над Германией! За здравствует победа англо-американскими войска, — двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из тридцати двадцати четырь- ре орудий.

Превратите доблестные войска наших союзников, стоящие теперь на территории Германии плечом к плечу с советскими войска в пресловутое решимости выполнить свой долг до конца. ления, искоренение фашистской власти и подчинение германского государства. Для этой цели вылетов достаточные силы, и мы встретились в преданной и победо- носной дружбе в с непоколебимой решимостью вы- полнить нашу задачу и наш долг. Верней, на врага.

Начеком, никакими словами нельзя бы выдать такую дань уважения мужеству и решимости Франкли- на Рузвельта, какой является этот великий триумф союзного оружия и союзной стратегии, и этот триумф может быть достигнут только благодаря настойчивости и мужеству сражающихся солдат и моряков союзных стран. Но до тех пор, пока наши враги окончательно не разбиты в Европе и на Тихом океане, не должно быть ослаблены усилия и талу направленных на под- держание наших героических солдат и моряков, так как мы все знаем, что не будет передышки на боевые фронты.

Призи К 1

1. Да здравствует 1-й Маи- ский трудящийся Трудовой и для борьбы за полный разгром!

2. Да здравствует великий Красная Армия и Военно-Мор- ской союзники! Оленство от чинки- листов!

3. Да здравствует могучий Го- стициализм Европы от фа- шизма!

4. Слава советским войскам победы над Берлином!

5. Слава советским войскам, немецкая захватчиков и итгопни- ские войска из Австрии!

6. Да здравствует победа ан- гло боевого союза над немец- чиками! Завершим разгром дру- Обесчести прочный мир между!

7. Прием доблестным войска союзников Штатов Америки и на- шим немец в Западе!

Принят здравим морским на- против немецко-фашистских ли- цам!

8. Слава войскам Красной А союзников, соединившимся на 1-ой своей Германии!

9. Прием братскому польским нишу от на немешах залезни- хаброр Польские войска, сража- ной Армии за свободу и независ-

10. Да здравствует союз и др. Польской Республики!

11. Прием братскому юнги здравствует героическая армия- щая вместе с Красной Армией в- лями от немеших параболите-

12. Да здравствует союз и дружба славян!

13. Прием братскому чело- рюшему против фашистских и ют солдаты и офицеры Чехосло- вачии вместе с Красной Армией жешки угнетенный из предле-

14. Да здравствует союз и дру- жествовой Республики!

15. Братья славяне! Все силы- горю нечужды захватчиков — с- вавства! Да здравствует боевой до!

16. Братья славяне! Все силы- горю нечужды захватчиков — с- вавства! Да здравствует боевой до!

17. Прием народу Франции и против гитлеровской Германии и!

18. Слава доблестным летчикам и с советскими летчиками, рожши- зарварю!

19. Прием народам Европы, не- шего империализма!

20. Вонны Красной Армии! Вы невольны есть наших братьев и с- нешущий залого!

21. Подарим немецко-фашист- грабление и разрушение немеш- гле над ищившими и детьми, за- шичное рабство советских люд-

22. Вонны Красной Армии!

В ОТКРОВЕННОЙ АТМОСФЕРЕ

День 25 апреля 1945 года был полон крупных событий. Но самое крупное из них произошло не в Берлине, а на Эльбе, в 5-й гвардейской армии генерала Алексея Жадова, где 34-й гвардейский корпус генерала Глеба Бакланова встретился с американскими войсками. Именно здесь, в центре Германии, гитлеровская армия оказалась окончательно рассеченной пополам.

В Берлине, около Берлина и севернее его остались части 9-й, 12-й, 3-й танковой армий, а на юге — вся группа армий «Центр», находившаяся под командованием генерал-фельдмаршала Шернера.

Само соединение произошло в спокойной обстановке, без боев с противником; оно явилось результатом многолетней борьбы, ряда операций и сражений, которые приближали встречу на Эльбе. И наконец встреча состоялась.

Приведу короткую выписку из донесения, которое мы послали в Ставку:

— 25 апреля сего года в 13.30 в полосе 5-й гвардейской армии, в районе Штрела, на реке Эльба, подразделения 175-го стрелкового полка 58-й гвардейской дивизии встретились с разведгруппой 69-й пехотной дивизии 5-го армейского корпуса 1-й американской армии.

Того же числа в районе Торгау, на реке Эльба, головным батальоном 173-го гвардейского стрелкового полка той же 58-й гвардейской дивизии встретились с другой разведывательной группой 69-й пехотной дивизии 5-го американского корпуса 1-й американской армии.

Через неделю после встречи наших войск с американскими на Эльбе я познакомился с командующим 12-й армейской американской группой войск генералом Омаром Бредли. Это произошло неподалеку от Торгау, при-

КОНЕВ И. С. (1897—1973) — Маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза. В гражданскую войну комиссар дивизии, корпуса. В Великую Отечественную войну командующий армией, войсками разных фронтов. После окончания войны занимал ряд командных постов в Вооруженных Силах СССР.

близительно в сорока километрах северо-восточнее его, на моем командном пункте.

Бредли прибыл со свитой генералов и офицеров и огромным количеством корреспондентов и фоторепортеров, я бы даже сказал, с чрезмерным. С нашей стороны кроме меня присутствовали члены Военного совета фронта командующий 5-й гвардейской армией А. С. Жадов и командир 34-го гвардейского стрелкового корпуса Г. В. Бакланов. Именно их войска впервые встретились на Эльбе с американцами. Находились также представители наших газет, кинооператоры и фотокорреспонденты, но куда в более скромном числе, чем у американцев.

Разные бывали времена в советско-американских отношениях, да и сейчас эти отношения не по нашей вине оставляют желать лучшего. Соблюдая историческую точность, скажу, что в тот день, 5 мая 1945 года, встреча двух командующих — американского и советского — происходила в атмосфере прямодушия и откровенности. Мы с Бредли были не дипломатами, а солдатами, и это наложило отпечаток на обе встречи — одновременно и официальные, и дружественные.

Мы рассмотрели с генералом его карту. На ней было нанесено положение американских войск на этот день — 5 мая. Бредли коротко пояснил, где и какие его части вышли на условленную линию соприкосновения с нами. Затем спросил меня, как мы намерены брать Прагу и не следует ли американцам помочь нам в этом деле.

Вопрос не был для меня неожиданным. Хотя наступление советских войск против группы Шернера еще не началось, у американцев все же не могло оставаться никаких сомнений относительно того, что это наступление начнется в самом ближайшем будущем.

Я сказал Бредли, что необходимости в такой помощи нет и что любое продвижение американских войск дальше к востоку от ранее обусловленной демаркационной линии может внести только путаницу, вызвать перемешивание войск, а это нежелательно, и просил этого не делать.

Бредли согласился со мной и сказал, что подчиненные ему войска будут и впредь соблюдать установленную линию соприкосновения.

...Во время обеда в своем первом, официальном тосте я говорил о тех испытаниях и трудностях, через которые

прошла Советская Армия на пути к Победе. Я говорил о том, какую важную роль сыграл президент Рузвельт в создании и во всех дальнейших действиях антигитлеровской коалиции. Кончина Рузвельта была так еще свежа в памяти, а я принадлежал к числу людей, искренне и глубоко переживавших эту потерю. Поэтому, выражая официально соболезнование по поводу безвременной кончины американского президента, я вложил в свою речь личные чувства и высказал надежду, что новый президент продолжит дело, за которое боролся Рузвельт.

К сожалению, эта надежда не оправдалась и преемник Рузвельта очень скоро внес свой первый вклад в обострение отношений между Советским Союзом и Америкой.

Говоря о нашей совместной борьбе против фашистских захватчиков, я отметил и оценил бесспорные заслуги офицеров и солдат 12-й американской группы войск.

Генерал Бредли в своем ответном тосте отметил мужество советских солдат, храбрость войск 1-го Украинского фронта, примеру которых, по его словам, следовали американские солдаты, офицеры и генералы. Остановившись на заслугах Рузвельта, он выразил сожаление, что президенту не удалось дожить до счастливых дней победы, и предложил тост за нашу встречу.

После первых, официальных тостов за столом возникла дружеская беседа, прерываемая уже, как говорится, локальными тостами в честь представителей наших и американских штабов, командующих армиями, представителей различных родов войск. Тосты были теплыми и искренними. Они свидетельствовали о том, что мы взаимно и по-настоящему уважаем друг друга и ценим нашу боевую дружбу, возникшую и окрепшую в борьбе с общим врагом. Кончился обед, и я предложил Бредли и его спутникам послушать концерт ансамбля песни и пляски 1-го Украинского фронта. Надо сказать, что этот ансамбль, созданный в 1943 году в Киеве под руководством Лидии Чернышевой, пользовался на фронте большой популярностью. Там были отличные музыканты, певцы и танцоры.

Когда ансамбль исполнял гимн Соединенных Штатов, находившиеся в зале американцы подпевали, а после горячо аплодировали нашим музыкантам. Аплодировали они и тогда, когда ансамбль исполнил Гимн Советского Союза.

Артисты ансамбля были в тот день в особом настроении. Кроме наших песен они спели американскую шутливую песенку «Кабачок», английскую «Тинерери». Все это было восторженно встречено гостями. Ну а потом им показали украинский гошак и русский перегиас — коронные номера наших танцоров. И в обычной обстановке эти номера производят яркое впечатление, а тогда оно было еще усилено праздничным, радостным настроением, охватившим и нас, и наших гостей.

Генерал Бредли, сидя рядом со мной, заинтересованно расспрашивал, что это за ансамбль, откуда здесь, на фронте, эти артисты. Я сказал ему, что ансамбль состоит из наших солдат, прошедших вместе с войсками фронта большой боевой путь. Однако, как мне показалось, он отнесся к моему ответу без особого доверия. И зря, потому что большинство участников ансамбля начали войну солдатами, да и потом, когда уже был сформирован ансамбль, они много раз выступали в войсках первого эшелона, порой в условиях далеко небезопасных.

Бредли поблагодарил за концерт и после окончания объявил о решении правительства Соединенных Штатов наградить меня как командующего 1-м Украинским фронтом высшим американским орденом. Он тут же вручил мне этот орден и, как водится в таких случаях, поздравил и обнял.

Участники этой встречи, мои товарищи по фронту, с искренним одобрением отнеслись к награждению; они справедливо увидели в нем высокую оценку, данную нашими союзниками боевым делам войск 1-го Украинского фронта.

По окончании церемонии вручения награды мы вышли вместе с Бредли из особняка на свежий воздух, и там, в присутствии, надо сказать, достаточно широкой аудитории, собравшейся в связи с приездом американских гостей, я вручил генералу Бредли от имени воинов 1-го Украинского фронта Красное знамя как символ нашей боевой дружбы.

Я знал, что Бредли собирается подарить мне на память «виллис», доставленный из его ставки прямо на самолете. Со своей стороны, я тоже приготовил ему личный подарок: строевого коня, который следовал за мной всюду с лета 1943 года, когда я вступил в командование Степным фронтом. Это был красивый, хорошо

выезженный донской жеребец. Я и подарил его со всей экипировкой генералу Бредли.

Мне показалось, что генерал был искренне рад этому подарку. Припяв коня, он, в свою очередь, подарил мне легковую машину «виллис» с надписью: «Командующему Первой Украинской группы армий от солдат американских войск 12-й группы армий» — и вместе с «виллисом» вручил мне американское знамя и американский автомат.

А через несколько дней мне пришлось выехать с ответным визитом в ставку Бредли...

До Торгау мы ехали на своих машинах. Там нас встретили старший офицер штаба и переводчик, которые сопровождали до Лейпцига. В Лейпциге меня ожидал Бредли, предложивший до своей ставки, которая была размещена довольно далеко, в Висбадене, лететь на его личном самолете.

Мы сели в его «СИ-47». Всю дорогу нас сопровождали две эскадрильи истребителей. Они непрерывно совершали в воздухе всевозможные эволюции, перестраивались, показывая высший класс группового полета, а когда наш самолет сел неподалеку от Касселя, истребители эффектно ушли на разных высотах, вплоть до самых низких. Не скрою, мне показалось тогда, что при помощи этого эскорта истребителей нам не только оказали почет, но и постарались продемонстрировать свое мастерство самолетовождения.

От аэродрома в районе Касселя нас тоже сопровождал эскорт, но уже сухопутный: впереди несколько боевых бронемашин, за ними — машина с мощными сигналами, затем машина, в которой ехали я, Бредли и переводчик, позади опять бронетранспортеры, и замыкали колонну три танка. На пути нашего следования были построены с интервалами войска — представители всех родов войск, за исключением, кажется, только моряков.

У здания, к которому мы подъехали, собралось множество офицеров штаба и еще более многочисленная толпа корреспондентов.

В парадном зале Бредли предложил нам коктейль, приготовленный, как он нам сказал, по его рецепту. Из огромного медного котла коктейль разливали черпаком в солдатские кружки. Мне сказали, что это традиция. Ну что ж, традиция так традиция.

После коктейля Бредли повез меня в свою штаб-квартиру на другой конец города. Здесь перед зданием был выстроен почетный караул, опять-таки представляющий все рода войск. Мы вместе обошли строй; я поздравился и попросил генерала, чтобы он подал войскам команду «смирно». Когда это было сделано, я по поручению Советского правительства вручил генералу Бредли орден Суворова I степени. Бредли — человек сдержанный, но мне показалось, что в эти минуты лицо его было взволнованным. Мы обнялись, и я поздравил его.

Затем перешли в зал, где были накрыты столы. И, как водится, опять началось с тостов. Первый тост произнес хозяин, второй — я; за нашу встречу, за Бредли, за сидящих за столом его боевых соратников и друзей.

Во время обеда почти не касались военных тем. Единственной военной темой был разговор о Суворове. Бредли, получив орден Суворова, интересовался этой исторической личностью. Как выяснилось, он до этого ничего не знал о Суворове, и мне пришлось здесь же, за столом, рассказать об основных кампаниях русского полководца, в том числе об итальянской кампании и Швейцарском походе.

Заканчивая свой рассказ о Суворове, я сказал Бредли, что Суворов — самый крупный полководческий талант в истории русской армии и орден его имени — это орден прежде всего полководческий, наиболее высокая награда, установленная у нас для военачальников, командующих крупными соединениями, и что маршал Сталин (так оно в действительности и было) поручил мне лично вручить этот орден ему, генералу Бредли.

В конце обеда два скрипача в американской солдатской форме, один постарше, другой помоложе, исполнили дуэтом несколько превосходных пьес. Скажу сразу, что высочайшему классу скрипичной игры, которую мне довелось слышать в тот день в ставке у Бредли, удивляться не приходится: этими двумя солдатами были знаменитый скрипач Яша Хейфец и его сын.

В перерывах между номерами Бредли несколько иронически поглядывал на меня. Видимо, мои предположения были справедливы: он так и не поверил мне при первой встрече, что наш ансамбль песни и пляски состоял из солдат I-го Украинского фронта. Считая данный ему концерт маленьким подвохом, он, в свою очередь, решил

прибегнуть к приятельской мистификации, представив Яшу Хейфеца с сыном как американских военнослужащих.

С американской стороны на обеде присутствовали генералы — командующие армиями, командиры корпусов и дивизий. Хозяин неоднократно выражал сожаление по поводу того, что среди собравшихся нет генерала Паттона, и отзывался о его армии как о лучшей из американских армий, а о нем самом как о наиболее выдающемся американском генерале, человеке, способном к смелому маневру и решительному использованию танковых войск.

Мы вели беседу через переводчиков, и, может быть, какие-то оттенки сказанного не были уловлены мною с достаточной точностью, но общее впечатление от разговора у меня сложилось именно такое.

Сам Бредли как человек и как военный произвел на меня во время этих свиданий благоприятное впечатление. Уже немолодой — тогда, в мае сорок пятого, ему было около шестидесяти, — он был крепок, спокоен и выдержан; интересно и в основном верно анализировал ход событий, понимал значение, которое приобрели в ходе войны мощный артиллерийский огонь, танки и авиация, хорошо разбирался в характере современного боя, правильно представлял себе решающее и второстепенное в нем. Со знанием дела судил о наших танках, их вооружении, броне, двигателях и тому подобном.

В общем, я чувствовал и видел: рядом со мной сидит человек, достаточно ориентированный в вопросах использования всех родов войск, что, на мой взгляд, было первым признаком высокой квалификации командующего.

У меня сложилось впечатление: это воин в полном смысле слова, военачальник, достойно представлявший действовавшие в Европе американские войска.

Импонировало и то, что в беседах со мной он не раз тепло отзывался о советском народе, армии, с удовлетворением и, как мне казалось, искренне высоко оценил наши последние операции, а также понимал все трудности борьбы, которую Советская Армия вела с гитлеровцами.

В одном из разговоров Бредли мне так прямо и сказал, что наша армия вынесла основную тяжесть войны, то есть заявил именно то, что впоследствии многие другие генералы на Западе, бывшие некогда нашими

союзниками, стали упорно замалчивать или даже опровергать. В оценке противника мы тоже с ним сошлись. Он считал немецкую армию сильной и закаленной, способной драться упорно, с большим умением и стойкостью.

Наша встреча проходила и закончилась в непринужденной дружеской обстановке. Между нами тогда были действительно хорошие отношения. Я уезжал от Бредли в самом добром расположении духа, и только уже по дороге мое настроение несколько омрачила одна небольшая деталь.

Когда мы усаживались за обеденный стол, я увидел перед собой микрофон. Я не видел никакой надобности в том, чтобы застольные тосты транслировались в эфир, и попросил убрать от меня микрофон. Бредли тут же распорядился на этот счет. Но когда я, возвращаясь к себе на командный пункт, включил радиоприемник, то услышал в эфире свой голос. Тост, который я произносил на обеде у Бредли, был все-таки записан на магнитофон и теперь передавался в эфир. Я, правда, не придал этому сколько-нибудь существенного значения. Но, не скрою, поскольку мы договорились заранее, нарушение слова, даже в столь несущественном деле, оставило у меня все же неприятный осадок. Хотя, впрочем, допускаю, что это было сделано без ведома Бредли и его самого в данном случае надули корреспонденты.

Из книги «Записки командующего фронтом»

Юрий
ТИМОШЕНКО,
Ефим
БЕРЕЗИН

КОНЦЕРТ ЗА ЭЛЬБОЙ

Война была кончена. Это чувствовалось и в штабе армии, которой командовал В. И. Чуйков — будущий Маршал Советского Союза. Мы прибыли сюда отпраздновать Великую Победу советского народа.

Девятого мая во время торжественного салюта в честь Победы вместе с героями штурма Берлина мы разрядили свое оружие в притихшее берлинское небо.

Наступил мир!

Вскоре у нас состоялся концерт за Эльбой — для наших американских союзников. Этой встрече предшествовала большая и тщательная подготовка.

Хормейстер Е. П. Шейнин решил поразить американцев небывалой филигранностью хорового пения. Для этого он выбрал простую американскую песенку «Ни с кем не смеешь ты сидеть в саду».

— Звучание этой вещи,— увлеченно говорил нам худрук, — должно напоминать ажурное кружево, искусно сплетенное из тончайших ниток-голосов.

Долго искали выигрышную для песни тональность. Трижды переделывали оркестровку. Вместо отдыха с утра до ночи репетировали только эту песню, и ансамбль возненавидел ее черной ненавистью.

В тот день, когда доведенные до иступления хористы готовы были броситься на дирижера, раздалась команда:

— Прекратить репетицию. Через час быть готовыми к отъезду за Эльбу. Форма парадная. Оружия не брать.

Эльба. Останавливаемся возле разрушенного моста. Нас уже ожидает американская баржа. Мы выходим из автобусов и окружаем американского солдата, стоящего возле переправы. Он жует резинку и приветливо улыбается.

Наконец нам представилась возможность «блеснуть» своими познаниями английского языка, и мы бойко задали ряд вопросов высокоинтеллектуального характера: «Как поживаете?», «Сколько вам лет?», «Который час?».

Если учесть, что ко всем вопросам мы добавляли «мистер», это выглядело совсем неплохо.

Солдат отвечал на вопросы обстоятельно, не скупясь на слова, три четверти которых нам были непонятны, но мы утвердительно кивали головами и улыбались. Несколько раз американец попытался что-то спросить. Но мы боялись, что не сумеем ответить, а потому, извиняясь

Юрий Тимошенко (1919—1986) и Ефим Березин (р. 1919) — народные артисты УССР. В 1941 году закончили Киевский театральный институт и сразу же были зачислены в ансамбль красноармейской песни и пляски Юго-Западного фронта. Вместе с войсками Красной Армии прошли путь от Киева и Сталинграда до Эльбы и Берлина.

(на английском языке!), перебивали его и немедленно задавали какой-нибудь новый «остроумный» вопрос.

Когда наш запас английских слов истощился, мы заметили на каске американского солдата надпись «Крочак». Мы спросили, что она означает?

— Крочак — моя фамилия.

— Простите, но ведь это украинская фамилия. Разве вы украинец?

— А вже ж... Мэнэ зовуть Хведько, а хвамилия Крочак...

Взрыв хохота прервал нашу беседу.

После гортанной английской речи смешно было слушать американца, говорящего по-украински, да еще на таком диалекте, который можно встретить только в глухих селах Прикарпатья.

Он рассказал нам, что его отец родился в Тернополе и еще до империалистической войны эмигрировал в Америку. Отец делал все, чтобы семья не забыла «ридну мову». Дома запрещалось говорить по-английски. Живя в Нью-Йорке, мать до сих пор готовит на обед борщ, галушки, вареники, пампушки с чесноком.

От него мы узнали, что для встречи нашего ансамбля из всех расположенных поблизости американских частей созваны солдаты славянского происхождения. Они должны выполнять роль переводчиков.

К нашему приезду зал огромного сарая, переоборудованного под театр, был переполнен, еще больше военных толпилось снаружи. Они встретили нас радушными возгласами и рассматривали каждого с нескрываемым любопытством.

Ансамбль позвали на сцену, когда прибыл генералитет.

Концерт начался исполнением гимнов. До своего выхода на сцену мы сквозь дырочку в кулисе смотрели в зал, наблюдая, как полторы тысячи зрителей, ритмично ворочая челюстями, жуют резинку. Когда певец брал высокую ноту или танцор делал сложный трюк, движущиеся челюсти словно по команде замирали.

После каждой песни и пляски раздавались непривычный для нас оглушительный свист, крик и громоподобные аплодисменты. Большинство номеров приходилось бисировать. Мы вдвоем приготовили специально для

этой встречи интермедию на английском языке, которая тоже прошла с большим успехом.

Наконец объявляется американская песня. Дирижер долго ждет абсолютной тишины. Подойдя к группе басов, он шепотом говорит:

— Не забудьте про легато во второй строчке третьего куплета.

Потом напоминает тромбонистам:

— Мягче берите первую ноту второй вольты.

Но вот взмахнули руки дирижера, и оркестр начал бодрое вступление.

Наэлектризованный ожиданием зал разрядился легким шумом. Зрители стали покачивать головами в такт музыке.

Острым семиголосым аккордом вступили хористы, но не успели они спеть и двух тактов, как весь зал хриплыми простуженными голосами подхватил песню...

Дирижер окаменел. Он перестал дирижировать, а песня продолжалась. Весь зал, включая генералов, громко отбивал в ладоши ритм и орал что есть духу:

Ни с кем не смеешь ты сидеть в саду
Под яблоней на пруду,
Пока я не приду.
Пока я не приду. Ха-ха!

Объединенный хор русских артистов и американских слушателей, пренебрегая всеми намеченными дирижером нюансами, на двух языках ревел с такой мощью, что, казалось, стены рухнут и потолок подыметя вверх, чтобы выпустить в небо этот взрыв ликующих голосов.

Хористов и оркестрантов разобрал неудержимый смех. Трубачи и тромбонисты непослушными от смеха губами брали фальшивые ноты. Баянисты кусали губы, стараясь задушить в себе смех, но их выдавали слезы, градом катившиеся по щекам. Хор, не переставая петь, тоже «рыдал».

Когда песня кончилась, самый старший из генералов подбежал к сцене и попросил повторить, а дирижера он просил повернуться лицом к залу и дирижировать всеми — так песня прозвучит еще лучше.

Просьбу пришлось удовлетворить.

После концерта тот же генерал благодарил нас за доставленное удовольствие и пригласил на банкет.

Это был не совсем обычный банкет. Дело в том, что командиры частей армии, в которой мы находились, не смогли договориться между собой, кому принимать русских, и каждая часть самостоятельно приготовила праздничный ужин. Теперь, чтобы никого не обидеть, мы должны были разбиться на группы по три-четыре человека и поехать в разные части.

На улице нас ждала целая колонна «виллисов». Нашим сопровождающим и переводчиком оказался американский солдат — поляк по национальности. Он представился и заверил нас в сердечной «ишиязни», с чувством которой все американские солдаты относятся к своим русским союзникам.

Когда машины тронулись, к нам на ходу вскочил какой-то солдат.

После небольшой перебранки поляк остановил машину и попросил его выйти. Тот не согласился. Тогда огромного роста шофер вытолкнул его из машины. К концу инцидента к «виллису» подошел офицер и строго распорядился посадить неизвестного в машину.

Это шпик! — прошептал нам поляк и громко выругался.

Всю дорогу наш сопровождающий первничал. Он успокоился только тогда, когда мы прибыли на место.

Перед входом в столовую нас встретил румяный повар в белоснежном колпаке. Он преподнес нам по букетику цветов и эффектно распахнул дверь в зал.

Как только мы сели за торжественно сервированный стол, хозяева погасили электрический свет и зажгли свечи. Поляк объяснил, что это делается, чтобы создать атмосферу, располагающую к доброжелательной встрече. Когда настало время произнести тост, поляк громко сказал:

— Тихо! Я буду говорить тост!

Попросив нас подняться, поляк показал пальцем на медаль «За оборону Сталинграда» и провозгласил:

— Все американцы, англичане и французы каждого русского с такой медалью должны носить на руках!

Грохнули дружные солдатские аплодисменты, раздались крики одобрения и громовое «виват!».

Обычную после первой рюмки тишину нарушил сидевший против нас шпик. Наливаясь кровью, он громко

кашлял и отплеывался. Оказывается, кто-то подлил в его бокал уксус.

Этим «кем-то», как выяснилось позже, был шофер, привезший нас сюда. Он издевался над шпиком весь вечер. Во время второго тоста, когда все встали, он незаметно убрал стул шпика, и тот, садясь, грохнулся на пол. Позже шофер, взяв свечу со стола, долго поджигал висевшую на спинке стула пилотку шпика.

В нашем оркестре на трубе играл Николай Рудой, или по паспорту Миколай Рудый (по-украински — рыжий). Правда, он именовал себя Нико Рудоль, а на фамилию Рудой или Рудый не откликался. Джазовую музыку он любил фанатически. В самый разгар банкета Рудой признался, что взял с собой трубу, чтобы сыграть на ней заокеанским ценителям джаза. Идея такого выступления была принята всеми с восторгом. Среди присутствовавших оказался солдат, отлично игравший на рояле.

Тимошенко и поляк, представляя что-то вроде парного конференса, объявили, что Нико Рудоль (только так он просил объявить себя!) сыграет на трубе импровизацию на тему популярной в то время песни из американского фильма «Серенада Солнечной долины».

Рояль и труба начали знакомую мелодию песни. Потом пианист, как бы подзадоривая трубача, ускорил темп и сыграл вариацию, недалеко ушедшую от основной темы.

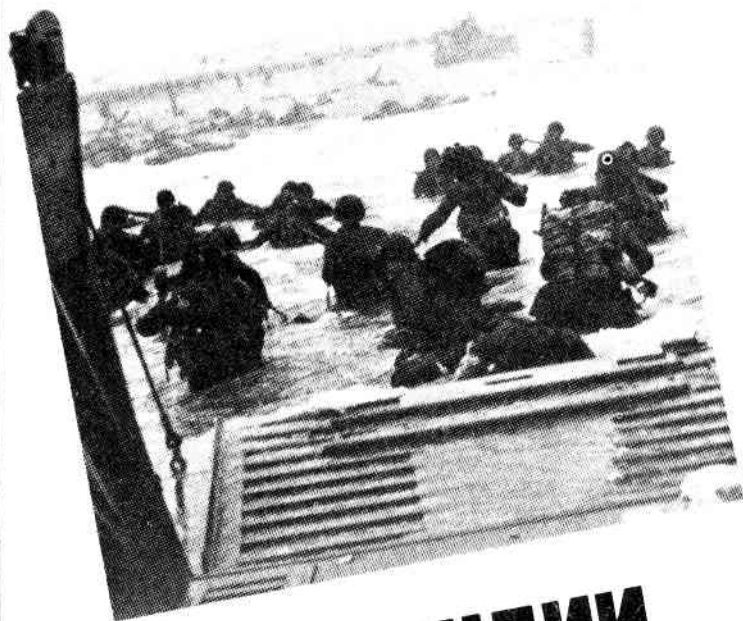
Настала очередь трубы. Нико, заметно волнуясь, прижал мундштук к губам. Неожиданно громким глиссандо он перешел на октаву выше и начал свою импровизацию. Его труба квакала лягушкой, бляла овцой, рычала, визжала и плакала и в конце концов засвистела такой высокой нотой и так продолжительно, что американцы, не дождавшись ее конца, начали аплодировать, неистово орать и подбрасывать Нико под самый потолок.

Все были уверены — Рудоль один из самых выдающихся трубачей России, на что Нико ответил:

— Я всего лишь второй трубач города Винницы. Вы можете сожалеть, что не слышали первого!

Потрясенные высотой джазовой культуры неизвестного им города, американцы принялись расспрашивать нас об этой удивительной Виннице.

Из книги «Музы вели в бой»

**ОТ НОРМАНДИИ
ДО ЭЛЬБЫ**

ДЕНЬ, КОГДА НЕВОЗМОЖНОЕ СТАЛО ВОЗМОЖНЫМ

(Заметки редактора)

Это он, тот самый день, ребята, он наступил для всех — от Ньюбернпорта до Владивостока.

Ликующий голос американского солдата почти прокричал эти слова в радиопередаче компании Си-би-эс ночью 8 мая 1945 года. Да, это был главный день. День Победы в Европе*. Тысячелетний рейх сокрушен. Гитлер мертв. Германия в руинах. Простой парень одолел «сверхчеловека».

Но празднование Дня Победы началось не в Вашингтоне, Москве, Лондоне или Париже. Участниками торжеств были не президенты, премьер-министры и генералы. Праздник начался сам собой в конце апреля в маленьких городах и селах, разбросанных по берегам Эльбы. Отмечали его простые люди — американские солдаты и воины Красной Армии.

Тогда они стали друзьями и остались ими. Вот как это было.

Они шли с противоположных концов мира, чтобы встретиться в сердце фашистской Германии. Их соединение там весной 1945 года разрезало территорию «третьего рейха» пополам и тем самым привело к окончанию второй мировой войны в Европе. Они сознавали это и отпраздновали этот свой день за две недели до того, как возликовала вся планета.

Наконец наступил мир. «Никто не стреляет с запада, никто не стреляет с востока». Билл Робертсон вспоминает, что промелькнуло у него в голове в момент встречи с советскими войсками в Торгау: «Значит, каждый из нас проживет — это уж точно — еще час, еще день».

Какие же это были замечательные дни! Дни, когда янки встретились с красными. Время нескрываемой радо-

* В США отмечают День Победы 8 мая.

сти, которая ознаменовала собой окончание самой разрушительной войны в истории человечества. С запада мощная армада союзников пересекла Ла-Манш. В схватках с вооруженными фалангами фашистов проливали свою кровь английские и американские солдаты на берегах Нормандии. На земле и в воздухе англо-американские войска проложили себе путь в фашистское логово. Наступая с востока, говоря словами Черчилля, Красная Армия «выпустила кишки из германской военной машины». Советские солдаты — мужчины и женщины — шли с боями от самых стен осажденной Москвы и голодного Ленинграда, от заснеженных могил Сталинграда. Многие прошли всю войну, прежде чем встретиться со своими американскими товарищами по оружию.

25 апреля 1945 года старший лейтенант Голобородько был первым советским солдатом, встретившим высланный навстречу русским американский патруль. Патрулем командовал лейтенант Бак Котцебу. С ним был переводчик с немецкого рядовой Джо Половски. Они встретились на левом берегу Эльбы. Кругом лежали обуглившиеся трупы немецких беженцев. Глубоко потрясенные этим страшным зрелищем, американские и советские солдаты дали на Эльбе Клятву — торжественное обещание, что они сделают все возможное для предотвращения новой мировой войны. В тот же день далеко от Эльбы, в Сан-Франциско, произошла еще одна важная встреча, которая привела к созданию Организации Объединенных Наций. Встреча на Эльбе и рождение ООН подарили миллионам людей надежду на прочный мир. Не многие из тех, кто был тогда на Эльбе или в Сан-Франциско, могли представить, насколько тревожным станет мир в последующие 40 лет. И никто не предполагал, что встреча на Эльбе будет последней дружеской встречей американской и советской армий.

Помимо исторического значения, эта встреча представляла огромный интерес с человеческой точки зрения. Это был день простого человека, день, когда даже малое стало большим. Деревушки, едва ли обозначенные на картах Германии — Кланшвиц, Леквиц и Крайниц, — приобрели международную известность. Вряд ли вы найдете в большинстве книг по истории имена советских и американских воинов, пожавших друг другу руки на Эльбе. Поищите там Джо Половски, Григория Голобородько,

Билла Шанка, Николая Андреева, Энн Стрингер, Александра Сильвашко, Джоржа Пека, Бена Кэзмира.

В День Эльбы простые люди, весьма далекие от власти, потянулись друг к другу в порыве искренних чувств. Сердце управляло разумом американских солдат, когда, направленные на поиски русских, они почти вызывающе нарушали приказ не выходить за пределы пятимильной патрульной зоны. «Никогда в жизни я не целовался со столькими людьми», — вспоминает Бен Кэзмир. Билл Робертсон охарактеризовал атмосферу встречи с советскими войсками как создавшую «ощущение того, что мир един».

Это был день, когда военный протокол превратился в сплошное веселье. Джо Половски вспоминает: «Мы пили за встречу, звучали аккордеон и балалайка, все танцевали. Русские пели американские песни. Оказалось, что некоторые ребята умеют играть на гитаре. С нами было еще несколько человек из гитлеровских лагерей принудительного труда. Русские девушки тоже были среди танцующих. Это было удивительное зрелище. Оно запомнилось мне навсегда».

В своем репортаже о торжествах 26 апреля военный корреспондент Энди Руни писал: «Если для большинства русских бойцов на Эльбе сегодняшний день не станет самым замечательным в их жизни — значит, они самые чудные солдаты на свете. Русские солдаты такие же простые и веселые, как американцы, только это как бы американские солдаты, помноженные на два».

Когда советских солдат на Эльбе спрашивали, ладят ли они с американскими солдатами, они обычно отвечали: «Это свои ребята, простые и любят выпить».

Да, ребята, вот это был день! День примирения противоположностей. В духе Эльбы, в духе искреннего братства, Восток встретился с Западом, коммунист — с капиталистом, верующий — с неверующим, мужчина — с женщиной. Советский генерал Владимир Русаков танцевал с техасской журналисткой Энн Стрингер, которая прямо как в сказке спустилась с неба. Ветеран из Кливленда Альберт Хорняк рассказывал: «Я танцевал с русской девушкой, на плече у которой висел автомат».

Самым замечательным в тот день, наверное, было то, что людей ничто не разделяло. Многие участвовавшие во

встрече не помнят имен друг друга. В каждом, кого они встретили, они видели просто человека, в именах не было необходимости. Ни Мульде, ни Эльба не могли отделить янки от красных. Многие из тех, кто был там, говорили, что незнание языка не было особой преградой для общения. Как-то получалось, что все понимали друг друга.

Ну и что? — спросите вы. Какое значение это имеет для молодого поколения сегодня, через много лет после встречи американских и советских войск в фашистской Германии? В телерепортаже, посвященном сорокалетию этого события, английский телекомментатор Джонатан Димблбай сказал: «Когда-то то, что произошло здесь, обрадовало весь мир. Теперь это похоже на старую сказку или выдумку. Но здесь, на Эльбе, это останется частью истории, которую трудно забыть».

Чикагский водитель такси Джо Половски ничего не забыл. В течение многих лет после войны каждое 25 апреля он стоял на Мичиганском мосту, зачастую один, призывая прохожих вспомнить Клятву на Эльбе. Он вспоминает: «Я раздавал прохожим листовки с призывом остановить распространение ядерного оружия. Если кто-нибудь спрашивал, кто я такой, я рассказывал ему о встрече на Эльбе». Следуя духу Эльбы, Джо настаивал, чтобы ООН объявила 25 апреля «Днем Эльбы», международным Днем мира. Джо умер от рака в 1983 году. По его воле Половски похоронили в Торгау, в ГДР, в знак вечной дружбы между простыми парнями из США и Советского Союза.

Хотя сегодня их разделяет время, пространство, язык и идеология, мужчины и женщины, встретившиеся более 40 лет назад в разрушенной Германии, продолжают верить, что мир и примирение возможны, особенно сейчас. В 1985 году генерал-майор Александр Ольшанский сказал: «Мы убеждены, что дух Эльбы продолжает жить. Дух нашего военного союзничества тоже жив. Мы убеждены, что можем жить в мире». Подполковник Бак Котцебу добавил: «Я думаю, во всех солдатах определено есть что-то общее. А именно — понимание смысла войны, и, если бы им дали возможность решать, войн бы не было. Вы можете усомниться в духе Эльбы. Вы можете сказать, что это мечты о невозможном. А я думаю, что обязательно нужно мечтать о невозможном. Тогда, глядишь, оно станет возможным».

Символом исторической встречи советских и американских армий на реке Эльбе, в районе города Торгау, стала эта фотография: обняли друг друга лейтенанты Александр Сильвашко и Уильям Робертсон.

Взорванный мост через Эльбу не помешал дружеской встрече.

Первое рукопожатие воинов-союзников.

Вечер 25 апреля 1945 года. «Выпьем за победу!..» — командир 275-го полка 69-й пехотной дивизии полковник Чарльз Адамс (в центре) приветствует советских офицеров.

«Восток встречается с Западом» — первый импровизированный плакат по случаю свершившегося события.

Разведпатруль лейтенанта Уильяма Робертсона (второй справа).

Корреспондент ТАСС при штабе войск союзников Михаил Жданов (в очках) выступает в роли переводчика во время интервью американской журналистки Айрис Карнеттер с советскими офицерами.

В те дни на улицах Торгау советских и американских солдат можно было отличить лишь по пилоткам и каскам.

Фото на память: американец Байрон Шивер и грузин Иван Нумладзе.

В расположение 175-го гвардейского стрелкового полка прибыли союзники. «Мы приветствуем отважные войска Первой американской армии» — написано на транспаранте.

Лейтенанты Григорий Голобородько (слева) и Бак Котцебу.

Медсестры и связистки 175-го гвардейского приготовили праздничный обед для разведчиков лейтенанта Котцебу.

Старший лейтенант Григорий Прокопьев и капитан Владимир Орлов.

Медицинская сестра Полина Некрасова. Александр Ольшанский и Айткалия Алибеков (справа) — первый, как вспоминают американские ветераны, советский воин, встретившийся с разведпатрулем Бака Котцебу.

Американцы (справа налево) Байрон Шивер, Карл Робинсон, Эдвард Рафф и Роберт Хагг прибывают на восточный берег Эльбы. Их встречают Полина Некрасова, Григорий Голобородько, Любовь Козинченко, Александр Гордеев, Анатолий Иванов и другие.

Медсестра Любовь Козинченко преподносит цветы медбрату Карлу Робинсону.

Языковой барьер не помеха: солдаты понимают друг друга. В «джипе» стоит Джозеф Половски.

«Давай закурим, товарищ мой...» Слева направо: начальник штаба дивизии Спиридон Рудник, начальник штаба артиллерии дивизии Анатолий Иванов, майор Фред Крейг, капитан Джордж Мори, американский переводчик Игорь Белоусович, командир 175-го полка Александр Гордеев.

Военнопленные из разных стран приветствуют в лагере Мюльберг советских и американских воинов-освободителей.

По улицам Торгау под флагами государств антигитлеровской коалиции идут советские и американские офицеры. На переднем плане командир 58-й пехотной дивизии генерал-майор Эмиль Рейнхардт.

Командующие корпусами 5-м американским — генерал-майор Кларенс Хьюбнер и 34-м Красной Армии — генерал-лейтенант Глеб Бакланов.

Генерал Омар Бредли, командующий 12-й группой армий, дарит маршалу Ивану Коневу, командующему 1-м Украинским фронтом, «джип». Маршал Конев преподнес в дар американскому «коллеге» своего боевого коня.

«Счастливого пути, фронтовые побратимы!» — советские солдаты провожают американцев. Перед тем как расстаться, они дали Клятву навсегда сохранить дух дружбы и сотрудничества, зародившийся в те памятные апрельские дни 45-го.

Еще один символ совместной борьбы. В парке американского города Хиксвилла (штат Нью-Йорк) установлен советский танк Т-34, доставленный с берегов Эльбы.

Это, ребята, был день, когда невозможное стало возможным, когда мир стал сильнее войны, жизнь сильнее смерти, любовь сильнее ненависти. День простого парня, праздник для каждого. Об этом папа книга. Невозможное, быть может, не так уж невозможно.

Билл
ФОКС

ВСТРЕТИЛИСЬ НА МОСТУ

В Сан-Франциско делегаты конференции Объединенных Наций на своем первом заседании занялись обсуждением проблемы сохранения всеобщего мира после войны.

В Леквице в 11.30 утра американский лейтенант и члены его патрульной группы увидели русского солдата, въехавшего верхом во двор сельского дома.

В 16.00 в Торгау другой американский лейтенант, висевший на балке разрушенного моста, по которой он перебирался через Эльбу, с криком ликования хлопнул по колену пробиравшегося ему навстречу таким же рискованным способом другого русского солдата.

В Кланшвице в 16.45 американский майор и подчиненные ему патрульные высыпали из своих «джипов» и не в силах подавить свои эмоции бросились навстречу отряду русских кавалеристов.

Это было 25 апреля 1945 года. Описанные выше события произошли: первое — в Соединенных Штатах, остальные — в центре Европы, в Германии. В одном из них участвовали государственные деятели, собравшиеся для того, чтобы наметить пути мирного сосуществования. В других — солдаты, мечтавшие поскорее окончить войну. Встречи, произошедшие в трех пунктах у Эльбы, были первыми между американской и русской армиями, между

Уильям (Билл) Фокс — военный историк, во время войны был офицером информационно-исторической службы 5-го корпуса 1-й американской армии. После войны работал корреспондентом ЮПИ и «Лос-Анджелес тайме». По роковому стечению обстоятельств скончался в День Эльбы 25 апреля 1986 года.

западными и восточными фронтами второй мировой войны. Соединившись, русские и американские войска разрезали нацистские армии пополам, и это способствовало скорейшему окончанию войны.

Историческая встреча произошла между частями прославленных армий. С американской стороны в ней принимал участие 273-й пехотный полк 69-й пехотной дивизии, с русской — 173-й и 175-й стрелковые полки 58-й гвардейской дивизии. 69-я дивизия входила в состав 5-го корпуса под командованием генерал-майора Кларенса Хюбнера, который, в свою очередь, был частью 1-й армии генерала Кортни Ходжеса. Эти соединения входили в состав 12-й группы армий под командованием генерала армии Омара Бредли. 58-я гвардейская дивизия входила в состав 34-го корпуса под командованием генерал-майора Г. Бакланова; корпус, в свою очередь, входил в состав 5-й гвардейской армии, которой командовал генерал-лейтенант А. Жадов. А все они входили в 1-й Украинский фронт, которым командовал маршал И. Конев. Названные выше американские части и соединения первыми высадились в Западной Европе; русские войска прошли с боями от Сталинграда до Эльбы.

Холодным туманным утром 25 апреля два боевых моторизованных патруля двинулись от линии расположения американской армии в Требзене на реке Мульде на восток. Третий патруль, высланный накануне поздно вечером, направился к востоку от Кюрена. Четвертый, самовольный патруль врзался в позиции врага, захватил пленных и вернулся назад. Все четыре патруля были из 273-го пехотного полка 69-й пехотной дивизии. Всем патрулям был дан приказ не углубляться на расстояние свыше 5 миль к востоку от Мульде. Несмотря на приказ, три патруля добрались до Эльбы и встретились с русской армией. Четвертый патруль повернул назад.

В дни, предшествовавшие первым встречам двух мощных армий, было много слухов, неофициальных сообщений, словом, волнение нарастало. Немецкие войска были разбиты и Красной Армией, и армиями ее союзников, и их соединение в какой-то точке фронта было в те дни неизбежным. Американские солдаты на передовой не знали, что войскам Красной Армии был дан приказ остановиться у Эльбы. Американцам же было приказано остановиться у Мульде. Ближе всего друг к другу оказа-

лись 1-я американская армия и 5-я советская, вышедшие к указанным рекам 21 апреля. Заняв намеченные рубежи, войска ожидали встречи с подразделениями, находившимися на противоположной стороне.

Волнение на американском фронте возрастало, и поэтому каждый бугор принимали за «русский танк», а каждый незнакомый голос по радио — за попытку русских установить связь с американцами. В начале третьей недели апреля из некоторых частей 9-й армии США стали поступать сообщения об установлении радиоконтакта с русской армией. 23 апреля сержант штаба 6-й моторизованной дивизии якобы вышел на радиосвязь с русскими. В тот же день первый батальон 273-го пехотного полка сообщил о появлении русского танка с оговоренным сторонами опознавательным знаком — белой полосой на корпусе. Но когда пригляделись, «танк» оказался просто каким-то бугром с протянутыми вдоль склона веревками для белья. Подобные сообщения то и дело поступали с различных участков фронта. Некоторые подразделения, например моторизованная разведгруппа 104-й пехотной дивизии, посылали людей за пределы своей зоны в надежде первыми встретиться с русскими.

К полудню 24 апреля контакт все еще не был установлен. Вся армия буквально ожидала его. После полудня командир 273-го пехотного полка полковник Ч. Адамс выслал вперед патруль под командованием старшего лейтенанта Альберта Котцебу. Котцебу был командиром 3-го взвода роты «G»*. Ему было приказано «вступить в контакт с русскими» в пределах 5-мильной зоны, установленной высшим командованием. Котцебу произвел разведку в оговоренной зоне, добрался почти до Далена и, не обнаружив русских, вернулся в Кюрен. Там он остался на ночь, так как приказ вернуться в полк поступил лишь поздно вечером.

Той же ночью на полковом КП в Требзене полковник Адамс проинструктировал командиров еще двух патрулей, которые должны были отправиться на следующий день с тем же заданием. Как и первый патруль, они получили инструкции встретить русских, не выходя за пределы 5-мильной зоны. Пришлось им полушутя, полусерьезно вступить в заговор — возьмем да, несмотря ни

* В американской армии используется алфавитный порядок нумерации рот.

на какие ограничения, будем искать русских, пока не встретим. От Котцебу по-прежнему не было никаких известий.

На рассвете 25 апреля разведвзвод пересек по шатковому мосту через Мульде в районе Требзена. Взводом командовал старший лейтенант Эдвард Гамнерг. Его сопровождали начальник оперативного отдела штаба полка майор Джеймс Сайкс, его заместитель капитан Фэе Лонг и присланный из 5-го корпуса капитан Ганс Трефус, офицер отдела по допросу военнопленных. За этой группой следовал патруль, составленный из солдат рот «У» и «Н» под командованием лейтенанта Томаса Ховарда из роты «У». Этот патруль сопровождали заместитель начальника штаба полка майор Фред Крейг (старший по званию офицер группы), помощник начальника разведотдела полка капитан Джордж Мори и капитан Уильям Фокс, специалист по военной истории 1-й армии. Группы поделили между собой зону, расположенную к востоку от реки. Разведвзвод направился в северный сектор, а группа Крейга — в южный. От Котцебу все еще не было никаких известий.

Утро 25 апреля выдалось холодным. В поиске русских патрули продолжали обследовать свои зоны, а заодно брали в плен отчаявшихся немецких солдат, освобождали пленных из состава союзных армий и принимали капитуляцию вражеских городов. Из их сообщений следовало, что русские то в Тёрпине, то в Горневике, то в Ошаце, то в Штреле, а то и просто «очень близко». Достигнув границ установленной зоны, патрули стали запрашивать разрешения двигаться дальше. С каждым разом их просьбы звучали все настойчивее. И каждый раз, чувствуя, что возбуждение в патрулях нарастает, полковник Адаме давал приказ остановиться.

Наступил полдень. Час дня. Два часа. Три часа. День медленно полз к вечеру. Разведвзвод, где люди были посдержаннее и поконсервативнее, остался в пределах своей зоны в районе Фраувальде. Патруль Крейга находился к западу от Дойч-Лушты. Обоим патрулям было приказано возвращаться. Разведвзвод тут же двинулся обратно. Котцебу по-прежнему молчал...

И вдруг — потрясающее сообщение: «Задание выполнено. Договариваемся о встрече между командирами. Координаты 870170. Потерь нет». Котцебу отправил его

в 13.30. На полковом КП его получили в 15.15. Сообщение сопровождалось пояснением, что лейтенанту не удалось установить прямой связи со своим полком и он послал сообщение в тыл, откуда оно было передано по назначению.

Итак, дело сделано. За день до этого из 5-го корпуса был прислан запрос на информацию, которую надо было собрать, и инструкции, которые должен был выполнить вступающий в контакт с русскими патруль. Одним из пунктов инструкций предусматривались переговоры об организации встречи командования.

В сообщении Котцебу ничего конкретного сказано не было, но полковник Адамс понял, что именно произошло и насколько это важно. Он тут же соединился с командиром дивизии генерал-майором Эмилем Рейнхардтом и начальником штаба полковником Чарльзом Линчем и сообщил им новость. Генерал разъярился, как бешеный бык,—ведь получалось, что его приказа ослушались. Он отдал распоряжение Адамсу проверить достоверность информации, так как не хотел подвергать себя опасности из-за очередного неточного сообщения. Затем он позволил командующему корпусом генералу Кларенсу Хюбнеру. Тот, в свою очередь, поставил в известность о случившемся командующего армией генерала Кортни Ходжеса. (Сообщение было, несомненно, передано дальше, в Белый дом, Кремль и на Даунинг-стрит.) Вскоре обратно по той же цепочке пришел приказ повременить с оповещением, определенно о встрече командования пока не договариваться и сообщение об установленном контакте перепроверить.

Тем временем КП полка наводнили корреспонденты и фотографы, подогрев и без того суматошную атмосферу штаба. Командир полка был втайне уверен, что встреча произошла. Но имевшейся информации было недостаточно для составления целостной картины. Ведь могло быть, что патруль, чудом проскочив сквозь расположение немцев, оказался отрезанным от своих.

Через час от Котцебу поступило еще одно сообщение. Из него явствовало, что переговоры с русскими продолжаются. Оставалось непонятным, однако, свободен ли от немцев участок между фронтами и с кем именно вступил в контакт Котцебу. Все, что он передал, было: «Условия встречи до конца не обговорены. Выйду на связь позже».

С точки зрения Котцебу, дело было ясное. Въехав в Леквиц в 11.30, его патруль обнаружил во дворе одной из ферм, как уже было сказано выше, русского кавалериста*, окруженного толпой так называемых перемещенных лиц**, работавших здесь батраками. Кавалерист был неразговорчив, но Котцебу все же удалось выспросить у него, где располагается штаб его части. Из Леквица лейтенант направился к Эльбе, минуя Штрелу, которую Котцебу на своей карте спутал с Гробой. Он подъехал к западному берегу Эльбы в 12.05 и в 12.30 переправился на другую сторону, чтобы установить контакт между двумя армиями. Если первая встреча с всадником была ничем не примечательна, то последующие встречи с русскими были чрезвычайно сердечными. Котцебу хотелось, чтобы в полку знали о ходе событий. Но в радиосообщениях он воздержался от подробностей встречи с русскими.

После того как Котцебу встретился и поговорил с несколькими солдатами и офицером, его отвезли к расположенному севернее парому и переправили на восточный берег Эльбы. Прежде чем снова переправиться через реку у поселка Крайниц, Котцебу отправил полковнику Адамсу срочное сообщение. Как потом оказалось, указанные в нем координаты были неверны. В Крайнице Котцебу встретился с командиром 58-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майором Владимиром Русаковым.

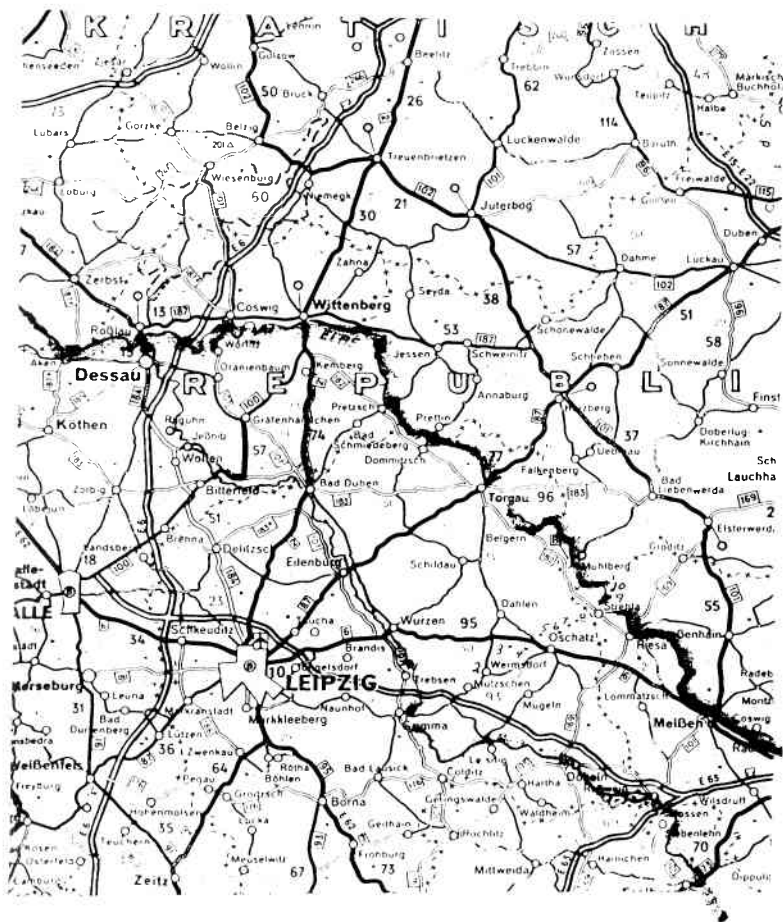
Пока Котцебу со своим патрулем был на русском берегу и праздновал встречу, полковник Адамс прилагал все усилия, чтобы добиться хотя бы предварительной договоренности о встрече с русским командованием. «Договариваясь о встрече для «Трайхарда 6»*** (полковник Адамс.—Прим. авт.), выберите пункт восточнее не далее чем 670162»,—передал по радио полковник. Эти координаты соответствовали городу Калбитцу, расположенному на полпути к русским. Штаб полка счел, что предложенное место встречи будет приемлемо для русских.

Время тянулось медленно. С места встречи не поступало никаких конкретных сообщений. И в полку, и в

* Это был рядовой Айткалия Алибсков из Казахстана. (Прим. американского редактора.)

** Речь идет о людях из разных стран Европы, угнанных на работу в Германию.

*** Коды американских офицеров и генералов.

1. Trebsen	3. Deutsch-Luppa	5. Terpitz	7. Leckwitz	9. Ströbla
2. Vermsdorf	4. Calbitz	6. Clapzschwitz	8. Zausswitz	10. Krelnitz

Американская карта военных действий в районе Эльбы.

штабе дивизии жили тревожным ожиданием. В конце концов генерал Рейнхардт решил испробовать другой способ получения более точной информации. Он приказал начальнику штаба дивизии попридержать Адамса. В результате в 17.30 Адамс отправил своему патрулю следующие инструкции: «Временно воздержитесь от определенных договоренностей о встрече. Не сообщайте — повторяю — не сообщайте по радио, а только через курьера состав и другие данные для опознания русской части, время и место встречи, тип связи, которым пользуется русская часть для контакта с вышестоящим командованием. Поддерживайте со мной связь и сообщайте о каждом вашем шаге».

Позже, примерно через десять минут после того, как был отдан приказ «отсрочить встречу», поступило сообщение от патруля майора Крейга: «Вступили в контакт с Котцебу. Он установил связь с русскими».

Ситуация осложнилась. Теперь имелись два сообщения о встрече. Оба не содержали ничего конкретного. В полку не могли взять в толк, с кем встретился второй патруль.

Генерал Рейнхардт, желая узнать, что происходит, решил послать к месту контакта своего представителя — одного из старших офицеров. По предложению генерала Хюбнера он отправил самолетами связи к указанному Котцебу месту встречи подполковника Ричарда Конрана из оперативного отдела и переводчика. Однако координаты оказались неверными. Самолеты связи долетели до Ризы, покружили над ней, не обнаружили никаких признаков того, что их встречают; они были обстреляны небольшой зенитной батареей и вернулись обратно в дивизию. Это вызвало еще большее замешательство и недоумение. Время шло медленно.

С Крейгом произошла несколько иная история. Его патруль забрался «чуть-чуть дальше», чем было приказано. В Кляшвине он наткнулся на два «джипа» из патруля Котцебу и узнал, что несколько часов назад Котцебу встретился с русскими, которые располагались совсем недалеко, на восточном берегу Эльбы. Крейг тут же отдал приказ двигаться вперед и присоединиться к Котцебу. Когда их «джипы» были уже на выезде из города, они увидели за деревьями колонну всадников, направляющуюся к городу с востока по параллельной

дороге. Неожиданно колонна остановилась. Всадники повернули и поскакали к американцам. У тех просто челюсти отвисли: русские! Произошло это в 16.45, но встреча была короткой. Русские двинулись дальше, выполняя приказ добраться до Дрездена.

Американцы же помчались в Штрелу. Никого там не найдя, они повернули к северу и переправились на восточный берег Эльбы у Крайница, где предстали перед генералом Русаковым. Быстро выяснилось, что перед генералом не представители командования, прибытия которых он ожидал после встречи с Котцебу, а еще один патруль. Русаков и этим американцам устроил торжественный прием. Все это происходило в расположении 175-го стрелкового полка. Этим полком командовал подполковник Александр Гордеев — кавалер многих орденов, один из лучших офицеров дивизии Русакова.

Пока ничего другого не оставалось, как отдыхать, произносить тосты и ждать. В 18.05 из полка поступило сообщение, в котором говорилось, что два самолета связи с офицером оперативного отдела штаба дивизии на борту находятся в полете.

Прошел час, а американцы, собиравшиеся присоединиться к Котцебу и Крейгу в Крайнице, так и не появились. Майор Крейг оказался старшим по званию среди американцев в Крайнице и принял на себя руководство переговорами о встрече. Ему надо было знать, примет ли полковник Адамс участие во встрече с русским генералом. В 20.00 запросы майора были получены на КП, где царил глубокое замешательство, после того как посланные самолеты связи возвратились ни с чем, а генерал Рейнхардт отдал приказ полковнику Адамсу лично отправиться в путь, чтобы самому попытаться встретиться с русскими. Там до сих пор не знали, обговорены ли окончательные условия встречи и возможно ли беспрепятственно добраться до места уже установившегося контакта.

В 20.04 полковник Адамс передал Крейгу, что он отправится в путь, как только будет достигнута окончательная договоренность о встрече. Сгорбившись, он сидел в своем кресле в углу комнаты. Все по-прежнему было неясно. Два высланных патруля, как им было приказано, встретились с русскими, однако за пределами той зоны, где они должны были оставаться. Командир дивизи-

зии негодовал, но стремился закрепить установленные с русскими контакты. А полковник не знал, как это конкретно сделать. В глубине души он был уверен, что долгожданная встреча двух армий произошла.

На КП полка царил хаос, только в помещении развед- и оперотделов было относительно спокойно. Комната была залита светом люстры. Полковник Адамс внимательно смотрел на большие карты фронта, висевшие на противоположной стене. Незадолго до этого он удалил из комнаты корреспондентов и фотографов, которые превратили КП в сумасшедший дом. Адамс перевел взгляд на писарей, сидевших за столами в отгороженной части комнаты, потом на толстый ковер под ногами.

Зазвонил телефон.

Это был майор Виктор Конли, командир 1-го батальона. Что? Что он говорит? Боже мой! У Конли на командном пункте четверо русских, и он хочет знать, что с ними делать. Откуда они взялись? Кто привел их? Как? Робертсон? Лейтенант Уильям Робертсон ходил за пленными, а привел русских? Адамс приказал доставить их в штаб полка. Повесив трубку, он сообщил об услышанном присутствующим. Новость не замедлила распространиться, и скоро весь КП был охвачен волнением.

На батальонном командном пункте в Вурцене майор Конли, оправившись от изумления, в которое привело его появление русских на «джипе» Робертсона, быстро собрал всех у себя. Произнесли несколько тостов за встречу и поехали в штаб полка в Требзен. В 20.50 они уже мчались по дороге, ведущей к восточному берегу Мульде. В Требзене они переехали через старый мост и попали на КП.

Наконец все стало ясно. Контакт был установлен не только в южной части зоны патрулями Котцебу и Крейга, но и в северной ее части, около Торгау, патрулем Робертсона. Через несколько минут после прибытия Робертсона полковник Адамс сообщил по телефону начальнику штаба дивизии первые подробности. Значительность события определила атмосферу на КП. Ее чувствуешь, когда читаешь полковой журнал, куда стенографист просто, без прикрас, записывал, что говорилось вокруг. Вот, например, отрывок телефонного разговора между полковником Адамсом и начальником штаба дивизии полковником Линчем: «Передайте генералу. У ме-

ня находится русский офицер в чине, соответствующем нашему майору. Его привез майор Конли. Я запретил сюда входить всем, кроме ближайших сотрудников. Через переводчика пытаюсь получить затребованную корпусом информацию. Русский предлагает провести встречу командующих обеих армий завтра в 10.00 в Торгау. Детали сообщу позже».

Далее в журнале следовало: «Лейтенант Робертсон встретился с ними неподалеку от моста. Они шли из расположения русских в Торгау на Эльбе. Единственный контакт, известный «Ред-6» (майор Конли), имел место во второй половине дня. Отдельный патруль батальона (1-й батальон 273-го пехотного полка.— Прим. авт.) сопровождал немцев в лагерь военнопленных. Координаты 6441. К С-В от Торгау. Там был один из «джипов». Также русский капитан и лейтенант. Патруль из подразделения майора Конли. Этот патруль никто не высылал. Разведрота направилась на восток за пленными, но ее обстреляли в городе. Пленные сообщили, что русские находятся на том берегу. Намерений встречаться с русскими не было. Узнали обо всем, когда лейтенант вернулся с русским офицером. Что-то произошло — не смог отличить 5 миль от 25. «Трейсер-6» (генерал Рейнхардт) хочет знать, как это произошло. Было приказано не удаляться более чем на 5 миль. Хочет знать, почему он оказался так далеко».

Наконец известили командира дивизии Рейнхардта. Он взорвался. Сначала хотел всех виновных отдать под трибунал — его приказ был нарушен. Доложив о случившемся командиру корпуса генералу Хюбнеру, Рейнхардт сам получил от него взбучку. Всем был отдан один и тот же приказ: не забираться далее 5 миль к востоку от Мильде. Но было уже поздно.

Что было дальше? На этот счет в журнале есть кое-какие сведения — отрывок из разговора полковника Адамса с начальником штаба Линчем. Из него следует, что встреча произошла в Торгау в 16.40. 173-я рота (описка, имелся в виду 173-й стрелковый полк.— Прим. авт.) входит в состав 58-й гвардейской дивизии. Командир — генерал-майор Русаков — настаивает на встрече завтра в 10.00 в Торгау. «Трайхард-6» (полковник Адамс) согласен.

Но прежде чем санкционировать какие-либо опреде-

ленные шаги, генерал Рейнхардт решил сам выяснить все детали. Он отдал, судя по журналу, приказ: доставить русского майора на дивизионный КП, чтобы лично, вместе с офицером разведки, во всем разобраться.

На полковом КП в Требзене возбуждение достигло предела. Информация поступала отрывочно и хаотично. На Эльбе два патруля все еще пахотились в расположении русских, не понимая, что происходит в полку. Они выслали в полк два донесения, а сами решили оставаться на месте до приезда полковника Адамса. Они также знали, что на обратном пути в расположение полка отряды не встретят никакого сопротивления.

Далее в журнале сообщается: «Капитан Мори и лейтенант Котцебу вступили в контакт с русскими. Им приказано поддерживать связь с передовым подразделением... Патрули лейтенанта Котцебу и капитана Мори находятся на Эльбе или по крайней мере там находились. Эти патрули первыми встретили русских».

Так представлялась ситуация в штабе полка ночью 25 апреля перед отъездом полковника Адамса с русскими в дивизионный КП в Наунхофе. Точно известно, что первым установил контакт Котцебу. Дополнительной информации было крайне мало, и поступала она редко. Все были на взводе. Все внимание сконцентрировалось на четырех русских. Попытались официальным или неофициальным путем выяснить ситуацию. Конечно, были и другие контакты с русскими. Но эти были зримыми и явными. В результате остальные патрули оказались в суматохе забыты, и благодаря жадным до информации корреспондентам ошибочная версия первой встречи с русскими распространилась по всему миру. Когда поступило следующее сообщение от Крейга и Мори, оно уже не вызвало ни у кого сомнения: «Встретились с генералом и вышли за наши армии».

В сообщении также говорилось, что генерал Русаков хочет встретиться в расположении русских к востоку от Эльбы, у паромной переправы. Крейг и Мори сообщили, что останутся на месте, пока высланные ими проводники не вернутся с официальными представителями командования.

И снова, из-за царившего ажиотажа и драматичности происходящего, этим сообщениям никто не придал значения. Необходимо было как можно быстрее доставить

русских в штаб дивизии, поскольку они заявили, что участвуют в боевой операции и хотят немедленно вернуться в свое подразделение.

Примерно в 21.00 25 апреля под официальный запрет на распространение информации о встрече попали и присутствующие представители прессы. По предварительной договоренности между союзниками официальное сообщение о встрече должно было исходить из столиц США, СССР и Великобритании.

После приема и многочисленных тостов на полковом КП вся компания в сопровождении множества корреспондентов шумной процессией отправилась в штаб дивизии с целью доложить о событиях, картина которых теперь начала складываться в единое целое. Было около 22.30. Дорога на КП дивизии не заняла много времени.

В Наунхофе русских представили генералу Рейнхардту. Командир дивизии услышал то же, что ему сообщали раньше. Робертсон, молодой человек небольшого роста с густой щетиной на лице, усталый, но спокойный, вновь в деталях изложил свою историю. Он поехал брать пленных, а оказалось, ехал за славой, хотя и не был первым, кто вступил в контакт с русскими. В его задачу входило собрать военнопленных и очистить сектор от перемещенных лиц. Его патруль, состоявший из четырех человек, двигался по дороге из Вурцена в Торгау. Вскоре немцы перестали попадаться, но патруль решил двигаться дальше. Наконец они доехали до города. Постояв в нерешительности на берегу Эльбы, Робертсон вытащил самодельный американский флаг и начал махать им русским, находившимся на восточном берегу. Потом он влез на разрушенный мост около замка. С другой стороны ему навстречу стал пробираться по мосту русский солдат. Они встретились на расстоянии примерно ста футов от восточного берега Эльбы. Вот и вся история.

Генерал Рейнхардт поначалу был явно недоволен тем, что его приказом пренебрегли. К концу рассказа он успокоился и даже почувствовал прилив гордости от того, что его дивизия первой встретилась с русскими.

Тосты следовали один за другим. За столом царил дух доброй воли. Однако русские настояли на том, чтобы их отправили обратно в часть. Они предложили полковнику

поехать с ними, чтобы завтра в 10.00 он мог быть на месте встречи в Торгау.

Около часу ночи все вернулись в штаб полка, в Требзен. Поскольку русские торопились, все тотчас же отправились дальше, в Торгау. Полковник Адамс, помня о двух патрулях в Крайнице, перед выездом передал инструкции Крейгу и Котцебу. Это было в 2.25 ночи. Указание было следующим: «Отложите принятие решения о встрече до особого приказа».

Информации о произошедшем с Котцебу и Крейгом не было никакой. Патрули отправились к реке устраиваться на ночь в надежде, что утром наконец им будет чем заняться.

Центр событий переместился в Торгау, куда группа полковника Адамса прибыла около 5.30 утра 26 апреля. Русские переправили их в двух больших гоночных лодках-восьмерках. На восточном берегу группу встретили русские солдаты и офицеры 173-го полка. Гостей принимали в спартанской обстановке. Все напоминало о том, что лишь день назад здесь проходила линия фронта. Американцам очень трудно было отделаться от ощущения того, что опасность очень близка.

За дружескими тостами время пробежало быстро. Немногим позже назначенного срока — в 10 часов утра — на дороге, идущей вдоль восточного берега Эльбы, состоялась официальная встреча между полковником Адамсом и майором Ефимом Роговым, командиром 173-го стрелкового полка. Это была спокойная дружеская встреча полковых командиров, сознававших, что этот акт символизирует скорое окончание войны в Европе.

После того как толпы фотографов и корреспондентов были полностью удовлетворены, Адамс и Рогов вернулись к столу. Праздник продолжался до полудня, когда настало время Адамсу отправиться в Требзен к генералу Рейнхардту, которому предстояло встретиться с командиром русской дивизии в 16.00. Полковник оставил нескольких подчиненных в Торгау для участия в приготовлениях к встрече генерала Рейнхардта.

В полку генерал получил подробный отчет о ходе подготовки к его встрече с русским генералом. Пробыв там некоторое время, Рейнхардт отправился в Торгау

через Эйленбург. Добравшись до Эльбы без происшествий, он и его группа в тех же самых лодках переправились на противоположный берег. Там их встречали русские офицеры штаба. После небольшой задержки, вызванной несогласованностью в определении времени прибытия, генерала Рейнхардта принял генерал-майор Русаков. Обменявшись приветствиями, генералы со своими подчиненными проследовали в дом, где ранее праздновали встречу полковник Адамс и майор Рогов. Все повторилось снова. Так же вились вокруг фотоаппараты и корреспонденты, непрерывно щелкали затворы фотоаппаратов. После двухчасовой теплой встречи командир 69-й дивизии отбыл в Наунхоф.

Все это время солдаты патрулей Котцебу и Крейга продолжали сидеть по обе стороны Эльбы в районе Крайница. Они до сих пор ничего не знали о событиях в полку и в Торгау. На запросы, собирается ли кто-либо приехать к ним, ответа не получали. Усталые и разочарованные, они сидели и ждали. Наконец около 17.00 к ним прибыл патруль под командованием заместителя командира полка подполковника Джорджа Найта, который привез сообщение о встрече с русскими.

После долгого напряжения наступил спад. В тот вечер в Требзене все занимались тем, что пытались восстановить в памяти все, что произошло за последние два дня. Точная картина ночи еще не вырисовывалась, однако цепь событий уже приобретала какую-то логическую последовательность. На следующий день, 27 апреля, все жили радостным ожиданием официального сообщения о встрече. Наконец стало известно, что оно будет передано по радио в 18.00. Из Вашингтона, Лондона и Москвы президент Гарри Трумэн, премьер-министр Уинстон Черчилль и маршал Иосиф Сталин одновременно известят мир о происшедшем событии.

Встреча на Эльбе стала историей. Встреча между высшим командованием была еще впереди. Но главное уже произошло. Две недели спустя вторая мировая война в Европе окончилась безоговорочной капитуляцией Германии.

МЫ ПОЖАЛИ РУКИ ДРУГ ДРУГУ

24 апреля 1945 года около четырех часов дня мне позвонил командир роты «G» капитан Джордж Кэпл. Я получил распоряжение взять семь «джипов» и с 27 солдатами немедленно выехать в район к востоку от реки Мульде. Мы прибыли в Требзен в штаб батальона, где заместитель начальника штаба майор Фред Крейг сообщил, что нам поручено вступить в контакт с русскими. Поскольку американским войскам, вышедшим к Мульде, было приказано не выходить за пределы 5-мильной зоны к востоку от нее, мне в поисках русских предписывалось патрулировать район до города Кюрена. В случае встречи с русскими мы должны были договориться о скорейшей встрече между русским командиром и полковником Чарльзом Адамсом, командиром 273-го пехотного полка.

Выехав из Требзена около 16.30, мы направились на север по направлению к Кюрену. В районе Буркартсхайна разоружили 75 совершенно деморализованных немецких солдат и отправили их в Требзен. Кроме того, мы обнаружили госпиталь для американских, английских, польских, французских и других военнопленных союзных стран. Ранения у них были слишком серьезные, чтобы отправлять их в тыл. Когда они увидели нас, радости их не было предела. Одни смеялись, другие плакали, но радовались все — наконец-то они свободны.

Из Буркартсхайна мы выехали в 17.30 и направились в Кюрен. Несмотря на то что в городе было полно немецких солдат, мы въехали в него без единого выстрела. Никто не оказал сопротивления. Мы сосредоточили в одном месте 350 солдат и большое число раненых, которых обнаруживали почти в каждом доме.

Обо всем мы сообщили по радио в полк. Вскоре из штаба пришел приказ начать патрулирование в радиусе

Альберт (Бак) Котцебу после войны продолжил военную карьеру, служил в Корее и Вьетнаме. Ушел в отставку в 1967 году в чине подполковника. Скончался в Монтерейе, штат Калифорния, 19 марта 1987 года.

пяти миль от Кюрена в целях обнаружения немецких солдат и поиска русских. Я взял два «джипа» и, оставив основную часть патруля в городе для охраны немецких военнопленных, поехал в направлении Дойч-Луппы. По дороге нам встретилась ферма, а на ней 15 британских военнопленных. Они сообщили, что в районе между американским и русским фронтами немцы прекратили всякое сопротивление. Говорили, что русские вроде бы в Ошаце или в Штреле, на западном берегу Эльбы.

При въезде в Дойч-Луппу мы встретили немца в штатском на мотоцикле. Стараясь снискать наше расположение, он сообщил, что какой-то немецкий офицер на машине пытается сбежать. Мы повернули на север, увидели вдали уходящую машину и прибавили газу. Мы мчались на бешеной скорости и палили из автоматов. Немец проскочил через заграждение у железнодорожного переезда. Чтобы не нарваться на засаду, я приказал сбавить скорость. Это позволило немцу скрыться, а мы в итоге не смогли к ночи добраться до Требзена.

Назад мы ехали очень быстро и уже в 21.00 были в Кюрене. К тому времени из полка поступили две радиogramмы с приказом вернуться в Требзен до заката. Но, поскольку мы получили приказ уже после захода солнца, я решил, что нам лучше заночевать в Кюрене. Патруль расположился с трех домов, еще не покинутых владельцами. На следующее утро, 25 апреля, наши немецкие «хозяева» приготовили нам на завтрак яичницу с грудинкой. В 9.00 мы на пяти «джипах» двинулись на восток. Два «джипа» остались поддерживать связь с полком.

Когда холодным апрельским утром я покидал Кюрен, у меня не было приказа ехать дальше на восток. Потому я и истолковал первоначальную инструкцию «установить контакт с русскими» несколько расширительно. Так как в районе между Мульде и Эльбой немцы не оказывали никакого сопротивления и здесь ходили слухи, будто русские совсем близко, я посчитал, что мы можем спокойно двигаться дальше. Кроме того, у меня был к русским свой собственный, личный интерес. Один из моих предков, драматург Август фон Котцебу, был фаворитом русской императрицы Екатерины Великой, другой, Отто фон Котцебу, был русским мореплавателем. Он открыл пролив у северо-западного побережья Аляски, который назван его именем. Итак, мы двинулись на

север. У города Далена взяли в плен 31 немца. Некоторые из них сказали, что знают кратчайший путь к Штреле. Я приказал этим проводникам сесть на капоты «джипов», и мы направились туда. Проследовали через Лампертсвальде, пересекли несколько проселочных дорог и въехали в крошечную деревушку Леквиц. На главной ее улице (было 11.30 утра) я заметил в нескольких сотнях ярдов от нас какого-то всадника. Он скрылся во дворе одного из домов. На местного он не походил. Кто же это? Мы развернулись и подъехали к воротам. Там, среди толпы оборванных перемещенных лиц, мы увидели русского солдата на лошади. Это была самая первая встреча между армиями США и Советского Союза.

Солдат вел себя спокойно и сдержанно, не выказывая особого энтузиазма. Когда я спросил о местонахождении его командования, он махнул рукой на восток и сказал, что его КП находится дальше, на юго-востоке. Русский солдат посоветовал нам взять в проводники бывшего при нем освобожденного польского военнопленного, так как тот смог бы довести нас быстрее, чем он сам. Поляк с радостью согласился. Он устроился на капоте головного «джипа», и мы на полной скорости помчались на север по дороге от Штрелы к Эльбе. Проехав несколько сотен ярдов, заметили реку. Напрягая зрение, мы пытались рассмотреть, что происходит на противоположном берегу. Я увидел остатки понтонного моста, а на дороге, идущей параллельно берегу реки,— колонну разбитых машин. Среди обломков бродили какие-то люди.

По моему приказу остановились. Все повыскакивали из «джипов». В полевой бинокль я разглядел на том берегу людей в защитных гимнастерках. Я решил, что это русские, потому что однажды слышал, что, идя в бой, они надевают награды, а у этих солдат на гимнастерках, отражая солнечный свет, поблескивали медали. Да, это были русские. Взглянул на часы: было 12.05.

Я приказал рядовому Эду Раффу запустить две зеленые ракеты — опознавательный знак, о котором предварительно договорились наши армии. Американцы должны были стрелять зелеными ракетами, а русские — красными. Ракеты, выпущенные из ракетницы, приложенной к дулу карабина Раффа, взмыли над Эльбой.

Русские красными ракетами не ответили. Вместо этого они толпой двинулись по дороге к берегу. Поляк

закричал во все горло: «Американцы!» Русские в ответ прокричали, чтобы мы перебирались через реку.

На западном берегу понтонный мост был взорван. Сохранившаяся часть его нависала над рекой с восточного берега. Переправиться через Эльбу можно было только на лодке. Неподалеку к берегу были привязаны цепью две баржи и две парусные лодки. Отвязать их не удалось. Тогда я вставил гранату в сплетение цепей, дернул за кольцо и нырнул в укрытие. Взрывом разорвало цепи, и тогда семеро из нас прыгнули в одну из лодок. Кроме меня и рядового Раффа в группу вошли рядовой Джек Уилер, пулеметчик, рядовой Ларри Хамлин, врач Стив Ковальски (которого мы взяли с собой в качестве переводчика), рядовой Джо Половски и проводник-поляк.

Мы оттолкнули лодку от берега, и нас быстро понесло вниз по реке. Изо всех сил работали самодельными веслами. В конце концов уткнулись в просвет между двумя сохранившимися плавучими опорами моста. Мы вылезли из лодки, привязали ее к понтону и зашагали по мосту к восточному берегу. На обрывавшемся у реки восточном берегу показались трое русских. Они стали спускаться к нам. Это были старший лейтенант Григорий Голобородько, сержант Александр Ольшанский и фотокорреспондент в чине капитана. Чтобы подойти друг к другу, нам пришлось пробраться буквально сквозь завалы из трупов немецких беженцев, убитых, по-видимому, при взрыве моста или бомбардировке транспортных средств, или же неправильно скоординированным артиллерийским огнем, обрушившимся на берег.

Первым к нам подошел сержант Ольшанский. Поначалу все было очень официально. Мы отдали друг другу честь и пожали руки. Я объяснил через Ковальски, что мы — американский патруль и прибыли из Требзена для установления контакта с русской армией. Нам поручили договориться о скорейшей встрече между американским и русским командующими. Это было в 12.30. Старший лейтенант Голобородько сообщил, что командир полка подполковник Александр Гордеев уже уведомлен о нашем прибытии и выехал нас встречать.

Скованность вскоре прошла. Мы улыбались друг другу и обменивались поздравлениями. Пока мы ожидали командира полка, русский фотограф попросил нас попозировать. Приехал подполковник Гордеев. Я отдал ему

честь и сообщил, что являюсь командиром американского патруля, прибывшего для установления контакта с Красной Армией. Гордеев ответил мне, и мы пожали друг другу руки. Затем мы обменялись речами. Мы говорили о том, как мы горды тем, что являемся участниками этой встречи и сколь велико ее историческое значение для наших стран.

Потом я передал Гордееву ту же информацию, что ранее сообщил старшему лейтенанту Голобородько. Подполковник сказал, что задача русской армии — взять в клещи Дрезден. Его полк стоит на Эльбе уже несколько дней. Командование приказало им не переправляться через реку. Гордеев сказал, что он ожидал прибытия американцев, но не знал, что нам приказано не выходить за пределы 5-мильной зоны к востоку от Мульде.

Обмен формальностями был недолгим. Фотографы засняли нашу встречу. Кругом было множество мертвых тел, иногда обуглившихся. Потом подполковник Гордеев отвез меня и переводчика Джо Половски на встречу с генералом.

В деревне Лоренцкирх нас встретил русский. Поздравив нас, он передал мне указание переправиться на другой берег вместе с четырьмя русскими офицерами, которые должны были сопровождать нас на встречу с генералом милях в трех к северу. В 13.05 мы сели в ту же лодку и поплыли через Эльбу.

На западном берегу все, включая русских офицеров, погрузились в пять «джипов» и поехали на север к паромной переправе напротив Крайница. Перед тем как переправиться, я приказал взводному сержанту Фреду Джонстону вернуться в полк и сообщить о происшедшей встрече. Я послал радиосообщение следующего содержания:

«Задание выполнено. Договариваемся о встрече между командующими. Координаты 870170. Потерь нет»*.

Сообщение было послано в 13.30 и получено в 15.15. Спутав на карте Штрелу с Гробой, я передал в полк неправильные координаты. Мы въехали на одном из «джипов» на деревянный паром и начали тянуть тросы

* Сообщение, которое хотел послать Котцебу, первоначально было таким: «Перерезали подлечов пополам», однако его связист, штабной сержант Уильям Уизел, настоял на употреблении официальной военной терминологии. (Прим. американского редактора.)

между берегами. На восточном берегу собралась толпа русских. Во время переправы фотографы непрерывно снимали нас. Мы перевезли на русскую сторону три «джипа» и поехали в штаб 173-го полка в Мюльберге.

КП был расположен в большом сельском доме. Праздничный стол был накрыт еще до нашего приезда. Все были проникнуты счастливым духом Эльбы, духом товарищества, готовности к обоюдному самопожертвованию и радостью по поводу скорого окончания войны. Вскоре приехал генерал-майор Владимир Русаков. Мы провозглашали тосты за покойного президента Рузвельта, за президента Трумэна, за премьер-министра Черчилля, за маршала Сталина и за вечную дружбу между нами.

Когда празднество завершилось, я посадил свой па-груль в «джины», и мы отправились к переправе. Это был первый этап нашего возвращения в Требзен. У парома мы увидели, что прибыло еще несколько «джипов». Сперва я подумал, что это мой связной вернулся с оставшимися. Но в доме, где расположился русский батальонный КП, я встретил майора Крейга, капитана Мори, лейтенанта Ховарда и капитана Фокса. Поскольку полковник Адамс приказал по радио не предпринимать никаких действий без дальнейших указаний, мы остались на месте. Мы не знали, что севернее, в Торгау, уже произошла вторая встреча.

Джо ПОЛОВСКИ

ПОКЛЯЛИСЬ ПОМНИТЬ ВЕЧНО

Я был рядовым 3-го взвода роты «G» 273-го пехотного полка 69-й дивизии 1-й армии. Мы повидали нема-

В 1947 году Джозеф Половски оставил занятия по курсу ботаники в Чикагском университете для того, чтобы начать «крестовый поход» против «холодной войны», организовав небольшую Ассоциацию американских ветеранов встречи на Эльбе. Миллионы людей в США и СССР знают Половски, чикагского таксиста, сохранившего верность Клятве на Эльбе и призывавшего других присоединить свой голос к торжественному обещанию сделать все возможное для предотвращения новой мировой войны.

ло сражений, прежде чем выйти на спокойный участок фронта у притока Эльбы — реки Мульде. Город назывался Требзен и находился в 20 милях от Эльбы.

24 апреля 1945 года меня вызвали в штаб роты, где рассматривались документы немцев как неблагонадежных, бывших нацистов, так и тех, кто предлагал свою кандидатуру на какую-нибудь официальную должность. Я был единственным человеком в роте, владевшим немецким языком.

Позвонили из штаба батальона. Приказали сформировать патруль — семь «джипов», 28 человек — и выехать за линию расположения армии миль на пять и посмотреть, нет ли каких-либо признаков появления русских. По всей видимости, они должны были находиться где-то в 20—30 милях к востоку от нас. Вообще-то не предполагалось, что мы их встретим. А если встретим и произойдет какое-нибудь недоразумение, выпутываться должны будем сами. Детальными планами встречи с русскими занимаются в штабе Эйзенхауэра. Мы же — обычный патруль. Выехать за пределы пяти миль можем только под личную ответственность. И если что пойдет не так, вместо славы героев получим военно-полевой трибунал.

Начальство опасалось, что если наши армии встретятся на полном ходу, сналету, то возможны столкновения. Если две армии, пусть и дружественные, стремительно двигаются навстречу друг другу, многие парни могут быть покалечены.

Поэтому Эйзенхауэр и Жуков решили, что армии остановятся на расстоянии 25 километров друг от друга. Вот и встали мы — на Мульде, а они — на Эльбе.

По единодушному мнению, лейтенант Котцебу был лучшим командиром взвода в нашей роте. Он был хладнокровен, молод — лет двадцати пяти. Котцебу быстро собрал «джипы» и людей. Поскольку я говорил по-немецки, он взял меня с собой в головной «джип». Перед выездом нас предупредили, что в этом районе некоторые взводы других рот попали под сильный огонь немцев.

Мы были в 70 милях к югу от Берлина. Севернее нас шла битва за Берлин. Все немецкие солдаты были призваны оборонять столицу. Однако по пути нам попадалось огромное количество — целые потоки — дезертиров; некоторые были переодеты в женское платье. Все дороги

были забиты беженцами. В основном это были женщины, дети и старики.

Мы двигались медленно. Выехав около полудня, прошли всего семь миль и застряли в маленьком городке Кюрэн. Весь вечер Котцебу тщательно изучал карты. Мы опросили каждого, кто имел хоть какое-нибудь представление о местонахождении русских.

К этому времени мы проехали только треть пути. На рассвете Котцебу принял решение двигаться дальше. Решение вызвало всеобщее ликование. Мы попрыгали в «джипы» и тронулись в путь. Неизвестно, что ждало нас впереди. К полудню на дороге опять стали попадаться бесконечные потоки освобожденных из концлагерей гражданских лиц, угнанных в Германию, батраков, а также военнопленных, бывших солдат союзных армий. А еще — вы не поверите — у Эльбы нам встретились целые моря густой сирени. После многих дней в окопах это воспринималось как торжество жизни над смертью.

Мы шутили, что на пути в Ханаан подошли к берегам Иордана. К радости примешивалась печаль — нам сообщили, что две недели назад скончался президент Рузвельт. Мы знали также, что сегодня, 25 апреля, в Сан-Франциско рождается Организация Объединенных Наций. Представляете, в тот самый день, когда произошла наша встреча с русскими на Эльбе!

Это было невероятное чувство. Эльба появилась перед нашими глазами около 11.30 утра — быстрая река около 175 ярдов в ширину. Котцебу выпустил две зеленые ракеты. Минут через десять наши крики — дул западный ветер — услышали на противоположном берегу. Русские начали махать нам, приглашая перебраться к их позициям. Но как переправиться через реку? Мостов не осталось — одни, отступая, взорвали немцы, другие уничтожили бомбардировщики союзников и русская артиллерия.

Мы находились в Штреле, примерно в 16 милях от Торнау. На русском берегу Эльбы виднелись остатки стального моста, выступающие над рекой ярдов на пятьдесят. На «нашей» стороне — прикованные цепью к берегу баржа и две лодки. Котцебу гранатой взорвал цепь. Шестеро из нас сели в лодку. В руках самодельные весла. С огромным трудом удалось догresti к фермам моста, торчащим вблизи противоположного берега. Выбравшись на берег, мы увидели идущих к нам трех русских солдат.

На 50 ярдов по обе стороны от нас земля была сплошь устлана мертвыми телами — женщин, стариков, детей. Я до сих пор помню мертвую девочку лет пяти-шести: одной рукой она прижимала куклу, а другой держалась за руку матери. Трупы лежали на берегу, как дрова.

Как это произошло? Кто знает? Мост взорвали по крайней мере три дня назад. Причиной же гибели беженцев мог быть немецкий огонь, а может быть, бомба союзников. Возможно, что русская артиллерия обстреляла этот участок с расстояния нескольких миль. Место было низменное, и его трудно было разглядеть издалека. Вероятнее всего, это была случайность. Такое часто бывало на войне.

Тела погибших мешали русским подойти к нам. Мы рвались друг к другу, возбужденные, радостные, и вдруг — мертвые тела. Котцебу, человек религиозный, был потрясен этой сценой. Он не знал русского, а русские не знали английского. Котцебу сказал мне: «Джо, давай договоримся с русскими — пусть этот день станет важным днем в жизни наших стран, днем памяти о всех невинно погибших. Скажи им это по-немецки».

Общались мы по-немецки. Я переводил Котцебу на английский, а один из русских, знавший немецкий, переводил остальным на русский. В тот исторический момент встречи представителей двух народов простые американские и русские солдаты торжественно поклялись сделать все, чтобы ужасы войны никогда больше не повторились, чтобы народы нашей планеты жили в мире. Такова была наша Клятва на Эльбе.

Все это было неофициально, но по-настоящему торжественно. У многих в глазах стояли слезы — отчасти, видимо, и от предчувствия, что не все так хорошо будет в будущем, как мы себе представляли. Мы обнялись и поклялись вечно помнить о нашей встрече.

На дамбе нас встретил подполковник Гордеев. Он приветствовал нас. Главной задачей Котцебу было немедленно связаться с американцами. Наши радиопередатчики остались в «джибах» на другом берегу. Гордеев сказал: «Съездите туда и сразу — обратно». Русские принесли водки, немецкого вина и пива. Мы обнимались, пили и произносили тосты. Опьянели, но не оттого, что выпили. Гордеев сказал нам: «Поезжайте и расскажите

обо всем своим. Это очень важно. А потом садитесь в свои «джипы», переправьтесь на пароме, и мы продолжим праздник». Он дал нам в качестве сопровождающих двух русских солдат.

Как только мы очутились на западном берегу, Котцебу попытался связаться со штабом, чтобы сообщить наши координаты в Штреле. Дело осложняли помехи. Нелегко установить связь в военных условиях. Прошел целый час, мы начали волноваться. Котцебу намеревался выяснить у наших, везти ли русских на американские позиции или ждать, пока американцы придут к русским.

После того как сеанс радиосвязи наконец состоялся, мы снова сели в «джипы». С нами было двое русских парней. Проехали 3 мили до парома и опять переправились к русским. Когда добрались до берега, Котцебу кинул мне карту и сказал: «Молодец. Держи подарок». Я храню ее как сувенир. Мне за нее предлагали солидную сумму. Но я в жизни с ней не расстанусь.

Позже мы узнали, что привели свое командование в смятение. От нас вовсе не требовалось встречаться с русскими. Конечно, в душе они были рады, что встреча произошла без осложнений и потерь. Они даже послали самолет в Штрелу, но обнаружили там лишь брошенные «джипы». Решили, что с нами что-то произошло. Тем временем мы праздновали встречу с русскими.

Мы пили за встречу, звучали аккордеон и балалайка, все танцевали. Русские пели американские песни. Оказалось, что некоторые ребята умеют играть на гитаре. С нами было еще несколько человек из гитлеровских лагерей принудительного труда*. Русские девушки тоже были среди танцующих. Это было удивительное зрелище. Оно запомнилось мне навсегда. Эти воспоминания и сейчас скрашивают мою жизнь, несмотря на все ее трудности, главная из которых — всеобщее безразличие.

Был и другой патруль — три человека под командованием лейтенанта Робертсона. Они тоже встретились с русскими, но их встреча оказалась почему-то важнее, хотя «джип» Робертсона подъехал к русским позициям в

* Имеются в виду концентрационные лагеря.

16.30, через четыре часа после нашей встречи. У них был большой праздник. В обращениях Трумэна, Черчилля и Сталина имелся в виду только патруль Робертсона. Он усадил четырех русских в «джип» и повез их на американские позиции. На полной скорости мчался он в Требзен. А там их уже ожидали 400 корреспондентов — и американских, и наших союзников. Они знали, что что-то произошло, и, как говорится, грызли в нетерпении удила. Им предстояло сообщить новость, которую мир ждал со времен Сталинграда, а потом Нормандии. Волнующую, чудесную новость... Но ведь была и Клятва на Эльбе. О ней тоже надо было бы сообщить.

Когда вернулся Робертсон, в штабе, оказывается, тоже были разгневаны, но быстро успокоились. Слишком грандиозно и радостно было событие. Поскольку командование хотело, чтобы известие о встрече прозвучало из уст Трумэна, Черчилля и Сталина, был установлен контроль над распространением информации. Но то, как все произошло на самом деле, было лучше. Лучше, когда встречаются простые солдаты, такие, как мы или Робертсон. Без всякой официальности. Только так и должны встречаться армии.

Мне всегда казалось, что американо-советским отношениям с самого начала не везло. А вот если бы всем рассказали, как мы дали Клятву на Эльбе, наши чувства друг к другу приобрели бы глубину. Подумайте только о миллионах погибших русских, о громадных усилиях, предпринятых американцами, обо всех убитых женщинах и детях, о той маленькой девочке, которая и после смерти не выпускала из рук куклу.

Каждый год 25 апреля я прихожу на Мичиганский мост и раздаю прохожим листовки с призывом: «Остановите распространение ядерного оружия!». И если меня спрашивают, кто я такой, рассказываю о встрече на Эльбе. Дай бог, я приду на мост и на будущий год.

В Торгау есть обелиск высотой с двухэтажный дом. На нем изображены русские и американцы, пожимающие друг другу руки. По одну его сторону — американский флаг, по другую — советский. Установлен он на красивой зеленой лужайке на берегу Эльбы. Я старею. А когда умру, пусть меня похоронят в Торгау.

Печатается с разрешения «Пантеон букс».

ВСТРЕЧА С РУССКИМИ — САМЫЙ НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ДЕНЬ МОЕЙ ЖИЗНИ

В апреле 1945 года я служил в звании старшего лейтенанта офицером связи 104-й разведывательной роты 104-й пехотной дивизии «Тимбервульф». В соответствии с приказом по 7-му корпусу дивизия остановилась на западном берегу реки Мульде, и ее штаб разместился в городе Делице. В дивизии полагали, что русские находятся к востоку от Эльбы, но где именно, не знали.

Командующий корпусом генерал-лейтенант Коллинз решил установить, патрулируется ли район между Эльбой и Мульде. Он спросил нашего командира дивизии генерал-майора Терри де ла Меса Аллена, может ли кто-нибудь это выяснить. Генерал Аллен ответил, что у него есть подходящий человек.

23 апреля сразу после ленча мне и моему командиру, капитану Лондону, позвонил майор Фоснот, заместитель начальника разведки. Было принято решение послать трех человек со специальным заданием. Один из них — капитан из медчасти Джек Соловиц. Он знал немецкий. Вторым был бывший русский военнопленный, третьим — я. Нам было приказано двигаться в поисках русских на восток до города Торгау на Эльбе.

Той же ночью мы добрались до сторожевого поста в Веллауне, примерно в трех милях к северо-востоку от штаба и в трех милях к западу от Мульде. Там мы оставили две бронемашины. Их радиопередатчики были настроены на разные волны. Мы надеялись, что если встретим русских, то сможем сразу сообщить об этом в штаб. Взяли с собой стрелков для прикрытия, сели в десантный катер и перебрались на восточный берег. Это произошло в 22.30.

Уильям (Билл) Шанк последние сорок лет работал страховым агентом.

К югу от нас дивизионная артиллерия обстреливала фосфорными снарядами какой-то город. Я решил двинуться сначала на северо-восток, а затем на восток, прямо к Торгау. За исключением первых трех миль мы шли лесом, стараясь избегать населенные пункты.

Свет луны лишь иногда освещал наш путь, в основном мы шли, ориентируясь по звездам и компасу. До 1.30 ночи не встретили ни души, попались лишь собака да лошадь, запряженная в телегу. Обогнули три деревеньки и пересекли две боковые дороги. Вдоль первой из них тянулась линия электропередачи, напряженно гудящая проводами. Перейдя через вторую, мы вошли в заболоченный лес. Чтобы не сбиться с курса, двинулись вперед прямо по воде. Хотя впереди виднелся подъем, вода становилась все выше и наконец дошла нам почти до пояса. Увы, мы зашли слишком далеко, чтобы возвращаться обратно. Почти выбившись из сил, мы перебрались через ручей, пересекли еще одну боковую дорогу. Дальше лес чередовался с полями. Когда мы вышли на опушку, луна осветила огромное поле, лежащее на нашем пути. Оно также оказалось топью, и мы решили обойти его, двигаясь лесом на юг. Прошли около полумили, когда вдруг кто-то по-немецки приказал нам остановиться.

Мы могли бы избежать этой встречи, но тогда бы не узнали, на кого наткнулись. Ведь была вероятность — хотя и малая, — что это были русские. Поэтому на приказ остановиться мы ответили по-немецки: «Мы друзья» — и вышли на небольшую поляну, где трое солдат вермахта нацелили на нас оружие.

Кобура у меня была расстегнута: на протяжении вот уже нескольких месяцев я упорно тренировался, учась мгновенно выхватывать из нее пистолет. Курок моего кольта был взведен, и в голове пронеслась мысль, что, если дела пойдут совсем плохо, я наконец испытаю свое счастье. Помню, тогда же подумал: что же будет с матерью, когда она узнает о моей бессмысленной смерти в последние дни войны. И потом — не смерти же мы искали, идя на это задание.

Я попросил позвать командира. Появился человек в штатском и сказал, что он механик. Однако, по всей видимости, его здесь слушались. Нужно было сочинить хорошую историю, и притом быстро. Через капрала

Соловица я сообщил им, что остались считанные часы до встречи русских и американских войск и что сопротивление бессмысленно. Я подчеркнул, что мы прибыли со специальной целью предотвратить напрасные жертвы и что им следует пойти навстречу войскам, следующим за нами, и сдаться. Я сказал, что отсюда мы направимся дальше и будем предлагать другим немецким подразделениям сделать то же самое.

После долгого разговора немцы стали соглашаться с моим предложением — все, кроме тощего и прямого, как шомпол, сержанта. Он настаивал, что вопрос должен решить лейтенант. Тогда я сказал: «Ну, ладно, приведите его». Лейтенант куда-то ушел, и они послали за ним одного из солдат. Пока его искали, вопрос стал решаться в нашу пользу. Теперь сержант уверял, что лейтенант нас послушается.

Лейтенанта не нашли. Я сказал сержанту, что тогда решение должен принять он. Но упрямый козел никак не хотел брать ответственность на себя. Он утверждал, что должен согласовать вопрос со штабом.

Дело осложнялось, но, к счастью, штаб находился в том же направлении, куда нам было нужно, а информация сама шла к нам в руки. Мы пошли по ярко освещенной луной лесной дороге в сопровождении десятка немецких солдат, непрерывно болтавших, словно школьники, возвращающиеся с футбольного матча.

На рассвете 24 апреля мы пришли в штаб дивизии СС «Мертвая голова». Меня посадили за письменный стол. Потом пришел лейтенант танковых войск и принялся осыпать меня бранью. Я пытался и ему рассказать о моей миссии милосердия, но безрезультатно. Появился еще один лейтенант и замахал кулаком у меня перед носом. Он высказал все, что думает о нас с тех пор, как мы начали бомбардировку немецких городов. Я сказал ему, что это начали не мы, а немцы, что мы, наоборот, хотим прекратить бомбежки и избежать уничтожения людей и имущества. Но он совсем разошелся, и я опять вспомнил о матери. На сей раз, думал я, я ввязался в такое, с чем мне не справиться. Однако, дав выход своей злобе, допрашивавшие меня немцы поутихли и продолжали разговор уже с большим пониманием.

Было уже шесть часов утра. Я заявил, что нам не найти общего языка и нет смысла продолжать разговор.

Сказал, что мне нужно встретиться со своим командованием. Они ответили, что напрасно я на это надеюсь. Тогда я попросил доставить меня в штаб более высокого немецкого командования. К моему удивлению, они согласились. Нас посадили на заднее сиденье «мерседеса», лейтенанты сели впереди. Нас сопровождал двойной эскорт — впереди и позади нас двигались мотоциклы.

Немцы возили нас взад и вперед по той самой территории, которую мы и собирались обследовать. Мы встретились поочередно с двумя полковниками, рассказали им нашу историю и оба раза были отосланы к вышестоящему командованию. Дело стало походить на глупую шутку. Мы дважды проезжали через Торгау. Утром 24-го мост через Эльбу был еще цел и находился под охраной. Высились баррикады. Город обстреливала артиллерия. Сопровождающие сказали нам, что русские находятся в 20 километрах к востоку от Эльбы. Мы озябли: в сапогах стояла болотная вода.

Когда мы во второй раз поехали через город, машина остановилась у крепости напротив моста. Потом какой-то впечатляющего вида тип отвел нас в теплую комнату, где на матрасах лежало около 15 американских солдат (хотел бы я знать, что с ними потом стало). По всей видимости, это был конец пути. Я принялся кричать и колотить в дверь.

Пришел охранник, спросил, в чем дело. Я потребовал встречи с командованием. Сказал, что мы прибыли с дипломатической миссией, а с нами возмутительно обходятся. Должно быть, капрал Соловиц хорошо переводил, потому что охранник ответил, что устроит нам встречу с генералом. Нас опять посадили в «мерседес» и в эскорте двух мотоциклов возили по Торгау и его окрестностям. Генерала нигде не было.

Не выдержав, я закричал: «Кто-нибудь же должен отвечать за действия армии!» Мы поехали на восток. После долгого путешествия остановились около деревенского дома. Наш хозяин вошел в дом и вскоре вышел в сопровождении капитана фон Рихтгофена.

Капитан прекрасно говорил по-английски. Он стоял на обочине и в течение 15 минут выслушивал мои призывы. Он был вежлив и внимателен и с сожалением сообщил, что практически ничем не может помочь.

Я сказал, что вопрос слишком важен для того, чтобы

излагать его, сидя на заднем сиденье автомобиля, и спросил, нет ли какого-либо другого места, где можно было бы его обсудить обстоятельно. В ответ капитан предложил мне прогуляться.

Пока я изо всех сил убеждал его, мы успели пройти несколько кварталов. Я все время говорил о тщетности сопротивления и «сострадании» к солдатам. В конце концов он сказал, что согласен со мной, и что командование прекрасно сознает всю сложность положения, и что он поговорит с майором. Он вернулся в дом и пробыл там минут двадцать.

Я ждал. Наконец капитан вышел. Его одолевали сомнения. Ему казалось странным, что мы углубились в их расположение, вместо того чтобы встретиться с немецкими солдатами ближе к реке. Он недоумевал и по поводу скрещенных сабель у меня в петлице*. Тогда я спросил, кому же еще могли поручить пробраться на территорию врага и найти там человека, у которого достаточно проныцательности и власти, чтобы принять разумное решение. Я, может быть, и не убедил капитана, но он отнесся ко мне с пониманием и сказал, что сделает все возможное, чтобы воздействовать на майора. Он пояснил, что майор из разряда старых вояк и ему предстоит тяжелая внутренняя борьба с уязвленной гордостью. Он же, фон Рихтгофен, тем временем лично обсудит вопрос с генералом.

Мы снова отправились в путь. Впятером погрузились в машину, а капитан сел в коляску мотоцикла. Объехали несколько деревень, но генерала не обнаружили. Я не знал, куда мы, собственно, попали, но старался этого не показывать. И лишь когда мы вернулись в город, с которого начали свое путешествие, до меня дошло, что это Эйленбург. Подъехали к бункеру, спустились вниз, прошли по коридорам, забитым солдатами, и попали в большую комнату с длинным столом посередине. Вдоль стола на скамьях сидели солдаты.

Было около 18.00. Капитан несколько раз уходил беседовать с майором, потом возвращался и повторял, что все дело в самолюбии майора. Около полуночи он сказал, что, если к утру решение не будет принято, он, невзирая на упрямство майора, сам подготовит войска к капитуля-

* Знак отличия американской войсковой разведки.

ции. Я знал, что наша 69-я дивизия расположена прямо напротив бункера, на противоположном берегу Мульде. А правее по флангу — моя дивизия «Тимбервульф». Я хотел, чтобы в обеих американских дивизиях знали о намерении немцев капитулировать, и сказал фон Рихтгофену, что необходимо как можно скорее сообщить об их планах на другой берег. Он попросил меня письменно изложить просьбу о принятии капитуляции и сказал, что попробует убедить майора подписать ее.

Около трех часов утра 25 апреля фон Рихтгофен сообщил, что бумага уже у майора. Несколько позже я узнал, что он лично доставил ее майору и потом получил ультиматум от 69-й дивизии с требованием капитуляции к 6 часам утра.

Фон Рихтгофен сказал солдатам — их было около пятидесяти, — что он, тщательно взвесив все как солдат и просто как человек, пришел к выводу: лучше сдаться. Но добавил, что предоставляет им право самим решать этот вопрос. Он несколько раз упомянул меня, восхваляя «благородство» моих усилий. Его торжественная речь несколько раз прерывалась аплодисментами. Когда он закончил, слушавшие по очереди подходили, чтобы пожать мне руку. Оружие свое они грудой свалили на столе.

Ровно в 6.00, выходя из туалета, я услышал свист снарядов. Я и шедший впереди солдат одновременно бросились на землю. Когда огонь начал смещаться к югу, мы оба, американец и немец, кинулись к бункеру. В течение полутора часов 69-я дивизия обстреливала Эйленбург. Потом наступило затишье.

В перерыве между артобстрелами в бункер повалили гражданские лица, спасавшиеся от полыхавших в городе пожаров. С ними пришел врач. Ночью он был среди тех, к кому капитан обратился с речью о капитуляции. Грозя мне кулаком, он сказал, что мы разбомбили его госпиталь и что теперь он уйдет вместе с майором, который как и не решился сдаться*.

Возобновившийся вскоре артобстрел окончился в 9 утра. Фон Рихтгофен и я пошли к реке. Солдаты, выбрав-

* Возможно, что отказ майора, как и сержанта, ранее задержавшего Шанка, капитулировать был вызван не просто гордыней, фанатизмом или слепой верностью присяге. Накануне из Берлина поступил приказ драться до последнего солдата, и офицеры приказывали вешать солдат, выступавших за капитуляцию. (Прим. американского редактора.)

лись из тянувшихся вдоль берега земляных укреплений и окопов, бросали в воду свое оружие. Мы вернулись в бункер и стали выстраивать капитулировавших в колонну. Несмотря на обстрел и пожары, из домов выбегали дети — они подстраивались к колонне и шли за мной. Я почувствовал себя тем самым дудочником в пестром костюме, который увел детей из Гамельна*.

Вдруг мне показалось, что за одним из километровых столбиков у реки кто-то шевелится. Из-за него медленно встал американский солдат и сказал: «Бог мой! Ты что, американец?» Я ответил: «А ты, черт возьми, что думал, я — Бетти Грэйбл?»**

Из-за угла дома появился еще один американский солдат. Я сказал им обоим, что в бункере их ждут. Потом переправился через реку и связался по полевому телефону со своим 104-м полком и через штаб 1-го батальона — с 69-й дивизией. Вернувшись по мосткам, переброшенным с одного конца разрушенного моста на другой, я отправился в бункер, взяв с собой капрала Соловица и русского пленного, и принял капитуляцию около 150 полицейских. Мы втроем разоружили их и еще 350 солдат. Приставили к ним охрану, а их пистолеты сложили в два одеяла и, сгибаясь под тяжестью, перетащили на нашу сторону. Фон Рихтгофен сдал свой пистолет лично мне. Я его хранил до недавнего времени.

Из 104-го за нами прибыл «джип». Я и фон Рихтгофен поехали в штаб батальона. Полковник устроил мне взбучку за то, что я спутал ему всю операцию, и за то, что перед его КП болтается какой-то немецкий военнопленный. Он сам вышел за фон Рихтгофеном, как бы отказав мне в праве распоряжаться им. Когда я спросил, зачем они обстреливали город, он ответил, что у них было много лишних боеприпасов и их нужно было как-то израсходовать. К моей пущей досаде, в штабе я узнал, что в полдень 69-я встретила с русскими в Торгау.

* Согласно балладе XIII века некий волшебник истребил всех крыс в немецком городе Гамельне по просьбе его жителей. Однако, не получив за это обещанного вознаграждения, увел из города всех детей, которые последовали за ним, очарованные звуками дудочки, и домой не вернулся.

** Бетти Грэйбл (1916—1973) — американская киноактриса, пользовавшаяся огромной популярностью среди американских солдат во время второй мировой войны. (Прим. американского редактора.)

Два с половиной часа у меня ушло на то, чтобы подготовить отчет генералу Аллену и получить взбучку от «Старика», капитана Лондона.

Я не спал трое суток. После завтрака со «Стариком» я наконец добрался до казармы, лег и включил радио, когда вошел мой приятель и сказал, что «Старик» опять собирается послать меня на задание. Штаб дивизии приказал сержанту Адлеру попытаться вступить в контакт с русскими в Прече, примерно в 18 милях к северу от Торгау.

Адлер взял с собой в патруль капрала Боба Гилфиллана, капрала Сэма Становича и того же самого русского. Я должен был отвезти их на «джипе» на возможно более далекое расстояние и затем, если это будет целесообразно, отправить их дальше пешком с запасом провианта и заданием окопаться в случае необходимости и ждать появления русских.

Мы снова оставили бронемашину в Веллане, а сами доехали до какого-то местечка за Дюбеном, переправились через Мульде на пароме и проехали еще четыре мили на восток к Рёзе. От Рёзы мы направились к Швемзалю. До Пречи оттуда было миль двадцать, до Берлина — шестьдесят.

Мы взяли с собой большой американский флаг, чтобы, если понадобится, с расстояния показать, кто мы. Отъехав на несколько миль от Швемзалья, вынули флаг, привязали его к семифутовому шесту, а шест прикрепили у края ветрового стекла. На дороге мы всем были видны как на ладони, и если уж нельзя было спрятаться, то вполне логично было попытаться привлечь к себе внимание.

Под вечер к югу от Бад-Шмидеберга дорогу нам преграждали семеро конных немцев, нацеливших на нас винтовки. Мы сняли с голов каски и, стоя в «джипе», стали махать ими, стараясь показать, что намерения у нас самые дружественные. Мы подъехали прямо к ним. Где-то неподалеку шла перестрелка. Я спросил встречающих, что они тут делают. Они сказали, что стоят в тыловой охране взвода, ведущего бой с русскими. Значит, русские совсем близко.

Мы повернули на восток к Прече и проехали через оставленную жителями деревню Шплау. Остановившись у края холма около Пречи, мы увидели слева в поле двух

русских. Вначале они внимательно смотрели на нас. Потом вдруг бросились бежать к нашему «джипу». К ним присоединились еще двое — капитан и солдат. Мы принялись обниматься, целоваться, громко крича наперебой. Русские устроились на крыльях и капоте, и мы двинулись к парому через Эльбу. Они показывали нам дорогу, мы выехали на паром и вручную перетянули его на другую сторону.

На берегу группа из 16 русских солдат встретила нас громкими оглушительными «ура». Мы проехали еще шестнадцать миль до штаба русской 118-й стрелковой дивизии в Аннабурге. Прибыли мы туда 26 апреля в 19.30. Нас приветствовал командир дивизии генерал-майор Суханов.

Пока я говорил с генералом, кто-то сунул мне в руку букет цветов. Я было удивился: что это за нежности? Но тут еще кто-то подошел и вручил мне букет сирени. Потом-то я понял, что русские вообще очень любят цветы. Принесли карту, и я пытался показать генералу расположение нашей части. Все надписи были на русском, и все же мы совместными усилиями в ней разобрались и даже смогли обменяться кое-какой информацией. Поскольку я был связистом, попросил отвести меня к радистам. Сначала они не могли понять нашей частотной системы. Потом разобрались, но работать на этой волне не смогли. Русские повели нас пятерых обедать в помещение, где была устроена столовая с длинным столом посередине. Мы и русские офицеры расселись по обе его стороны. Севший рядом со мной офицер был подтянут и вежлив. Он хорошо говорил по-немецки, так что мы могли общаться. Было произнесено много тостов, настроение царило приподнятое. Русский капитан сказал мне, что дежурный пытается дозвониться в штаб и сообщить о нашем прибытии более высокому начальству. Он также сказал, что нас представят к наградам. Через месяц состоялась торжественная церемония в Лейпциге, где мне вручили орден Александра Невского.

Нам подали макароны с мясом, колбасу, копченую рыбу, мясо в тесте, черный хлеб, крутые яйца, горячее какао и печенье. На столе были расставлены бутылки водки, перед каждым стоял наполовину наполненный стакан. Стоило сделать глоток, как один из одетых в голубые гимнастерки официантов протягивал руку из-за плеча, подливая еще водки. Не желая показать, что не в

силах тягаться со своими русскими хозяевами, я незаметно выливал содержимое стакана в сапог. Официанты тут же заново наполняли его.

Постель мне приготовили на втором этаже деревенского дома. Посреди ночи я проснулся. Кто-то меня тряс. Это был военный корреспондент, которому для статьи нужно было узнать наши имена и адреса.

На следующее утро голова у меня раскалывалась. Я вышел на скотный двор, где умывались солдаты. Окунуть лицо в воду было просто наслаждением. Для того чтобы пойти в столовую, потребовалось больше силы воли, чем на все, вместе взятое, за прошедшие три дня. Когда я увидел на столе бутылки с водкой, то понял, что мне пришел конец. Даже У. Филдз* однажды сказал, что он умеренный человек — никогда не пьет перед завтраком. Но не мог же я уронить честь американского разведчика. Я выпил и понял, почему у русских принято опохмеляться. Голова прояснилась, и я почувствовал себя просто замечательно. Чтобы сохранить ясность мысли, нужно пить эту штуку все время.

Выйдя из столовой, я увидел, что наш «джип» украсили цветами, словно передвижную рекламную платформу во время праздника роз. Капот был весь в букетах сирени, тюльпанов и роз. Русские привязали к левой стойке ветрового стекла свой флаг. Он был такого же размера, что и наш, американский. К ветровому стеклу они приклеили фотографии Рузвельта, Черчилля и Сталина.

Направляясь обратно в свой штаб, мы было подумали, что перед въездом в первый же город надо убрать все украшения. Но потом посмотрели друг на друга, нас переполнило чувство гордости и радости от того, что победа близка. Мы двигались вдоль длинных колонн беженцев, направляющихся на запад. Скучные свои пожитки они несли в руках или везли в тележках. Сначала они явно не верили своим глазам, а потом начинали приветствовать нас как героев-победителей. В Зеллихау мы наткнулись на немецкий полк, который был брошен своим командиром. Нам пятерым сдалось 1200 человек.

27 апреля самолет, пилотируемый майором Тэрнером, доставил командир 415-го пехотного полка Кокрэ-

* Уильям Филдз (1880—1946) — известный американский комедийный актер.

на, начальника оперативного отдела штаба дивизии подполковника Хуга и переводчика сержанта Ситника в русский штаб в Аннабурге. 28 апреля в наш штаб в Деличе прилетел генерал-майор Суханов. Я встретил его в своем «джипе» прямо у посадочной полосы. Генерал Аллен отпорол от своего рукава нашивку дивизии «Тимбервульф» и приколот к рукаву Суханова, произведя это таким образом в почетные офицеры нашей дивизии.

Поиски русских и встреча с ними стали самыми незабываемыми событиями моей жизни. Полные драматизма и радости, они были освящены духом дружбы. Оказалось, что люди способны выражать свои эмоции в самых необыкновенных, ярких формах. Безгранично чувство тепла, заботы, симпатии и сопереживания, которое мы, люди, способны испытывать друг к другу. Переполняя нас, оно может вылиться в самые удивительные выражения любви и сочувствия.

Когда я обнимал моих русских товарищей в тот день в 1945 году, никто не мог бы заставить меня поверить, что людей мучили и сжигали живьем просто для того, чтобы избавиться от них. Война, окончившись наконец, заставила многих людей полюбить друг друга. Если бы все люди общались так же, как мы во время встречи с русскими, не было бы никаких войн.

Билл
РОБЕРТСОН

НОВОСТЬ, ОБЛЕТЕВШАЯ ВЕСЬ МИР

Захватив в апреле 1945 года Лейпциг, 69-я дивизия продолжала двигаться к востоку, и наш 273-й полк 20 апреля подошел к реке Мульде. Каждый солдат знал, что русские наступают в нашем направлении. Фашистская Германия должна была неизбежно потерпеть поражение.

Уильям (Билл) Робертсон после войны продолжал изучать медицину. Специализировался по неврологии в Великобритании и США. Долгое время работал нейрохирургом в Лос-Анджелесе.

Но вот когда это произойдет и кто из нас доживет до победы — это волновало каждого.

Нам было приказано остановиться у реки Мульде и не проводить никаких разведывательных операций к востоку от нее. Потом высшее командование разрешило выслать патрули к востоку от реки, но не далее чем на 5 миль.

Я был лейтенантом разведки и командовал небольшим взводом. Наш полк расположился на Мульде прямо напротив города Вурцена. 24 апреля бургомистр перешел на наш берег и заявил о капитуляции города. Мы вошли в Вурцен. Всю ночь мой взвод занимался установкой заграждений для военнопленных и обследованием местности.

К тому времени единственной темой разговоров стала возможная встреча с Красной Армией. Все жилось в ожидании. Нам не терпелось увидеть русских. Что они сейчас делают? Какие они? Мы знали, что они дошли сюда от Москвы и Сталинграда и что они стойкие солдаты. Но все-таки, что они за люди? Как себя ведут? Дружелюбны ли? Мы только знали, что они рядом, где-то чуть впереди. Мы понимали, что для нашей 69-й дивизии было бы большой честью стать первым подразделением Западного фронта, соединившимся с Восточным фронтом.

Вскоре, после того как мы вошли в Вурцен, оказалось, что всего в четырех милях к востоку от города расположен лагерь военнопленных. Их было там четыре тысячи, и теперь они потянулись оттуда в город. Слабые, изможденные, они приветствовали нас, и в глазах их сияло счастье. Теперь я воочию убедился, что война действительно была мировой. Некоторых из этих людей взяли в плен во время африканской кампании. Было много русских, поляков, французов, англичан, канадцев, индийцев, австралийцев и американцев. Трудно описать их радость. Они провожали нас глазами, словно не могли наглядеться.

К освобожденным военнопленным на подходе к Вурцену присоединялись сотни беженцев и рабочих из лагерей принудительного труда. Среди них были поляки, сербы, чехи, французы, люди других национальностей. Росла толпа немецких беженцев. Одни ехали на велосипедах, другие шли пешком, толкая или таща за собой тележки, груженные пожитками.

Утро 25 апреля было ясным. В нашем же положении ясности не было. 69-я дивизия занималась установкой палаток и полевых кухонь для военнопленных и беженцев на западном берегу Мульде. Немецкие солдаты сдавались и входили в город маленькими и большими группами. Один артиллерийский расчет сдал нам в полной сохранности самоходную установку на базе танка «пантера» с 88-мм пушкой.

Этим же утром из штаба батальона поступил приказ проверить дороги, ведущие в Вурцен, и составить хотя бы приблизительное представление о количестве беженцев, направляющихся в город. Это было необходимо, чтобы подготовить для них питание и жилье. Мне также поручили составить план размещения и охраны лагерей для военнопленных. Я взял с собой трех человек из разведотдела: капрала Джеймса Макдоннелла, рядового Фрэнка Хаффа и Пола Стауба, который говорил по-немецки.

Вчетвером мы сели в «джип». На нем был установлен пулемет, но ни ракетницы, ни радио не было. Мы проехали несколько миль на восток. Тем немногим беженцам, которых мы встретили, велели идти в Вурцен. Мы вернулись в город и около 10 часов утра отправились другой дорогой, на северо-восток.

Потом оказалось, что это была именно та дорога, которая привела в Торгау и позволила нам стать вторым патрулем, который встретился с Красной Армией. Сначала, когда мы выезжали из Вурцена, у нас не было намерения ехать в Торгау, расположенный довольно далеко от нас, в глубине вражеской территории. Не планировали мы и встречи с русскими. Хотя у нас и был пулемет, мы двигались всего лишь на одном «джипе» — какой же это моторизованный патруль?

По мере того как мы ехали на северо-восток, пришлось принять капитуляцию немецкой пехотной роты — триста солдат и офицер. Я велел им свалить автоматы в кучу и переломить их стволы. Пистолеты и холодное оружие мы конфисковали. Снабдив немцев охранным свидетельством, мы отправили их в Вурцен. Потом заметили немецкую штабную машину, погнались за ней и задержали. Она была набита офицерами медицинской службы. Их тоже направили в Вурцен.

Дальше ехали довольно медленно, мне казалось, что

где-то здесь мы натолкнемся на тыловые расположения немецких войск — на лагерь квартирмейстерской роты или на полевой госпиталь, полевую кухню, или на что-нибудь в этом роде. Мы взяли в плен двух эсэсовцев, попытавшихся оказать сопротивление, разоружили их и посадили на капот «джипа».

Невдалеке от Торгау наш патруль натолкнулся на небольшую группу английских военнопленных, сбежавших из города и теперь направляющихся к американским позициям. Они сказали, что в лагере военнопленных находятся несколько раненых американцев. Вот тут-то я и решил попробовать пробраться в Торгау. До сих пор нам не приходилось вступать в перестрелку, если не считать нескольких выстрелов эсэсовцев, теперь угрюмо нахолившихся на капоте «джипа».

Подъезжая к Торгау, мы увидели дым пожаров, по всей видимости, возникших после последнего артобстрела русских. Провели разведку на южной окраине города. Поскольку у нас не было опознавательных знаков, кроме нашей формы, мы чувствовали себя довольно незащищенными. У нас не было зеленых ракет, и мы не могли дать заранее обговоренный между американской и советской сторонами сигнал. У встретившегося по дороге немецкого беженца конфисковали белую простыню. Вырезав из нее кусок пять на восемь футов, привязали его к палке, свернули и бросили в машину. Может, русские не станут стрелять, если при встрече будем размахивать белым флагом, рассудили мы.

В 13.30 въехали в Торгау, это был вымерший город, город-призрак. За все время, проведенное в нем, мне встретилось не более 40 жителей. В Торгау, в форте Цинна, мы нашли маленький тюремный лагерь — тот, о котором нам говорили английские «томми». Там было около сорока человек, приговоренных к смерти за шпионаж. Среди них были и двое раненых американских солдат, взятых в плен два дня назад. За ними ухаживал доктор-югослав. Мы пообещали прислать помощь как можно скорее.

Со стороны Эльбы слышались выстрелы. Оставив двух эсэсовцев в лагере, поехали в направлении реки. От встретившегося горожанина мы узнали, что Красная Армия находится на другом берегу Эльбы. Решили попробовать встретиться с русскими. Было около 14.00.

Потом наш патруль попал под снайперский огонь. Мы выскочили из «джипа», разбежались в разные стороны и пошли в обход снайперов. К тому времени к нам присоединились двое американцев, освобожденных из лагеря. Теперь наш патруль состоял из шести человек.

Поскольку мы собирались вступить в контакт с русскими, находившимися на другом берегу Эльбы, я решил, что нам нужны более надежные опознавательные знаки. Мы ворвались в первую попавшуюся аптеку и взяли там цветные порошки, красный и голубой. Смешав порошки с водой, нарисовали на нашей простыне пять горизонтальных полос красным и закрасили верхний левый угол голубым. Было 15.00.

Мы осторожно двинулись к реке. Я хотел найти какое-нибудь высокое здание или башню, чтобы оттуда помахать флагом. Замок Хартенсфельс попался нам как раз кстати. Тем более что стоял он почти на самом берегу, и у него была высокая башня.

К замку можно было подойти только через обнесенный стеной двор. Я взял с собой Джима Макдоннелла, Пола Стауба и лейтенанта Джорджа Пека, одного из освобожденных американских военнопленных. В «джипе» остались Фрэнк Хафф и второй бывший военнопленный.

Мы поднялись по винтовой лестнице на башню. Я оставил трех человек на верхней площадке, а сам вылез на крышу, стараясь не высовываться из-за укрытия, и начал махать флагом, крича по-русски «американцы» и «товарищ». Это было около 15.30.

Стрельба прекратилась.

Другой берег был ярдах в 500—600, и там, еще ярдов через 200, по травянистому пологому склону в тени деревьев ходили по опушке леса русские солдаты. Они начали кричать, но я ничего не понимал. Я закричал, но они меня тоже не понимали.

Потом они пустили две зеленые ракеты (а вовсе не красные). Я не мог ответить, так как у нас вообще не было ракет. Они опять открыли огонь, но уже не только по башне, а по всему городу. Все это время немецкие снайперы стреляли в меня с тыла.

Я опять замахал американским флагом, пытаюсь не высовываться из укрытия. Без устали кричал то «американцы», то «товарищ», а то объяснял по-английски, что мы американский патруль.

Они прекратили стрельбу и снова принялись кричать. Я прикрепил древко флага к правому углу башни так, чтобы они могли видеть полосы на флаге. К этому времени я послал «джип» обратно в лагерь, чтобы найти русского военнопленного, говорящего по-немецки.

Русские опять начали стрелять. На этот раз с левой опушки «кашлянуло» противотанковое орудие (я увидел дым). Снаряд врезался в башню в 5—6 футах от меня.

Потом они снова прекратили стрельбу.

Привезли русского военнопленного из лагеря. Пол горопливо объяснил ему по-немецки, что надо сказать его соотечественникам на другой стороне реки. Русский высунулся из башни и прокричал несколько фраз. Стрельба прекратилась. Небольшая группа русских солдат двинулась в направлении берега.

Мы слезли с башни, перебежали через двор и помчались к реке. Рядом с замком был мост, взорванный, по всей видимости, отступающими немцами. Хотя фермы моста были согнуты и скручены, одна из них все еще нависала над водой. На нашей стороне не было видно ни одной лодки.

Я направился к мосту, но освобожденный русский военнопленный опередил меня и двинулся в сторону противоположного берега. С другой стороны навстречу ему полез русский солдат. Вслед за русским военнопленным на мост залез и я и стал перебираться на ту сторону. За мной двигались лейтенант Пек и Фрэнк Хафф. Остальные члены патруля остались в «джипе». Пол нас несколько раз сфотографировал.

Военнопленный встретил советского солдата и, миновав его, продолжил путь на восточный берег, а его соотечественник двигался в нашем направлении. Примерно на середине Эльбы русский и я соскользнули вниз по огромному, в форме буквы «V» изгибу балки. В этом был некий символ, так как буква «V» обозначала Викторию — Победу. Но в тот момент мы не думали об этом.

Русский оказался сержантом. Звали его Николай Андреев. Мы пожали друг другу руки и похлопали друг друга по плечу, стараясь не упасть в быстрые воды струящейся под нами реки. Было 16 часов.

Русский продолжил свой путь на западный берег, а мы двинулись на восточный, где нас радостными криками приветствовали советские солдаты. Их подходило все

больше и больше. В 16.45 мы, трое американцев, стояли с ними на берегу реки и смеялись, кричали, хлопали друг друга по плечу, пожимали руки. Фрэнк, Джордж и я кричали по-английски, а наши хозяева по-русски. Мы не понимали друг друга, но единство чувств было очевидно. Мы были солдатами, братьями по оружию, разгромившими общего врага. Война кончилась, и мир был уже совсем близко. Значит, каждый из нас проживет — это уж точно — еще один час, еще один день.

Торжество продолжалось. Русские все подходили и подходили. Один из них выставил ящик трофейного провианта — сардины, консервированное мясо, печенье, шоколад. Появились шнапс и вино. Мы произносили тосты в честь друг друга. Выпили за окончание войны, за США, за Советский Союз и за наших союзников. Провозгласили тосты за наших командиров и руководителей государств.

Мы смотрели друг на друга с нескрываемым любопытством. Русские солдаты казались совсем молодыми, да я думаю, что и мы тоже. Они походили на тех обычных солдат, которых я видел на войне, разве что были опрятнее. Они носили награды на полевой форме, но почему-то на их головах не было касок. Некоторые были в бинтах — несмотря на ранения, они продолжали воевать. Мне было радостно смотреть на эту пеструю толпу веселых ребят с приятными лицами. Мы обменялись сувенирами — нашивками, знаками отличия. Я обменялся наручными часами с русским капитаном, который после Сталинграда был пять раз ранен. Какой-то солдат отдал мне свое золотое обручальное кольцо.

Приехал майор, который говорил по-английски. Я ему сказал, что мы должны договориться о встрече наших полковых и дивизионных командиров в Торгау на следующий день в 10.00. И добавил, что нам необходимо вернуться на свои позиции. Майор информировал меня о том, что наш патруль находится в расположении 58-й гвардейской дивизии 5-й армии 1-го Украинского фронта под командованием маршала Конева. «Гвардейская» значило, что это была ударная дивизия, особо отличившаяся в битве под Сталинградом.

Я хотел попасть в Вурцен до наступления сумерек и попросил послать с нами группу связи. Четверо русских выразили желание пойти с нами. Это были майор Анфим

Ларионов, капитан Василий Неда, лейтенант Александр Сильвашко (командир того взвода, что был около моста) и сержант Николай Андреев — тот самый, с которым я встретился на мосту.

В 17.00 мы переправились через Эльбу в гоночной лодке-восьмерке, сели в «джип» и по той же дороге поехали обратно. К сумеркам без приключений добрались до Вурцена. В штабе 1-го батальона, куда мы привели русских и рассказали о состоявшейся встрече, опять начались рукопожатия, поздравления и тосты. Фотографы сняли нас на ступеньках КП.

Вдруг раздался выстрел.

Какой-то немец в штатском, стоявший невдалеке от нас, рухнул на землю с наполовину снесенным черепом. Он лежал на тротуаре, подергивая ногами, а кровь била струей из разорванных сонных артерий.

Что случилось? Нам сказали, что его задержали некоторое время назад по подозрению в руководстве организацией «Вервольф»* и по обвинению в том, что он служил охранником в форте Цинна. Взявшие его в плен американцы еще не успели его толком допросить. Но когда он увидел на КП четырех русских, то решил, что пришел конец. Увлеченные торжеством, мы не видели, как он схватил с плеча одного из солдат автомат, приставил дуло к подбородку и нажал на курок.

Вскоре после этого происшествия мы вновь отправились в путь, теперь на КП полка в Требзене. Там уже знали о встрече. Русскую делегацию принял командир 273-го пехотного полка Чарльз Адамс. Прием, оказанный моему патрулю, был гораздо менее теплым, поскольку мы осмелились нарушить, и намного, 5-мильное ограничение. Тогда мы еще не знали, что еще два патруля, высланные полковником Адамсом, тоже побывали за ограничительной линией. Командиру полка уже здорово перепало от генерала Рейнхардта за нарушение приказа.

В дивизионный штаб в Наунхофе мы двинулись уже гораздо более многочисленной группой. Генерал Рейнхардт принял русских, а наш патруль приказал посадить под арест. С того момента, как мы нарушили приказ, выехав за пределы 5-мильной зоны, начали ходить

* «Вервольф» («Оборотень») — подпольные нацистские группы, создававшиеся в конце войны для организации диверсий против войск союзников.

разговоры о предании нас военно-полевому суду. У меня появилось ощущение, что мы попали в переделку.

Сила и вездесущность прессы просто удивительны. В лагере корреспондентов 1-й армии распространился слух, что 69-я дивизия, находящаяся на передовых рубежах армии, скоро соединится с русским фронтом. Корреспонденты и фотографы столпились у дивизионного КП. Они путом чуяли, что происходит что-то важное.

Генерал Рейнхардт поставил в известность генерала Хюбнера о нашей встрече с русскими. Генерал Хюбнер отругал генерала Рейнхардта, а затем информировал командующего 1-й армией генерала Ходжеса. Генерала Ходжеса разбудили среди ночи и сообщили, что патруль Робертсона повстречал русских и что русская делегация находится прямо на дивизионном КП.

Какова была реакция Ходжеса? Генерал сказал, что он в восторге, и велел генералу Хюбнеру поздравить генерала Рейнхардта. Всех простили.

Было уже далеко за полночь 26 апреля. Наш патруль очень устал — ведь мы не спали всю ночь. Русские вернулись обратно в расположение своей части. Мы уже договорились о встрече наших командующих в Торгау в десять часов утра. И поэтому поехали в полк, чтобы подготовить патруль из 41 «джипа».

Дорога в Торгау была уже знакома, и наш «джип» вел весь кортеж. В сопровождении полковника Адамса патруль выехал в Торгау ранним утром. Пресса тоже поехала с нами. 26 апреля было сделано больше всего фотографий и был снят длинный фильм.

В тот же день мы узнали, что пакаунуе патруль из 28 человек под командованием лейтенанта Альберта Котцебу из нашего же 273-го полка и части 58-й дивизии с русскими встретились в Штреле, в 16 милях от Торгау. Котцебу встретил русских в 12.30, то есть тремя с половиной часами раньше нас. Поэтому патруль Котцебу заслуживает чести считаться первым американским подразделением, встретившимся с русскими.

Когда мой патруль вернулся с русской делегацией вечером 25 апреля на американские позиции, мы незамедлительно встретились с прессой. Новость облетела весь мир. Мы получили наибольшую известность так же, как и честь быть первыми на официальной встрече в Торгау.

Тем временем Бак Котцебу и его люди остались у русских на ночь. У него не было возможности связаться с дивизией, не говоря уже о прессе, до того как было объявлено об официальной встрече в Торгау.

Пол
СТАУБ

ЭТО СОБЫТИЕ ПОЛОЖИЛО КОНЕЦ УЖАСНОЙ ВОЙНЕ

Наша встреча с русскими в Торгау была необыкновенно волнующим и важным событием. Встреча стала кульминацией дня, который напоминал сюжет приключенческого фильма. И когда сейчас я думаю о ней, мне кажется, что это произошло вчера.

Тогда я был рядовым, и мне было всего 19 лет. За восемь месяцев до встречи с русскими меня направили в разведывод штабной роты 1-го батальона 69-й дивизии. Я принимал участие в нескольких боях в Германии. И вот утром 25 апреля 1945 года мы оказались в Вурцене.

Этот день не был похож на другие. Тысячи беженцев на дорогах. Подобное мы видели и раньше, но сегодня все было по-другому. Казалось, что потоку людей на дороге не будет конца.

Лейтенант Уильям Робертсон, рядовой Фрэнк Хафф, капрал Джеймс Макдоннелл и я сели в «джип» и поехали вдоль потока беженцев. После нескольких происшествий — взятия в плен солдата СС, освобождения заключенных из лагеря и отправки нескольких сдавшихся немецких офицеров на американские позиции — мы подъехали к окраине Торгау.

Местные жители сказали нам, что русские уже фактически в городе. Мы решили попробовать вступить в контакт с Красной Армией.

В настоящее время Пол Стауб — владелец магазина мужской одежды в Нью-Йорке.

Перед тем как въехать в Торгау, мы решили двигаться по городу, размахивая белым флагом в надежде, что русские не спутают нас с немцами. Вспоминаю, как я шел по улице с флагом и думал: «И что тут нужно славному еврейскому мальчику из Бронкса?»*

Но белая простыня лишь навлекла на нас огонь немецких снайперов. Тогда мы решили сделать из нее американский флаг. Раздобыли в аптеке какие-то химикаты и раскрасили простыню в красный и голубой цвета. Когда она приобрела подобие национального флага, мы снова двинулись.

Чем дальше мы двигались по улицам Торгау, тем сильнее было наше волнение. Нам казалось, что русские вот-вот появятся из-за ближайшего угла. В конце концов мы очутились во дворе какого-то сооружения, похожего на башню. Она стояла на самом берегу Эльбы. Мы с лейтенантом Робертсоном залезли наверх. Вот она, русская армия, — на восточном берегу реки!

После продолжительной стрельбы, размахивания флагом и криков русские наконец поняли, что мы американцы. Рядом с нами был взорванный мост. Билл Робертсон и Фрэнк Хафф решили перебраться по нему на русскую сторону. Тут я увидел, что русские солдаты тоже стали продвигаться по мосту навстречу. Джим Макдоннелл и я остались у машины. У меня с собой был небольшой фотоаппарат, и я снял солдат, встретившихся на мосту.

Как только русские добрались до нас с Макдоннеллом, мы бросились обнимать их, пожимать руки, хлопать по плечу — в общем делать то, что люди делают от радости. Мы все много и оживленно разговаривали. Потом повытаскивали из карманов бумажники и стали показывать друг другу фотографии близких. И тут до меня вдруг дошло, что войне вот-вот придет конец и что я, американский рядовой, помог его приблизить.

После встречи повсюду царило радостное возбуждение. Ее, конечно, широко освещали в прессе. Через десять дней нас четверых направили в штаб Эйзенхауэра в Реймсе во Франции. Он лично побеседовал с каждым из нас и тут же повысил в звании. Нам сказали, что несколь-

* Район Нью-Йорка.

ко часов назад он подписал мирный договор с адмиралом Дёницем*.

Сегодня, вспоминая эту встречу с высоты более чем в 40 лет, я чувствую себя счастливым от того, что был участником этого события. Конечно, я не однажды разочаровывался в наших правительствах, не делавших ничего, чтобы сблизить наши народы. Но я знаю, что наша встреча в Торгау все еще много значит для нас, американцев и русских, тех, кто познакомился там весенним днем.

Каждый год 25 апреля я словно вновь переживаю встречу на Эльбе. Говорю не только моим детям, но и внукам: «Я хочу, чтобы вы знали: это событие положило конец ужасной войне, и я был его участником».

Билл
ФОКС

ГОСПОДСТВОВАЛО ИСКРЕННЕЕ ЧУВСТВО ДРУЖБЫ

25 апреля 1945 года. Начинало светать, было холодно, когда к шести нашим «джипам» из двух разведрот добавились еще два. В одном была радиостанция штаба полка, другой принадлежал штабу корпуса.

Место действия: узкий шаткий деревянный мост через реку Мульде около Требзена. Задача: установить контакт с силами русских, которые подходили с востока через территорию, удерживаемую немцами.

Наш патруль состоял из 51 человека. Район продвижения на восток командование нам ограничило пятью милями от реки. Однако общим желанием всех в патруле было двигаться, пока мы не встретим русских. Это было нашим всепоглощающим желанием. Лично я верил, что встречу русских именно в этот день.

* 7 мая 1945 года в штабе Эйзенхауэра в Реймсе было подписано перемирие с «правительством» Дёница, который 1 мая по завещанию Гитлера стал рейхсканцлером и верховным главнокомандующим, сформировал новое «имперское правительство» и отдал приказ об оказании сопротивления Красной Армии.

В 4.45 наш патруль покинул командный пункт в Требзене и остановился на мосту. Ждать на произгительном утреннем ветру — удовольствие небольшое, но отдаленные залпы артиллерии, то ли русской, то ли немецкой, предвещали успех рискованному делу.

В конце концов другой патруль с грохотом пересек реку по старым бревнам требзенского моста и выехал на восточный берег. В 5.35 обе группы вместе двинулись на восток. Через десять минут мы расстались с этим патрулем, миновали последнее боевое охранение и окунулись в холодный предрассветный туман.

Теоретически мы находились под командованием второго лейтенанта Томаса Говарда. Но в действительности всем руководил майор Фред Крейг, заместитель начальника штаба 2-го батальона — старший по званию. Капитан Джордж Мори должен был представлять командира полка, а меня обязали описать русско-американскую встречу. Я выбрал этот патруль, так как на фронте всего корпуса он имел наибольшие шансы на успех.

Патруль следовал по проселкам и дорогам, ведущим через Горневиц, Делиц и Фремдисвальде к Роде. Подъезжая к очередному городу, мы, прежде чем въехать в него, замедляли ход и проводили тщательную разведку. Эти маленькие провинциальные городки большей частью спали, когда наши «джины» проходили через них. В некоторых городках уже побывали американские разведывательные патрули; на большинстве домов беспорядочно висели белые флаги. Кое-где любопытные подростки высовывали головы из окон верхних этажей. Небольшие группы жителей бесстрастно наблюдали, как американцы тихо двигались по улицам. Не было никакого сопротивления. Царила необычайная тишина. В это раннее апрельское утро казалось, что война далеко от этих серых домов и извилистых дорог.

Было по-прежнему холодно, туман не рассеивался. Патруль продвигался медленно, осторожно, готовый ко всему. Миновав Роду, майор Крейг решил ехать к Вермсдорфу. Издалека мы смогли различить огромный красный крест на крыше здания, которое, по-видимому, было большим городским госпиталем.

Мы достигли Вермсдорфа в 9.15. Часть патруля направилась прямо к госпиталю, а остальные обыскивали прилегающий район. Появились несколько французов.

бельгийцев, русских и поляков, угнанных в Германию и батрачивших на фермах. Стремясь помочь нам, они показывали, где скрывались немецкие солдаты. Большинство из этих солдат просто убежали из армии и вернулись домой. Тем не менее патрульные согнали их в одно место. В центр города привели бургомистра. Через переводчика майор Крейг велел ему обязать жителей вывесить белые флаги на всех домах. Всем немецким солдатам было приказано к 15 часам собраться в госпитале. В каждого немецкого солдата, которого увидят вне госпиталя, будут стрелять без предупреждения. Если что-либо произойдет, предупредил Крейг, бургомистр будет расстрелян, а артиллерия сровняет город с землей.

Бургомистр взобрался в один из «джипов» и повторил эти приказы людям, столпившимся вокруг, включая освобожденных батраков, которые были немного растеряны, но все же счастливы тем, что вновь обрели свободу. Крейг благоразумно не упомянул о том, что у него не было артиллерии, чтобы привести в исполнение свою угрозу, горстка наших людей — вот и все, чем располагала американская армия в этом районе.

До сих пор мы еще находились в зоне, выделенной нам для разведки. Вермсдорф лежал как раз у границы, которую установило командование полка. Когда немного раньше мы послали сообщение о нашем местопребывании, из полка ответили: «Не продвигайтесь дальше. Обследуйте этот район».

После того как патруль сообщил о захвате госпиталя в Вермсдорфе, нам разрешили двигаться на север: «Патрулю продвинуться в район с координатами 636166 (Дойч-Луппа-Вендиш). Обследуйте район и доложите».

Примерно в 11 часов патруль покинул Вермсдорф и двинулся через лес. На его северной опушке мы без особого труда целиком пленили немецкую санитарную роту. Но это вызвало новую задержку. А у многих из нас росло непреодолимое желание встретиться с русскими как можно скорее.

Незадолго до полудня мы натолкнулись на двух русских из перемещенных лиц, которые сообщили нам, что у русской армии есть понтонный мост через Эльбу в районе Штрелы и что сегодня утром их патрули видели в Ошаце, но они вернулись в Штрелу. Если русские были так далеко, то это значило, что мы должны были бы

выйти за пределы установленной нам зоны, чтобы встретиться с ними. Однако после получения доклада Крейга о подробностях захвата вермедорфского госпиталя из полка вновь передали: «Повторяем инструкции: вы не должны покидать пределы нового района».

Узнав это, я заявил майору Крейгу, что, если его приказы будут мешать выполнению нашей задачи, я сам пойду дальше и установлю контакт с русскими. Конечно, при условии, что он даст мне «джип» и своего переводчика.

По инструкции патруль продолжал оставаться в районе Дойч-Луппы-Вендиша. В 13.05 Крейг снова получил приказ оставаться на месте. Все же ребята страстно желали одного – двигаться дальше. Я повторил майору, что желаю идти вперед. Около трех часов наши «джипы» выехали из Кольбица. По дороге двигались сплошным потоком освобожденные от рабства люди, в том числе военнопленные союзных армий. Некоторые из них были пьяны. Все приветствовали нас радостными возгласами. Европа лежала в развалинах, но они впервые за долгие годы чувствовали себя свободными. Здесь же было много цивильных немцев. Они выглядели подавленными и были охвачены паникой перед лицом неминуемой катастрофы. Они спасались бегством — очень старые и совсем юные, больные и калеки. Попав в водоворот крушения своей нации, они присоединились к пугникам из других европейских государств.

Около четырех часов дня патруль направился к Тёрнину. Неподалеку от Эльбы мы остановились на вершине холма, чтобы осмотреть местность. Мы считали, что оттуда сможем увидеть плацдарм русских.

Внезапно всех охватило волнение. В полевой бинокль мы разглядели несколько колонн войск, двигавшихся по холму на север в район Либшюца. Мы допросили двух оставших немецких солдат, которые сказали, что это отступают немецкие войска.

Далее мы направилась на восток в Кланшвиц. Несмотря на холодный ветер, стало теплее. Когда мы проезжали через какой-то городишко, навстречу вырулили несколько быстро двигавшихся «джипов». Мы остановились. Люди в «джипах» оказались из патруля лейтенанта Котцебу. Они сообщили потрясающую новость: Котцебу

утром встретил русских, и сейчас он совсем недалеко, на восточном берегу Эльбы.

Крейг немедленно отдал приказ двигаться вперед, по направлению к Леквицу и Эльбе. Когда все «джипы» проехали мимо последних домов города и передовая машина была уже в 150 ярдах от его границ, настоящая пыльная буря справа по курсу заставила нас остановиться. Раскрыв рты, мы изумленно вглядывались. Там, по соседней дороге, ведущей из Заушвица, двигалась колонна всадников. У всех одновременно вырвалось только одно слово: «Русские!»

Всадники, видимо, тоже заметили «джипы». Они повернули направо и помчались галопом навстречу американцам. Среди них оказалось несколько солдат на велосипедах и мотоциклах. Мы повыскакивали из машин. Прошло некоторое время, пока первый русский подъехал к нам. «Я думал, что этот парень никогда не доедет, — сказал мне после один солдат. — Я не мог оторвать глаз от его мотоцикла. В нескольких ярдах от нас он бросил мотоцикл, отдал честь, улыбнулся и протянул руку. Потом подошли все остальные».

Так произошла эта встреча. Время — 16.45. Солнце клонилось к закату. День был ясный. Никто и подумать не мог, чтобы сказать что-нибудь вычурное. Американцы говорили на ломаном русском: «американски», русские отвечали: «русские». Это был исторический момент, каждый это понимал. Но никто не думал о речах «для истории». Единственное, что прозвучало несколько высокопарно, — это заранее составленная речь рядового первого класса Игоря Белоусовича. Родившийся в Шанхае в русской семье, Белоусович был включен в патруль как переводчик. Он сказал русскому старшему лейтенанту, подошедшему первым: «Я приветствую вас по этому историческому поводу от имени американской армии и нашего командования. Быть здесь — честь и слава».

Русский ответил не менее высокопарно: «Это историческое событие. Настал день, ради которого сражались обе наши армии. Для меня большая честь быть здесь. Замечательно, что мы встретились в этом месте. Наша встреча войдет в историю».

Но это были единственные высокопарные тирады. В целом же господствовало искреннее чувство дружбы между нами. Оно шло от чистого сердца. Большинство из

нас могли только улыбаться и произносить слово «товарищ». Кинокамер не было. Сделали фотоснимки. Обменялись сигаретами. Один американский солдат взобрался на лошадь русских и гарцевал вокруг. Каждый улыбался и чувствовал себя достаточно глупо, поскольку не мог почти ничего сказать. Все проклинали языковой барьер.

Встреча была короткой и довольно бессвязной. Русские были из Житомирского кавалерийского полка. Они сообщили, что направляются к Дрездену и должны спешить. Произошло нечто необыкновенное, хотя, собственно, еще ничего особенного и не произошло. Через несколько минут встреча окончилась и обе группы продолжали свой путь. Было чуть больше 16.45.

Мы мчались в облаках пыли в направлении Штрелы, чтобы соединиться с солдатами Котцебу. Никого там не ждали, повернули назад и направились на север, через Гёрциг к берегу реки напротив Крайница. На восточном берегу находилась другая группа русских. Через реку был установлен понтон на ручной тяге. Несколько русских сразу же начали переправляться. Достигнув западного берега, они построились для приветствия и выскочили на берег. Было много улыбок и рукопожатий, но никто не знал, что сказать. Несколько командиров и солдат нашего патруля переправились через Эльбу на восточный берег. Там заработали неожиданно появившиеся русские кинокамеры.

Сойдя с парома, мы медленно карабкались по грязному каменистому берегу к группе русских, которые толпились вокруг коренастого, небольшого роста человека с решительным выражением лица. Мы обменялись приветствиями, сначала несколько сдержанными. Белоусович представил нам этого человека как генерала Владимира Русакова, командира 58-й гвардейской стрелковой дивизии. Сначала генерал проявил предусмотрительность и, прежде чем продолжить беседу, попросил, чтобы мы представились.

Через Белоусовича генерал Русаков сообщил нам, что его дивизия входит в состав 1-го Украинского фронта под командованием маршала Конева. Они прошли с боями от Сталинграда до Эльбы. Генерал был, как он заявил, «горд, что его дивизия первой встретилась с американцами. Он отдает себе отчет, что это исторический момент». Но он хотел бы знать, где находятся

остальные части американской армии, когда она подойдет к Эльбе, какие бронесилы приданы пехоте, сколько танков поблизости. Патруль из нескольких «джипов» нельзя принимать в расчет. Ему приказано, заявил он, не переходить Эльбу. Он был озадачен, когда мы сказали, что нам отдан приказ не двигаться дальше Мульде.

Затем Русаков упомянул о том, что немцы бегут от русских, чтобы сдаться американцам. Мы сразу же заявили ему, что американская армия сражалась храбро и честно и не проявляла к врагу неразумного мягкосердечия. Нам показалось, что это ему понравилось. Он поспешил добавить, что глубоко уважает американскую армию. Теперь, когда мы соединились, сказал генерал, мы быстро положим конец войне.

Наконец обмен любезностями на берегу реки закончился. Русаков сказал, что патруль Котцебу угощают в другом месте. Он распорядился позаботиться о солдатах нашего патруля, а нас, офицеров, провел в соседний дом. Стол был накрыт, вино лилось рекой. Начался обмен тостами. Кроме меня были офицеры Крейг, Мори, Говард, Русаков, полковник — адъютант генерала и подполковник Александр Гордеев, которого Русаков с гордостью отметил, сказав: «Он у меня лучший командир полка». Переводил Белоусович.

Мы провозгласили тосты за руководителей России, Великобритании и Соединенных Штатов, выпили за здоровье всех командиров и солдат обеих армий. Каждый раз говорили «пей до дна», и все скоро захмелели. Торжественный момент наступил, когда мы произнесли тост в честь покойного президента Рузвельта, о ком все русские, по-видимому, знают и к кому они питают величайшее уважение и любовь.

В то время как внимание было привлечено к этому военному и дипломатическому протоколу, наш радист сообщил в полк о встрече. Дивизия предложила послать на место два самолета. Русские подготовили посадочную полосу. Командование нашего патруля стремилось организовать встречу полковника Чарльза Адамса и генерала Русакова. Генерал заявил, однако, что он получил инструкции не идти дальше Эльбы и любой эмиссар должен прибыть к нему.

Русские предложили отвезти нас в лагерь военнопленных союзных армий, освобожденный несколько дней на-

зад. Мы согласились и, незадолго до того как стемнело, отправились в лагерь близ Мюльберга, чуть севернее Крайница. Офицер из штаба подполковника Гордеева был нашим гидом.

Когда «джипы» подъехали к входу в лагерь, было почти темно, но не настолько, чтобы не увидеть, что мы американцы. Реакция напоминала приливную волну. Первый, кто нас увидел, изумленно воскликнул: «Боже мой, янки!» А когда «джипы» двигались по улицам лагеря, приветствия становились все громче и под конец гремели как гром. Американцы, англичане, французы, югославы, офицеры и солдаты всех национальностей приветствовали нас, пронзительно кричали, выражая свою радость. Мы были всего лишь горсткой американцев — не великой силой. Лагерные заключенные были освобождены уже несколько дней назад. Но даже наши «джипы» и американские мундиры были символами чего-то очень близкого им. Они штурмовали наши машины, хватаясь за баранки. Они до отказа набились в «джипы» и так ездили по лагерю. Им не терпелось поздороваться, пожать руку или хотя бы только дотронуться до людей из Штатов. Один военнопленный бежал за «джипом», в исступлении пытаясь сорвать с рукава какого-то солдата наплечный знак 69-й дивизии. В конце концов он оторвал его зубами. «Это на память», — улыбнулся он и поцеловал погон, прежде чем засунуть его в карман. В эти минуты бывшие узники выглядели простыми парнями, которые пали духом в годы неволи, но теперь ощутили реальность встречи с родным домом.

— Вы откуда?

— Они взяли меня в плен в Бельгии.

— Эти сукины сыны захватили меня в Дюнкерке.

— Попал в плен на линии Зигфрида в сентябре прошлого года.

— Меня схватили в Нормандии.

— Меня сбили над Бременом.

— Я из Нью-Йорка.

— Я из Лондона.

— Я из Сан-Франциско.

— Я из Парижа.

— Вы говорите по-французски? Я бельгиец.

Они изливали нам свои чувства бурно, беспорядочно, восторженно. Но никакими словами нельзя было выра-

зить самого главного: счастья наконец-то стать свободными людьми. Они провели нас в лагерь, угостили кофе. Больше всего они хотели разговаривать, задавать вопросы.

— Это правда, что Рузвельт умер?

— Фрицы относились к нам сносно до самого конца, даже дали радиоприемник. Но эти сукины сыны из СС вели себя жестоко и подло.

— А ты, приятель, когда-нибудь видел, как подстреленный нацистскими крысами американец умирает на улице, и ты не в состоянии ничем помочь. С нами такое бывало. Зрелище не из приятных. Любви к немцам это не вызывает.

— Конечно, мы знаем, что ваши ребята всего лишь патруль. А остальные все еще на Мульде? Проклятое местечко. Высшее командование их там держит? Теперь уж это ненадолго.

— Дай мне на память автограф. Я знаю, ты никакая не знаменитость, но для нас ты важнее любой знаменитости.

— Еще кофе? Его немного, но это все, что нам удалось сейчас достать.

— Уже уезжаете? Очень жаль. Ладно. Конечно, конечно. Мы понимаем. Счастливого пути. Пока, ребята. Удачи вам, друзья. Теперь почти все кончено.

Вот что они говорили. Вот как это было. Притихшие, мы покидали лагерь. Мы не совершили ничего особенного, но мы были символами, в которые эти люди верили в долгие дни заключения. И мы были горды своими мундирами и своими делами.

ЭНН
СТРИНГЕР

УРА, АМЕРИКАНЦЫ!

Эта корреспонденция должна была стать моей последней корреспонденцией с фронта. Первая была озаглавлена «В крепости Юлих. Германия, 24 февраля,

18.30», в ней я рассказывала о форсировании 9-й армией реки Роер зимой 1945 года. Форсирование Роера было первой наступательной операцией союзников после битвы в Арденнах, завершившейся в январе. Моими последующими корреспонденциями были «Взятие Кёльна» (5 марта), «Ремагенский плацдарм на восточном берегу Рейна» (10 марта), «Вместе с американскими войсками в Лейпциге» (11 апреля) и «Концентрационный лагерь Бухенвальд» (21 апреля). Но именно этой, последней корреспонденции суждено было стать самой важной.

Собственно, то, что я находилась на Эльбе, было прямым нарушением приказа. После моего сообщения из крепости Юлих штаб главнокомандования союзных вооруженных сил в Западной Европе повторил свои инструкции специально для того, чтобы они были «доведены до сведения Энн». Это был ультиматум, согласно которому я не должна была «выходить за рамки служебных обязанностей, налагаемых на женщин». Иными словами, мне предписывалось находиться вдали от передовой. Но я была корреспондентом (а не какой-то там корреспонденткой!) ЮПИ и в журналистском деле могла дать сто очков форы любому мужчине. Теперь я собиралась сделать первый репортаж о встрече советских и американских войск на Эльбе, а такой репортаж мог быть отправлен только с передовой.

26 апреля 1945 года. В то утро, когда мы с фотокорреспондентом Алланом Джексоном летели над Торгау на двух небольших самолетах «L-5», городок казался до жути безлюдным. Мы знали, что американские пехотинцы встретились здесь вчера с русскими. В конце концов наши самолеты приземлились на клеверном поле на западном берегу Эльбы. Выбравшись из самолета, мы, преодолев дорожные заграждения, вошли в Торгау.

Тут я впервые увидела русского — молодого парня, на котором были только синие трусы и пилотка со звездочкой. Множество русских солдат, раздевшись до трусов, плыли через реку на нашу сторону. Парень мчался по улице, и с него стекала вода. Увидав нас, он закричал:

В годы второй мировой войны Энн Стрингер стала военным корреспондентом Юнайтед Пресс Интернэшнл в Европе. После войны она продолжала работать в Европе, впоследствии вернулась в США. В настоящее время занимается журналистикой в Нью-Йорке

YANKS MEET REDS

The American and Russian Armies have met 75 miles south of Berlin to cut Germany in two and seal the final gap between the Eastern and Western Fronts. The linkup, announced spontaneously yesterday in Washington, Moscow and London, was made at 4:40 p. m. Wednesday at Torgau, on the Elbe River. Dispatches from the 12th Army Group indicated that

and Enters

Regensburg Captured by Patton Men

Regensburg, a strategic city on the Danube River, was captured by the 3rd Army of General George S. Patton yesterday. The city was taken after a fierce battle that lasted for several days. Patton's forces, including the 1st and 3rd Armies, advanced from the west, while the Russian 47th Army moved in from the east. The capture of Regensburg is a significant blow to the German defenses in the Danube region.

the junction was made when elements of the 273d Reg. of the 1st Army's 69th Inf. Div. met elements of Marshal Koniev's 1st Ukrainian Army.

The long-awaited junction, the greatest of any war in history, was announced in special statements yesterday by President Truman, Prime Minister Churchill and Marshal Stalin.

For days there had been indications that a linkup was imminent or had already taken place. First, Soviet troops had been listening on field radio receivers to Soviet officers giving orders to their troops across the Elbe.

Russian and American troops had been standing by in quiet ease and calm in officers of both armies had travelled between the converging lines to exchange plans and instructions.

Other plans for the rendezvous had been made between American and Soviet troops by radio.

Armies Span 2,200 Miles To Make Historic Junction

The two armies had fought their way to a juncture across the entire breadth of Europe—a distance of 2,200 miles from Stalingrad on the Volga, where the Germans crushed the Red Army in 1942, to the Elbe, where the Red Army met the Western Allies in 1945.

When they met Wednesday on the Elbe River they had between them 100 million people, the largest number of people in the world. The meeting was a historic moment in the war, marking the end of the German occupation of Europe.

Номер американской газеты «Старс энд страйпс» с сообщением о встрече на Эльбе.

«Ура, американцы! Ура, товарищи!» Охваченный дружескими чувствами, возбужденный, он повел нас к берегу, где мы нашли пару обшарпанных гоночных лодок. Поскольку все мосты были уничтожены немцами, мы поплыли через Эльбу на лодке.

Когда русские на восточном берегу увидели, что мы приближаемся, они бросились к реке через высокую мокрую траву, громко приветствуя нас. Среди радостных криков и бешеной пальбы из автоматов в воздух были слышны возгласы: «Да здравствует Рузвельт! Да здравствует Сталин!»

Солдаты помогли вытащить лодку на берег и выстроились по стойке «смирно». Один за другим они делали шаг вперед, отдавали честь, пожимали нам руки и возвращались обратно в строй. Потом лейтенант Григорий Отенчук, воевавший под Сталинградом, вышел вперед и от имени русских произнес речь. «Несколько лет назад, — сказал он, — немецкие солдаты были в Сталинграде. А теперь русские солдаты находятся здесь, в Германии, вместе со своими американскими союзниками».

Русские настояли, чтобы мы встретились с их командиром генерал-майором Владимиром Русаковым. Мы тронулись в путь. Я заметила, что почти у каждого из сопровождавших нас солдат на зеленоватой гимнастерке блестели медали.

Нас представили генерал-майору Русакову, спокойному коренастому человеку с иссиня-черными волосами. Он стоял в окружении своих солдат, а также американских солдат из 69-й пехотной дивизии, прибывших раньше. Командующий пригласил нас перекусить. Мне он сказал, что я первая американка, которую он и его подчиненные когда-либо видели, и посадил меня на почетное место справа от себя.

А потом начались тосты! Тосты за победу, вечную дружбу и вечный мир. Вскоре я поняла, что когда русские пьют за что-нибудь, то это дело серьезное. Мы пили коньяк. Потом вино. Потом шнапс. Потом водку. Потом еще что-то — я не могла разобрать, что именно, но по вкусу было очень похоже на спирт.

На завтрак были поданы сардины, пирожки с очень острой мясной начинкой, яйца. Русские брали сырые яйца, разбивали их и высасывали белок и желток.

После завтрака мы около часа беседовали со своими хозяевами. Материал для корреспонденции у меня был потрясающий — такого не было со дня высадки в Нормандии, — но он ничего не стоил, если бы мне не удалось его передать. Я понимала, что нужно возвращаться в Париж, и как можно быстрее. С большой неохотой покидала я этот праздник в Торгау и, добравшись до западного берега на все той же гоночной лодке, спросила у «моего» летчика, не может ли он доставить меня в Париж. Он очень терпеливо объяснил мне, что долететь до Парижа на крохотном «L-5» никак невозможно, но пообещал лететь на запад, куда хватит горючего.

Подхватив пишущую машинку и пленку, которую Аллан попросил меня передать, я влезла в наш «L-5», и мы полетели на запад. Внезапно пилот сообщил, что видит самолет «С-47» ВВС США. Мы полетели за ним. Непонятно, почему этот «С-47» приземлился на каком-то поле, и мы сели вслед за ним.

Я бросилась к двум американским летчикам и попросила доставить меня в Париж. Это их весьма развеселило и озадачило, и они спросили, что за спешка. Я объяснила, что только что встретилась с русскими, что у меня сенсационный материал и что мне просто необходимо попасть в Париж, чтобы передать его. Оба летчика понимающе улыбнулись — насмешливо и с явным недоверием. «Как же, как же, — сказал один из них. — Я, значит, Сталин, а вот он — Рузвельт».

Видя, что спорить бесполезно, я спокойно уселась на траву под крылом «С-47». Устроившись в тени, я открыла пишущую машинку и начала печатать. Удивленные летчики подошли сзади и стали читать через плечо. Когда я обернулась к ним, чтобы узнать, как их зовут и откуда они, намереваясь включить эти сведения в репортаж, их отношение мгновенно переменилось. «Гляди-ка, — кричали они, — да она и впрямь встретилась с русскими! Ну точно, встретилась с русскими! Поехали!»

Мы забрались в самолет и полетели в Париж. Хотя приземлились мы довольно близко от города, мне еще пришлось ловить попутную машину, чтобы добраться до Парижа. Приехав в отель «Скриб», где располагался пресс-центр для корреспондентов, аккредитованных при Армии США, я первым делом направилась к окошку цензора, куда и передала свой репортаж, который начала

писать под крылом «С-47», а закончила уже в полете. Вместе с ним я передала и пленку Аллана. Так мы стали первыми корреспондентами, сообщившими о встрече на Эльбе. В довершение всего Бойд Люис, который был главой ЮПИ при штабе главнокомандования союзных вооруженных сил, устроил мне выступление по радио с рассказом об этой волнующей встрече.

После войны мне удавалось добывать и другие сенсационные материалы: я брала интервью у канцлера Австрии Курта Шушнига, папы Пия XII, вдовы Муссолини, была корреспондентом ЮПИ на Нюрнбергском процессе, но ничто из этого не могло сравниться с тем репортажем о встрече с русскими в Торгау.

Бен
КЭЗМИР

КОГДА Я ВСТРЕТИЛСЯ С РУССКИМИ

Когда я встретился с русскими, я был пулеметчиком 261-го батальона полевой артиллерии 9-й армии США в чине капрала. 24 апреля 1945 года наша часть передислоцировалась из Зиденгрёбена на восток, в Гросс-Эллинген, немного западнее Эльбы. С этой позиции наша артиллерия почти не вела огня, так как у нас был приказ стрелять только по тем целям, относительно которых было достоверно известно, что это вооруженные силы врага.

Ходили упорные слухи, что русские близко. Когда множество немецких солдат начало переправляться через Эльбу в нашем направлении, стало ясно: русские уже совсем недалеко. По всему было видно, что война подходит к концу.

К утру 3 мая 406-й пехотный полк 102-й дивизии окопался на западном берегу Эльбы возле Шандау. Ожи-

Бернард (Бен) Кэзмир после войны работал агентом по продаже недвижимости.

дая русских, солдаты 102-й дивизии установили большой плакат так, чтобы его было видно с восточного берега. Надпись была по-русски, но английскими буквами. Грамматика, правда, оставляла желать лучшего, но настроение было передано хорошо:

NAZDAR RUSKIJ VOINSTVO
Mi vse tut, Josef
OT NAS 406—INFANTRY,
102 DIVISION, 9 ARMY
AMERIKANSKIJ VOINSTVO

Утром 3 мая я со своим другом, рядовым 1-го класса Брусом Ва, и собакой Пучи, которую подобрал пару недель назад, отправился на позиции 406-го пехотного полка. Мы с Брусом понимали, что что-то должно случиться, потому что в тот день мы не видели ни одного немецкого солдата, в то время как на прошлой неделе они попадались нам ежедневно.

Солдаты 406-го полка заметили передвижение войск на противоположном берегу, и нам приказали приготовиться к стрельбе. Стояло ясное утро, видимость была отличной.

Вдруг на другой стороне кто-то поднял красно-белый флаг. Я закричал: «Боже мой, да ведь это польский флаг!» — и бросился к берегу, размахивая руками, чтобы дать понять, что мы друзья, и тут же успокоил Бруса, сказав, что никакой опасности нет.

Мы решили перебраться через реку, чтобы поприветствовать солдат на другом берегу, и все трое — Брус, Пучи и я — погрузились в одну из лодок, брошенных немцами.

На восточном берегу нас встретили бойцы 1-го Украинского фронта, среди которых были и солдаты польской дивизии. Мы начали обниматься, целоваться, хлопать друг друга по плечу. Никогда в жизни я не целовал столько мужчин. Это были волнующие, счастливые минуты. Еще шла война, мы были на передовой, но знали, что мир близок. Всей душой и сердцем мы радовались этой встрече.

Мы с Брусом захватили с собой по одному НЗ* и по пачке сигарет каждый. Всем этим мы поделились с русскими и польскими бойцами. Сигарет на всех не хватило,

* НЗ — неприкосновенный запас.

поэтому те, кому они достались, разламывали их пополам и давали половину другим, жаждущим попробовать. Так же мы разделили и неприкосновенные запасы.

Русским и полякам очень понравились наши стальные каски и сапоги. Хотя в Америке я вырос в семье, где говорили по-польски, переводить мне было совсем нелегко: было много незнакомых слов. Наши друзья интересовались в основном, откуда мы и что нового слышно про войну. Некоторые говорили, что у них есть родственники в Америке.

Тут появился русский офицер. Он начал что-то громко и быстро говорить нам с Брусом, и только когда я сказал: «Не понимай по руску. Проше по польску мувич»* — он немного поостыл, поняв, что нам нужен переводчик. Подошли два польских солдата и перевели вопрос офицера: «Уполномочены ли вы своим командованием на эту встречу?» «Нет, — ответил я. — Мы просто переплыли через реку, чтобы приветствовать вашу армию. Мы готовы передать ваше послание». Тогда офицер сказал: «Вам нужно вернуться на свой берег. Мы не хотели бы, чтобы вы пострадали здесь от вражеского огня», — и тут же невдалеке послышалась перестрелка. «Ну вот, — сказал офицер. — Теперь ясно?» «Теперь ясно», — ответил я. Мы отдали друг другу честь. Офицер улыбнулся и пожелал нам всего хорошего.

Когда пришло время прощаться, какой-то русский солдат протянул мне монетку, как бы в обмен на то, что мы привезли с собой. И Брусу, и Пучи, и мне — нам всем было очень радостно, когда мы прыгнули в свою лодку и возвратились на западный берег.

В тот же день двое русских солдат переплыли реку и встретились с одним из наших офицеров, майором Реймондом Чепменом. Состоялось еще одно короткое празднование. Мы все уже начинали думать о родине.

Все это произошло более сорока лет назад, но я всегда помню эти минуты мира и дружбы, которые пережил вместе с русскими в тот ясный и солнечный майский день.

В апреле 1986 года группа советских ветеранов встречи на Эльбе посетила Детройт. Много же мы вспомнили тогда! На приеме в честь наших гостей я произнес краткую речь и рассказал о своей встрече с русскими на

* «Пожалуйста, говорите по-польски».

Эльбе. Затем я роздал всем по серебряному доллару в память о той монетке, которую подарил мне русский солдат. Один из ветеранов никак не мог понять, зачем я это делаю. Он озадаченно спросил меня через переводчика: «Что это за монета? Зачем она?» Когда переводчик объяснил ему, русский широко улыбнулся и расцеловал меня. Мы смеялись и обнимались точно так же, как тогда, на Эльбе. Дух Эльбы царил в тот вечер в Детройте — тот самый дух, который был с нами, когда мы с Брусом встретились с русскими в те последние дни войны.

Энди
РУНИ

ДЕНЬ ПОДАРКОВ НА ЭЛЬБЕ

1-й Украинский фронт Конева. 26 апреля. (Задержано доставкой.) Бурное ликование царило сегодня на восточном и западном берегах Эльбы возле Торгау. Встретившиеся здесь пехотинцы 1-й армии США под командованием генерал-лейтенанта Кертни Ходжеса и бойцы 1-го Украинского фронта маршала Конева, несмотря на языковой барьер, поздравляли друг друга и обменивались подарками: американскими НЗ и русской водкой. Это означает конец германской армии как боеспособной силы.

Рядовые 69-й пехотной дивизии, которым наконец-то не угрожал никакой враг, сидели на солнышке на берегу Эльбы, распивая вино, коньяк и водку, и слушали, как их новые русские друзья играют на аккордеонах и поют русские песни.

Русские солдаты — молодые и сильные и, как правило, немного коренастее американских — осмотрели американскую амуницию, а американцы не упустили возмож-

Эндрю (Энди) Руни был во время войны военным корреспондентом газеты «Старс энд страйпс». Сейчас он известный американский журналист.

ности пострелять из русских автоматов. На исходе дня то тут, то там можно было увидеть американского солдата, направляющегося к своему «джипу» в русских сапогах, и поменявшегося с ним обувью русского солдата, который никак не может справиться со шнурками на американских ботинках.

Если для большинства русских бойцов на Эльбе сегодняшний день не станет самым замечательным в их жизни — значит, они самые чудные солдаты на свете. Русские солдаты такие же простые и веселые, как американцы, только это как бы американские солдаты, помноженные на два.

Если вы знаете, что такое немецкий солдат, то русский является его полной противоположностью. Невозможно представить себе русского — солдафоном, марширующим гусиным шагом. Русские любят петь, смеяться и рисовать автоматными очередями узоры на кирпичных стенах.

Дорога на Торгау представляла собой необычное зрелище. Вереницы русских батраков, угнанных нацистами в Германию, работавших на немецких фермах, кто на повозке, кто пешком, двигались по шоссе, ведущему в Торгау, чтобы встретиться со своей армией, которая наконец принесла им освобождение. По другой стороне дороги, в обратном направлении, шла толпа усталых и испуганных людей. Это были немцы, бегущие от русской армии.

Увидев приблизившуюся колонну соотечественников, стоявшие вместе с американцами на берегу русские солдаты бросились к русским девушкам. Пошли разговоры и песни, объятия и поцелуи. Вокруг аккордеонистов образовывались кружки, человек по двадцать, и слышались русские песни, напоминавшие большинству американцев песню про волжские челны.

*Статья из газеты «Старс энд страйтс» от 28 апреля 1945 года.
Перепечатывается с разрешения «Старс энд страйтс».*

Получено 8 мая 1945 года

ДЛЯ МАРШАЛА СТАЛИНА ОТ ПРЕЗИДЕНТА

Теперь, когда советско-англо-американские войска принудили армии фашистских агрессоров к безоговорочной капитуляции, я хочу передать Вам и через Вас Вашим героическим армиям горячие поздравления нашего народа и его Правительства. Мы высоко ценим великодушный вклад, внесенный могучим Советским Союзом в дело цивилизации и свободы.

Вы продемонстрировали способность свободолюбивого и в высшей степени храброго народа сокрушить злые силы варварства, как бы мощны они ни были. По случаю нашей общей победы мы приветствуем народ и армии Советского Союза и их превосходное руководство.

Я буду рад, если Вы пожелаете передать эти чувства соответствующим Вашим командующим на поле боя.

ГАРРИ С. ТРУМЭН

ПОСЛАНИЕ ОТ ПРЕМЬЕРА И. В. СТАЛИНА ПРЕЗИДЕНТУ Г-НУ ТРУМЭНУ

Сердечно благодарю Вас за дружественные поздравления по случаю безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии. Народы Советского Союза высоко ценят участие дружественного американского народа в нынешней освободительной войне. Совместная борьба советских, американских и британских армий против немецких захватчиков, завершившаяся их полным разгромом и поражением, войдет в историю как образец боевого содружества наших народов.

От имени советского народа и Советского Правительства прошу передать американскому народу и доблестной американской армии горячий привет и поздравления с великой победой.

И. СТАЛИН

9 мая 1945 года

ЕСЛИ ЭТО АМЕРИКАНЦЫ, ТО ИМ НЕ МЕСТО ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ!

Я был стрелком-радистом 440-й эскадрильи бомбардировщиков 319-й авиационной группы ВВС США. 22 января 1944 года наш самолет «В-26» был сбит над Италией. Пилот со штурманом попытались довести подбитый бомбардировщик до базы, но он врезался в гору и взорвался, и они погибли. Двое стрелков открыли свои парашюты слишком быстро: ветром их затянуло в пламя, объявшее самолет, и их горевшие тела камнем упали на землю с высоты 10 000 футов. Меня и второго пилота взяли в плен, когда мы приземлились на парашютах. Сначала на грузовике, а потом в товарных вагонах нас доставили в Германию.

Я отчетливо помню, будто это было вчера, как меня, американского военнопленного, освободили советские войска в нацистской Германии. Я помню, как в июле 1944 года немцы решили перевести нас из лагеря для военнопленных в Хайдекруге в другой лагерь, потому что Красная Армия подошла уже совсем близко. Нас было около двух с половиной тысяч человек. Когда мы вышли на главную дорогу, то увидели, что она запружена беженцами с самыми разными повозками: старики и женщины впряглись в телеги и фуры вместо лошадей, дети тащили за собой тележки, доверху нагруженные вещами, которые беженцы обычно берут с собой, покидая дом. Время от времени встречались подростки в коротких штанишках и с рюкзаками на плечах, будто они собрались на прогулку, но большинство детей, как и стариков, были одеты очень бедно. Не было слышно ни звука, лишь скрип колес да шарканье ног. Прошло несколько часов, прежде чем нам удалось найти просвет в этой медленно тянувшейся колонне.

Годфри (Джефф) Боэм после войны работал репортером.

Когда мы наконец добрались до поезда, то узнали от других пленных, что охранники были вынуждены отгонять беженцев штыками, чтобы не дать нам смешаться с толпой. Нас запихнули в вагоны, рассчитанные на сорок человек или восемь лошадей, но немцы, как обычно, поместили по шестьдесят пять человек в вагон. Вся наша партия военнопленных заняла по крайней мере целый состав. Каждому из нас был выдан хлеб, и утром и днем, когда поезд останавливался, мы могли взять воды.

Я до сих пор помню, как во время одной из остановок поезда я увидел молодую немку, сидевшую на каком-то ящике. В одной руке она держала ребенка, в другой — чашку с супом, которым пыталась накормить младенца, и слезы текли по ее изможденному лицу, а суп тек струйками по платицу ребенка. Рядом с ней никого не было, и вроде бы ничто не мешало ей накормить ребенка грудью, но она сама так долго не ела, что у нее пропало молоко.

Так, все время делая остановки, мы ехали несколько дней. Потом нас погрузили в трюм парохода, настолько тесный, что, даже если бы мы все могли стоять, места все равно не хватило бы. Раз в день охранники поднимали люк и опускали в трюм ведро воды. Те пленные, что были поближе, дрались из-за нее. Кое-кому удавалось получить глоток, но большая часть воды, похоже, расплескивалась при драке.

На пароходе мы плыли два-три дня, затем нас снова погрузили в поезд. На этот раз на нас надели наручники, сковав по четыре человека: охранники объяснили это тем, что союзники якобы держат в наручниках немецких военнопленных. Потом нас поместили в товарные вагоны. Каждый вагон был разделен пополам проволокой, за которой находились шестеро охранников с пулеметом.

Через какое-то время и мы, и охранники успокоились и обменялись сигаретами. У одного из пленных оказалось что-то вроде консервного ножа, и с его помощью нам удалось открыть замки на наручниках. Было очень жарко, а пить было нечего. Около полудня поезд остановился. Заперев замки на наручниках, мы вывалились из вагона и поняли, что попали в новый лагерь.

Нас встретил большой отряд молодых солдат, вооруженных винтовками со штыками. Какой-то зверского вида полковник начал орать на нас (позже мы узнали, что его жена и дети погибли при бомбардировке Дрездена).

Солдаты с немецкими овчарками на поводках повели нас по дороге по четыре-пять человек в ряд. Немного погодя нам приказали бежать. Прямо перед нами упали несколько наших товарищей, организмы некоторых были настолько обезвожены, что через поры шла кровь. Один никак не мог подняться, а другой, который был прикован к нему, не мог поставить его на ноги. Подбежавший полковник приказал спустить собак, и те бросились на лежащего ничком пленного.

Тут полковник заметил, что один охранник не захотел колоть упавшего штыком, и, яростно крича, что-то приказал ему. Молодой солдат вытянулся по стойке «смирно», глядя прямо перед собой, но не двинулся с места. Полковник приказал охранникам увести его, а мы помогли отнести окровавленного товарища в лагерь. Бывшие среди нас врачи-англичане насчитали на его теле 76 ран от укусов собак и штыков. Он выжил, но мы сомневались, что остался в живых тот немецкий солдат, который осмелился не подчиниться приказу.

Последние дни войны. Мы находились в лагере для военнопленных летчиков № 1 возле Барга, рыбацкого поселка на берегу Балтийского моря. Это были голодные дни, особенно для двадцатилетних. Некоторые из нас за шесть недель потеряли в весе по пятьдесят фунтов. Как правило, один или двое теряли сознание во время ежедневной переклички.

Было бы гораздо хуже, если бы немцы принуждали нас работать, но, поскольку мы все были офицерами (в основном младшими) и согласно Женевской конвенции освобождались от работ, они на этом не настаивали. Однако всех советских пленных, независимо от чина, немцы заставляли делать самую грязную и тяжелую работу, и те трудились во всех четырех лагерных зонах под присмотром вооруженных охранников*.

В нашей зоне было 2,5 тысячи летчиков, и почти все они летали на бомбардировщиках; в основном это были

* Женевская (1929 г.) конвенция наряду с Гаагской (1907 г.) — международные правовые документы, регулирующие условия содержания военнопленных. Гитлеровское командование и власти грубо попирали международное законодательство, в том числе и Женевскую конвенцию, участницей которой являлась Германия. В жестоких условиях фашистского плена погибли сотни тысяч военнопленных. Но особенно тяжелыми были условия для советских

сержанты, доставленные сюда из лагерей в Хейдекруге и Киефхейде. Была, впрочем, небольшая группа летчиков-истребителей, и они были повыше нас чином. Полковник Ф. С. Габревски (Габби), знаменитый ас, был старостой в нашей зоне.

Днем 29 апреля прямо за нашей зоной раздался оглушительный, потрясший землю взрыв, за ним еще два. Мы бросились на землю. Огромные бурые клубы пыли, смешанной с обломками, поднялись над крышами барачков. «Это они готовятся уходить!» — крикнул кто-то и оказался прав: немцы уничтожали электростанцию и все коммуникации, служившие для снабжения не только лагеря, но и самого поселка Барт.

В тот вечер мы столпились у репродукторов, надеясь услышать новости о событиях во внешнем мире. Немецкие сообщения были почти столь же точны, что и новости, передаваемые Би-би-си, — их мы слушали по радиоприемникам, которые тщательно прятали, — а в двух случаях немцы оказались даже более оперативными: когда сообщили об открытии второго фронта на сутки раньше союзников и когда передали известие о смерти президента Рузвельта.

Страдающих от бессонницы становилось все больше и больше. К десяти часам вечера барачный коридор заполнился военнопленными — они сидели или лежали на полу, и огоньки их сигарет мерцали в темноте.

Все были уверены, что ночью будет бомбежка и безопаснее всего пересидеть ее здесь. Впрочем, время ночного бдения еще не наступило: закат только начинал угасать. Четверо ребят из 12-го отсека варили пойманную кошку, другие стояли вокруг и смотрели. «А что, ничем не хуже кролика», — сказал один из них.

В дверях появился Главный. «Есть что-то не хочется», — сказал он. Главному было 46 лет, он был худ и жилист, ростом немногим более пяти футов. Натурализованный американец, он свободно говорил по-русски, так

военнопленных, которые повсеместно использовались на каторжных работах. Только на оккупированной территории СССР немецко-фашистские захватчики уничтожили 3 млн. 900 тыс. советских военнопленных. Советский Союз, хотя и не был участником Гаагской и Женевской международных конвенций о военнопленных, в 1942 году заявил, что в своих действиях будет руководствоваться Гаагской конвенцией 1907 года.

как родился в России. С 8 лет он жил в Германии, где получил образование; в первую мировую войну служил в германской армии, воевал на западном и восточном фронтах, потом переехал жить в США. Он был еврей, но, когда был взят в плен венграми, выдавал себя за индейца племени навахо. Дело было так: он летал стрелком на бомбардировщике «В-24», и во время девяносто девятого вылета был сбит в районе Будапешта; на земле толпа крестьян чуть не линчевала его, но их предводитель вдруг решил, что им попался индеец. Насмотревшись в кино американских вестернов, они считали себя равными индейцам в искусстве верховой езды, говорил Главный.

Двоем мы вышли во двор.

«Думаешь, выберемся отсюда живыми?» — спросил я.

«Уже немного осталось, — ответил Главный. — Хватит волноваться за себя — подумайте, что творится там, за колючей проволокой. Солдаты Красной Армии, у которых паек-то — кусок хлеба с сыром да, может, немного супа, выигрывают войну, а вы тут ни хрена не делаете, только поете. А ведь среди них много женщин, и в эти минуты они сражаются и гибнут».

Я понимал, что он прав. Только что мы узнали из сообщений Би-би-си, что русские взяли Щецин, в семидесяти милях к востоку от нас, и теперь продвигаются в нашем направлении. Я обвел взглядом зону. Там, на западе, сквозь колючую проволоку и деревья виднелось Балтийское море. За морем был дом. На воде догорал закат. Мы вернулись в барак.

Ставни в нашем отсеке были закрыты. Двое ребят возились со светильником, представлявшим собой банку с маргарином, в которую был воткнут фитиль, вырезанный из солдатского ремня. Маргарин все равно был несъедобен, так что имело смысл использовать его для освещения. Лежа на нарах, мы болтали, спорили, рассказывали друг другу, как мама готовила начинку для индейки, обсуждали, что лучше всего делать с порошковым молоком, которое мы получали от Красного Креста, — оно называлось «Клим». Было около десяти часов, когда кто-то закричал: «Фрицы ушли! Прожекторы на вышках не двигаются!» Все как один вскочили с нар. «Они оставляют нас здесь!» Мы осторожно приоткрыли ставни, кто-то погасил маргариновую копилку. Прожекторы на сторожевых вышках, которые всегда прочесывали зону, все

еще светили — наверное, работал запасной генератор, — но были неподвижны.

В ту ночь почти никто не спал. На рассвете мы выбежали во двор. Двери барачков были заперты на висячий замок, так что выбирались мы через окна или тщательно замаскированные ходы, проделанные нами в полу. Ни часовых, ни собак. Все вокруг было спокойно.

На следующий день в бараках никого не осталось, кроме нескольких человек, которые занимались стиркой или пекли пироги в честь победы, причем некоторые пироги были в пять слоев, а величиной в два квадратных фута. Пекли их на жестяных противнях, сделанных из расплюснутых банок из-под «Клима»; чтобы пироги поднялись, добавляли зубной порошок (в нем была сода), а пироги делали из тертых сухарей, печенья из лагерного пайка, изюма, чернослива, шоколада и других сладостей, накопленных за долгие месяцы.

Уже темнело, когда вдалеке над деревьями на западной стороне мы увидели первую ракету. Ярко-красным шаром она медленно описала плавную дугу и погасла. Через несколько секунд еще три ракеты — одна красная и две синие — взмыли по той же траектории. «Пехотные ракеты, — сказал Главный. — Красная Армия!»

Громкоговорители починили еще днем, и теперь из него неслась легкая музыка. Около десяти часов вечера посреди песенки «Дай мне простор» ворвался голос диктора, читавшего сводку новостей: «Мы установили контакт с русскими! Би-би-си сообщает, что Красная Армия взяла Берлин. Гитлер мертв!»

Новость распространилась с быстротой молнии. Мы бросились из комнат в коридор, навалились на двери и, выломав их, высыпали наружу. Из всех барачков сквозь сорванные двери выбегали люди. Нас было 2500 человек, и мы вопили, кричали, свистели, махали руками, прыгали друг на друга, хохотали как сумасшедшие, что-то истошно орала, задрав кверху головы. Когда в нашей зоне на минуту наступало затишье, на нас начинали накатываться волнами рев и крики из остальных трех зон — и так без конца, пока мы совсем не охрипли. И даже потом, через много часов, когда шум почти утих, из других зон доносились отдельные голоса: «Дядя Джо! Ура! Дядя Джо!»*

* Шутливо-фамильное прозвище И. В. Сталина.

Первого мая в восемь утра Габрески собрал нас всех вместе. Он сказал, что мы больше не пленные, но что «мы по-прежнему солдаты и теперь это армейский лагерь». При первой же возможности, сообщил он, нас отправят домой. И добавил, что русские попросили, чтобы мы надели черные нарукавные повязки в знак траура по президенту Рузвельту. Те из нас, кто не смог достать черной материи или бумаги, нарисовали повязки карандашом на рукаве. После переклички, когда раздалась команда «разойдись», ни один человек не двинулся с места. Целую минуту мы стояли по стойке «смирно» — так мы почтили память нашего президента.

В тот же день мы сорвали колючую проволоку вокруг всей зоны. Все, что было в бараках металлического и деревянного, все шло в дело; мы прямо-таки вгрызались в эту проволоку. Те, кто опрокинул заграждение в западной части зоны, устремились через дорогу и начали крушить немецкий склад: били окна, ломали двери и, взяв вагонетки, стоявшие у сторожевых вышек, таранили его до тех пор, пока он не сдвинулся с фундамента и не рухнул.

Вечером к нам в отсек пришли гости: 11 бывших пленных красноармейцев, размещавшихся в соседней зоне. Немцы приводили их к нам под усиленной охраной два раза в неделю; при них был бак на колесах, в который они вычерпывали содержимое выгребных ям. Кое-кто из нас ухитрялся угощать их сигаретами, когда не видела охрана.

Иногда Главному удавалось переговорить с одним из них — сержантом, который всегда носил казачью фуражку. Главный рассказал нам, что это летчик-истребитель; однажды он кинул Главному пригоршню сырых луковиц, и их восхитительный аромат, когда мы потушили их вместе с картошкой, просто сводил с ума остальных ребят из нашего барака!

Этот самый сержант в казачьей фуражке и привел гостей; вот они шумно общаются с Главным, кричат что-то друг другу по-русски, а мы стоим и смотрим. Вдруг кто-то вспоминает, что мы все-таки хозяева, и мы делаем нашим гостям бутерброды с колбасным фаршем и консервированным тунцом, варим кофе. Все улыбаются, пожимают друг другу руки. 11 русских и 24 американца втиснуты в комнату размером всего пятнадцать на двадцать

четыре фуга, да еще вдоль стен стоят тройные нары. Но мы вполне можем сидеть на столе, на нарах, на полке под окном — ведь и мы, и наши гости привычны к тесноте.

Немного погодя Главный начинает переводить нам, что ему рассказали русские. «Немцы, перед тем как уйти, убили 98 русских военнопленных. Днем их забрали из барака и повели в концлагерь для французов, который находился в трех милях отсюда. Эти 11 человек сбежали в лес, догадавшись, что их ждет. Но не убежали совсем, а пошли вслед за колонной пленных. Они видели, как немцы под дулами автоматов заставили их товарищей вырыть глубокую яму, выстроиться около нее, а потом скосили их автоматными очередями».

Когда русский в казачьей фуражке в первый раз объявился в нашей зоне, он был поражен, увидев, что колючая проволока все еще на месте. «Кто эти люди за колючей проволокой? — спросил он у нашего начальства. — И что за люди на сторожевых вышках?»

«Это наши солдаты, — был ответ. — Мы сторожим их, чтобы они не разбежались куда попало, так, что их потом не найдешь».

«Если это американцы, — сказал русский, — то они освобождены, и им не место за колючей проволокой. Они свободные люди. Откройте ворота и выпустите их на волю». Тут он перешел на крик: «Они должны в городе праздновать вместе с нами свое освобождение и Великую Победу! Они должны вкусно есть, спать в чистых постелях, а не жить в этих вонючих бараках!»

Вслед за этим пришли части Красной Армии. Целыми днями мы с Главным слонялись среди русских солдат — так интересно было их расспрашивать! Мы разговаривали с 12-летним подростком, которого война сделала сиротой, и он сказал нам: «Армия для меня — отец с матерью». Мы разговаривали с врачом, работавшим круглыми сутками, чтобы спасти тех немногих из близлежащего концентрационного лагеря, которые выжили.

К 4 мая войска Красной Армии провели все необходимые восстановительные работы в нашем лагере и в Барте, разминировали летное поле и испробовали его возможности для взлета и посадки. Русские учредили в Барте новые административные органы и сообщили в штаб-квартиру союзных войск в Лондоне о нашем осво-

бождении и о том, что аэродром в полном порядке. Кроме того, они пригнали коров и свиней, обеспечив нас свежим мясом.

Большинство из нас покинуло лагерь 13 мая: бомбардировщики «В-17», демонстрируя внушительную мощь, один за другим прилетали за нами в Барт. Это был первый этап нашего возвращения с войны.

Да, я помню наше освобождение так ясно, будто это было вчера. Сегодня — и в Советском Союзе, и повсюду в Европе, и в Японии, и в США — на могилы миллионов павших во второй мировой войне возлагают цветы, их оплакивают, о них вспоминают. Но мы оплакиваем и других — их тоже были миллионы — миллионы матерей и отцов, сыновей и дочерей, от которых остались груды обуви и одежды, зубов и волос, людей, которые были превращены в топленый жир, абажуры и золу. У них нет могил.

Я до сих пор вижу лица, множество лиц, которые за все эти годы не состарились в моей душе. Отчаявшиеся лица бесчисленных беженцев, задыхающихся на пыльных сельских дорогах разоренной Германии. Изможденное лицо матери, у которой не было молока для младенца. Оскаленные морды рычащих овчарок и лицо молодого немецкого солдата, который не пошел против своей совести, предпочтя смерть. Лицо нашего Главного, лицо Габрески, лицо русского сержанта в казачьей фуражке. И я помню все те лица — лица, исполненные радости и надежды, — которые я видел, когда русские воины освободили наш лагерь американских военнопленных. Было это, в общем-то, не так уж давно, когда мы соединились с русскими на дорогах войны.

**МЫ ЭТОЙ ПАМЯТИ
ВЕРНЫ**

КАК МЫ «СТАЛИ БОГАЧАМИ»

Кто из американских ветеранов встречи на Эльбе поехал в 1955 году в Россию? Всего нас было 9 человек: я, Илайджа Сэмс из Северной Каролины, Чарльз Форрестер из Южной Каролины, Фред Джонстон из Пенсильвании, Боб Хааг из Индианы, Байрон Шивер из Флориды, Клод Мур из Теннесси, Эдвин Джери из Мичигана и Джо Половски из Чикаго.

В начале 1955 года Джо Половски послал русским приглашение приехать в Вашингтон, чтобы принять участие в праздновании 10-й годовщины встречи на Эльбе. Приглашение было принято, но, обратившись за въездными визами в США, русские узнали, что у них должны будут взять отпечатки пальцев. Насколько я понимаю, в России отпечатки пальцев берут только у преступников, поэтому русские отказались пройти эту процедуру. Они, в свою очередь, послали приглашение Джо приехать вместе с американскими ветеранами в Москву на празднование Дня Победы.

В конце апреля 1955 года двенадцать американских ветеранов собрались в Вашингтоне отпраздновать 10-ю годовщину. Пока мы находились в столице, нас пригласили в советское посольство на коктейль, где присутствовали посол СССР в США Г. Н. Зарубин и представители прессы. Русские вызвались оплатить всю поездку, включавшую в себя десятидневное пребывание в СССР. Нам, однако, это представлялось неприемлемым: мы хотели, чтобы по крайней мере половину расходов взяла бы на себя американская сторона. Увы, в то время никто не предложил своей помощи.

У большинства из нас денег тогда было немного — некоторым даже пришлось добираться до Вашингтона на попутных машинах, чтобы успеть к 25 апреля — дню празднования 10-й годовщины. Джо Половски удалось достать примерно треть средств, необходимых для того,

Мюрри Шульман родился в Нью-Йорке в 1925 году. Во время встречи на Эльбе был рядовым. После войны занимался бизнесом, ныне пенсионер.

чтобы долететь до Парижа, где нас встретили бы русские.

Наша группа сумела добраться до нью-йоркского аэропорта Айдлуайд* — но не дальше. Это было 3 мая. У нас были паспорта с визами, но не было денег. Там же, в аэропорту, мы выступили на пресс-конференции, передававшейся по телевидению. Джо сказал тогда: «С божьей помощью мы наберем эти 5580 долларов, совершим эту поездку и выполним свою задачу, донеся до советских людей точку зрения американцев, и тем самым внесем вклад в дело мира».

Поскольку, однако, не нашлось никого, кто согласился бы оплатить эту часть нашего путешествия, мы отправились из аэропорта ко мне домой. Там мы пришли к выводу, что по понятным причинам не можем принять предложения русских. Мы проговорили весь вечер и решили на следующий день разъехаться по домам, так как не было никакой надежды достать денег.

Вдруг около полуночи мне позвонил Бернард Барб, репортер из «Лонг-Айленд пресс». Я объяснил ему наше положение, и он сказал, что свяжется с Уолтом Фреймером, продюсером телевизионной викторины «Стань богачом». Нам было известно, что эта передача может помочь людям, нуждавшимся в средствах. Через некоторое время Барб перезвонил мне и сообщил, что на следующее утро мы приглашены участвовать в викторине.

Кроме нас в передаче принимали участие еще две женщины: у одной было двое маленьких детей, и ей нужны были деньги, чтобы оплатить счета за газ и электричество, другой была необходима новая швейная машина, чтобы заработать себе на жизнь. Ну а нам были нужны девять билетов на самолет до Парижа и обратно.

В то утро наша очередь была последней. Мистер Халл, ведущий передачи, расспросил нас о нашей предполагаемой поездке и о том, для каких целей нам нужны деньги. Объяснив телезрителям, почему мы хотим поехать в Россию, он начал задавать нам вопросы викторины. Первый вопрос относился к военной тематике: «Где служил Генри Арнольд** — в армии или на флоте?» Ну это мы знали — конечно, в армии. За этот ответ мы получили 60 долларов и по коробке стирального порошка

* В настоящее время — аэропорт им. Дж. Кеннеди.

** Генри Арнольд (1886—1950) — американский генерал, участник первой и второй мировых войн.

ФАБ впридачу. Но тут истекло время передачи, и нам сказали, что на остальные вопросы мы будем отвечать завтра утром.

На следующий день перед началом передачи с нами поговорил мистер Фреймер. Он сказал, что в целом мы смотрелись неплохо, но что сегодня надо говорить с большим воодушевлением, нужно обратиться со страстным призывом к американскому народу — ведь речь шла о немалой сумме денег.

На этот раз мы отвечали на вопросы первыми. Кроме нас в викторине принимали участие дочь Букера Вашингтона*, которой нужны были средства на содержание школы, и женщина-инвалид, желавшая приобрести пишущую машинку, чтобы зарабатывать себе на пропитание (что ей, кстати, и удалось).

Мы снова объяснили телезрителям, чего мы хотим, и приступили к ответам на вопросы, имея в запасе 60 долларов, полученных накануне. Но перед этим Илайджа Сэмс заявил, что если нам не удастся получить необходимой суммы, то все выигранные нами деньги пойдут в Фонд исследований в области сердечно-сосудистых заболеваний.

Мы начали с того, что угадали название исполненной песенки, и наш выигрыш возрос до 120 долларов. Еще один правильный ответ — и у нас уже 240 долларов. Наконец, Клод Мур, живущий в штате Теннесси, выкрикивает ответ на последний вопрос: «Теннесси!» Теперь у нас 500 долларов. Тут мистер Фреймер объявил, что передача «Стань богачом» удваивает приз, — и мы внезапно становимся обладателями 1000 долларов и девяти больших пачек ФАБ! Я все еще не оставил мысли о том, что по крайней мере половина затрат на нашу поездку в Россию должна быть оплачена американским народом, и, когда я сказал об этом телезрителям, отзывчивые американцы пришли нам на помощь. Тут же начались телефонные звонки из всех сорока восьми штатов — служащие телекомпании Си-би-эс не успевали на них отвечать. Наконец мистер Фреймер объявил телезрителям, что компания «Колгейт Палмолив», финансирующая передачу, готова гарантировать сумму, необходи-

* Букер Вашингтон (1856—1915) — известный американский негритянский просветитель.

мую для приобретения девяти авиабилетов до Парижа и обратно. Услышав это, я вспомнил все, что нам пришлось пережить, чтобы добиться своей цели, и едва сдержал слезы. Теперь мы могли принять советское приглашение. В довершение всего мистер Фреймер дал каждому из нас по 20 долларов своих личных денег и угостил кока-колой.

Должен признаться, что с моей стороны принять это приглашение было эгоистичным поступком. В то время, как вы помните, так называемая «холодная война» с Советским Союзом была в самом разгаре. В Советский Союз никто не ездил, из Советского Союза никто не приезжал. Все мои домашние — и жена, и родители, и родственники жены — были против этой поездки. Но я все-таки поехал. Я понимал, что это редкая возможность, и я поехал. Но во время моего отсутствия моей жене много раз звонили по телефону с оскорбительными обвинениями.

Мы прибыли в Москву в полночь 9 мая. Главной темой, которую мы обсуждали на встречах с русскими, был мир между СССР и США. Мы совершили поездку по Москве, посетили Мавзолей Ленина и Сталина, и в нашу честь был устроен прием в американском посольстве. Некоторые из нас поехали на экскурсию в колхоз, а мы с Фредом Джонстоном и Клодом Муром посетили синагогу. Мы также сделали покупки в ГУМе на Красной площади и присутствовали на банкете, данном в нашу честь в Центральном доме Советской Армии. Там мы познакомились с советским солдатом, первым поднявшим Красное знамя над рейхстагом.

Во время нашего пребывания в России советские ветераны были очень гостеприимны и заботились о нас как могли. Все мы вновь подтвердили свою верность Клятве, данной в 1945 году на Эльбе, — Клятве, призывающей к мирному сосуществованию и взаимному уважению в отношениях между нашими великими странами.

Три года спустя, в 1958 году, делегация советских ветеранов приехала в США на празднование 13-й годовщины встречи на Эльбе. Я пригласил их к себе в гости, и мы славно пообедали. На следующий год я вместе с Джо Половски, Чарльзом Форрестером и другими американскими ветеранами совершил ответную поездку в Советский Союз. На этот раз мы сами оплатили дорогу.

Как-то в конце войны я участвовал в освобождении концентрационного лагеря в Германии. Не могу сейчас с точностью сказать, где это было, но это было. Я входил в состав специальной команды, под присмотром которой немцы раскопали огромную общую могилу и похоронили каждое тело отдельно. Пока я жив, не смогу забыть этого, не забуду страшного тошнотворного запаха. Я исповедую иудейскую веру, и, увидев, что совершили нацисты по отношению не только к моему народу, но и к людям других вероисповеданий, я поклялся после войны, что никогда больше не вернусь в Германию.

Но я все-таки вернулся.

В начале 1985 года до меня дошли разговоры о предстоящем праздновании 40-й годовщины встречи на Эльбе в Торгау. Обсудив все с женой, решили вместе поехать в Торгау, где провели 5 дней.

Сейчас, когда пишу эти строки, я благодарю бога за то, что мне довелось принять участие в этом великом событии. Я встретился не только с американцами, с которыми не виделся 25 лет, но также и с советскими ветеранами, с которыми познакомился в 1955 году в Москве. Я не в силах выразить волнения, охватившего меня, когда я вернулся в Торгау, на Эльбу, в те места, где побывал в апреле 1945 года и где памятная встреча наших двух армий расколола пополам нацистскую Германию, ускорив конец войны, стоившей всем нам стольких жертв.

Даже теперь мне не хватает слов, чтобы описать свои ощущения, когда, приехав спустя сорок лет в Германию, увидел, как тысячи немцев — и взрослых, и детей — приветствуют меня как героя. Да, благодарение богу, что я вернулся.

Алексей
БАРАНОВ

СПУСТЯ ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Мне снова посчастливилось увидеться со старыми друзьями, американскими ветеранами, спустя десять лет после первой встречи на Эльбе. На этот раз мы увиделись

в Москве. Я смотрю на фотографию и вспоминаю тот момент. В 23.55 к зданию аэровокзала подрулил самолет, и вот по трапу спускаются наши гости. Мы приветствуем их, выражаем надежду на то, что встреча будет способствовать улучшению взаимопонимания между нашими народами. С ответной речью выступил Мюрри Шульман. Он выразил свое удовлетворение приездом в Москву. Джо Половски горячо высказался за улучшение отношений между нашими двумя странами. Тут же американские гости встретились с Григорием Голобородько и другими нашими ветеранами. Волнующие объятия и крепкие рукопожатия.

Американские ветераны вместе с нами отметили десятилетие нашей Победы над немецким фашизмом.

В мои обязанности входило сопровождение гостей. Они побывали в Московском Кремле, театрах, типографии газеты «Правда», в подмосковном колхозе «Луч». Где бы ни появлялись американские друзья — в метро, театре или просто на улице, — всюду их тепло приветствовали.

12 мая 1955 года Маршал Советского Союза В. Д. Соколовский устроил в Центральном доме Советской Армии прием в честь американских ветеранов.

К сожалению, американские друзья недолго гостили у нас — всего четыре дня. И все эти дни были очень насыщены. Нам хотелось показать гостям все достопримечательности советской столицы.

Перед отлетом Джозеф Половски от имени своих товарищей поблагодарил советских ветеранов за теплый и радужный прием, оказанный им в Москве. «Мы, американские ветераны, — сказал он, — оставляем здесь частичку своей души. Надеемся, что мы встретимся еще не один раз».

В дни, когда отмечалось 40-летие Победы, мне в составе делегации Советского комитета ветеранов войны посчастливилось поехать в Торгау, где я снова встретил старых друзей — ветеранов исторической встречи на Эльбе.

ПЯТНАДЦАТЬ ТЫСЯЧ АМЕРИКАНЦЕВ ПРИВЕТСТВОВАЛИ НАС

Мне запомнилась встреча ветеранов Эльбы, происшедшая спустя 13 лет, в 1958 году, в Нью-Йорке и Вашингтоне. В самый разгар «холодной войны» нас тепло принимали на американской земле. Помню, как в Вашингтоне ко мне в отель пришел Джозеф Половски. Я не могу теперь уже с точностью воспроизвести его слова, но смысл их таков: «Дорогой Александр Гордеев! Эльба и дух нашей встречи должны быть вечным символом дружбы между американским и советским народами. Надо сделать так, чтобы никому не удалось посорить наши два великих народа».

Вспоминается и другой случай. Нас пригласили на бейсбольный матч на стадион Гриффита. Играли популярные команды «Янки» и «Сенаторы». И вот когда в перерыве по радио было объявлено, что на матче присутствуют русские ветераны Эльбы, 15 тысяч зрителей громко приветствовали нас и дружбу американских и советских ветеранов.

Мир на Земле сейчас очень хрунок. Велика опасность возникновения войны. Долг каждого человека любой национальности, любого цвета кожи, любых политических убеждений состоит в том, чтобы приложить максимум усилий для сохранения мира и жизни на Земле.

Здесь особенно велика роль ветеранов войны, испытавших все тяготы минувших сражений. Мы должны помнить Клятву, которую дали во время исторической встречи на Эльбе, — не допустить новой войны. Ведь мы были братьями по оружию, по борьбе с общим врагом.

МОЙ АМЕРИКАНСКИЙ ОРДЕН

(Беседа с корреспондентом газеты «Неделя» Эдуардом Церковером)

— После Дня Победы американское командование предложило нашему,—говорит А. К. Горлинский,—представить список наиболее отличившихся в последних боях советских генералов и офицеров — для награждения их орденами США. В этот список включили и мою фамилию. На торжественной церемонии в Лейпциге генерал Ходжес от имени президента Соединенных Штатов вручил нам ордена Легиона офицерской чести.

— Алексей Кириллович, Вам известен статус этого ордена?

— Естественно. Это очень редкая награда. Орден учрежден, как мне говорили, в 1825 году (в центре креста изображены 13 звездочек, символизирующих 13 штатов, которые составляли тогда США), а у моего орденского знака, врученного через 120 лет после учреждения, номер всего лишь 761-й. Каждый американец, увидев этот орден, обязан встать, чтобы приветствовать его кавалера. «Легион чести» дает право на свободный въезд в США, на получение земельного участка в Америке и ежемесячно 30 долларов до конца жизни. Но я эти доллары не получаю: тогда, в 1945-м, группа награжденных написала президенту США просьбу перечислять кавалерские деньги в детский дом (если не ошибаюсь, в Ивановской области), где воспитывались дети солдат, павших в боях против фашистов. Прошло много лет, эти дети выросли, некому стало переводить наши доллары. В 1986 году, будучи в США в составе делегации Советского комитета ветеранов войны, я на встрече с американскими конгрессменами взял слово и попросил переводить их в Советский фонд мира.

— То была Ваша первая поездка в США?

Алексей Горлинский родился в 1918 году в Киеве. Окончил химический факультет Киевского университета. На фронте был офицером-артиллеристом. После войны стал преподавателем Академии Генерального штаба. Сейчас генерал-майор в отставке.

Третья. В 1975-м ездил по случаю 30-летия встречи на Эльбе. В 1981-м наша делегация ветеранов участвовала в первой Международной конференции освободительной узников фашистских лагерей, организованной Советом памяти жертв фашизма при президенте США; проходила конференция в Вашингтоне, в здании государственного департамента. Тогда было немало трогательных знакомств, одно из которых меня особенно взволновало. Подошла ко мне пожилая женщина со взрослой дочерью; она узнала, что я участвовал в освобождении узников Герезинского концлагеря, и сказала дочери: «Поклонись этому человеку, благодаря ему я осталась жива!» А в 1986 году была большая поездка по Америке; в Далласе мне вручили диплом почетного гражданина этого города, получил я и диплом почетного гражданина штата Канзас.

— Наверное, бываете и на Эльбе, на том самом месте...

— Конечно. Но не всегда только по радостному поводу. Ездили мы хоронить Джо Половски. Он в 1983 году прислал письмо в наш Комитет ветеранов войны, сообщал, что жить ему осталось недолго (неизлечимый рак) и что завещает похоронить его, шофера грузового такси, там, где он, бывший солдат разведгруппы 69-й пехотной дивизии США, впервые пожал руку советскому солдату. Мы и американские ветераны похоронили его в Торгау, отдали дань его памяти на многолюдном митинге. Рядом со мной стоял сын Джозефа, юный Теодор Половски... Одновременно у многих ветеранов возникла идея: сделать совместное заявление, подтвердить клятву дружбы и союзничества, данную на Эльбе в 45-м. На согласование текста и написание этого заявления понадобилось четверть часа! Все мы потом говорили: «Эх, если бы дипломаты договаривались так же быстро, как мы, ветераны...»

Ну и американские ветераны войны не раз бывали в СССР. Приезжал и Джо Байерли: вот у кого удивительная судьба! Сержант 101-й воздушно-десантной дивизии США, он воевал во Франции; раненым оказался в плену у гитлеровцев, бежал из концлагеря, попал к нашим танкистам и сражался в рядах Красной Армии. Ему довелось встретиться с Георгием Константиновичем Жуковым.

Приезжал и Дональд Халл, участник встречи на Эльбе, а ныне президент Международной ассоциации люби-

тельского бокса; он был в 1986-м у нас на Играх доброй воли. Когда-то Дональд предложил маршалу Жукову провести соревнования армейских спортсменов СССР, США, Англии и Франции; маршал ответил, что идея ему нравится, но, чтобы осуществить ее, требуется тщательная подготовка. «В Играх доброй воли моя идея, в несколько ином виде, все же осуществилась!» — восклицал Дональд...

— Что говорят американские ветераны о ядерной угрозе миру?

— Я мог бы привести множество их высказываний, искренних и решительных. Тот же Джо Байерли заявил: «Все мы хотим мира и не имеем права допустить, чтобы планету постигла ядерная зима!» Эту мысль выражают все, «кто нас на Эльбе обнимал...», с кем мы тогда братались.

Неделя. № 48. 1987 г.

Энн СТРИНГЕР

ЛЮДИ МОГУТ ЖИТЬ ДРУЖНО

Так ли уж давно все это было? Битва в Арденнах, хваленая крепость Юлих, содрогающаяся под ударами наших огнеметов. Внезапный захват ремагенского моста. И тот незабываемый день в Торгау, когда молодой русский солдат, в одних трусах и пилотке на голове, бежал по улице и, увидев меня с Алланом Джексонном, закричал: «Ура, американцы!»

Тогда мы думали, что не только для нас, но и для всего человечества открывается новый мир. Для миллионов людей во всей Европе это было, как освобождение от рабства. Те из нас, кто оказался в горниле войны, испытали личное горе. Я потеряла своего мужа Билла — он был корреспондентом агентства Рейтер и погиб в бою. Говорили, что я заняла его место «со слезами в глазах». Бессмысленная потеря, бессмысленная смерть, как и многие другие смерти в той ужасной войне.

Но все же я не могу забыть тот жизнерадостный, безграничный оптимизм встречи в Торгау, тех русских,

которые приветствовали меня с Алланом, неистово паля в воздух, их ликующие крики: «Ура, американцы!» Помните, я подумала тогда: это стреляют не враги, а русские — наши союзники и друзья. Странно, но выстрелы эти казались какими-то особенно дружелюбными, да так оно и было на самом деле.

В тот день не было языковых барьеров. Все были так рады, что остались в живых. Тогда, более сорока лет назад, мы доказали в Торгау, что люди могут жить дружно, что у них много общего, несмотря на различия в воззрениях. Это был день, который мы должны помнить всегда, из года в год, день, о котором не следует забывать руководителям наших стран!

Элис
ЗИГЕРТ

ВETERАНЫ ВСТРЕЧАЮТСЯ ВНОВЬ

Торгау, ГДР. Несмотря на то что состоявшаяся в этом городке на Эльбе торжественная церемония подверглась бойкоту со стороны официальных лиц США, американские и советские ветераны съехались сюда, чтобы отметить 40-ю годовщину своей исторической встречи и призвать к возрождению духа американо-советского сотрудничества.

Около 20 000 человек собрались в этот пасмурный день на торжества по случаю новой встречи американских и советских солдат, чьи армии соединились здесь четыре десятилетия назад. Та знаменитая встреча на Эльбе между солдатами 69-й пехотной дивизии Армии США и 58-й гвардейской дивизии Красной Армии подписала смертный приговор нацистской Германии. На этот раз те же самые люди вновь обнялись и пожали друг другу руки.

На церемонии, состоявшейся у мемориала павшим советским воинам на берегу реки, ветераны подтвердили свою верность Клятве, данной сорок лет назад в память о погибших в боях, — война не должна повториться.

Элис Зигерт — корреспондент газеты «Чикаго трибюн».

С американской стороны Клятва была зачитана Уильямом Бесвиком из города Вест-Пойнт, штат Виргиния, вице-президентом Совета ветеранов 69-й дивизии, вместе с которым в Европу приехали 60 американских ветеранов со своими женами.

Генерал Юрий Науменко, глава советской делегации, состоящей из 25 человек, сказал, что из десятков миллионов солдат и гражданских лиц, погибших на войне, 20 миллионов были советские люди. «В нашей стране нет ни одной семьи, для которой война не обернулась бы тяжкими жертвами», — заявил он.

Тысячи горожан почтили вместе с американскими и советскими ветеранами память павших на войне. Были исполнены государственные гимны США, СССР и ГДР и зачитаны послания от советского руководителя Михаила Горбачева, руководителя ГДР Эриха Хонеккера и двух бывших президентов США — Ричарда Никсона и Джими Картера.

В своем послании Горбачев отдал должное войскам США и других союзников, сражавшимся против гитлеровской армии, и отметил, что советский народ стоит за продолжение сотрудничества между бывшими союзниками во время войны. «Те, кто сегодня вновь соединяет руки над Эльбой, показывают этому хороший пример», — подчеркнул он.

СССР и ГДР прислали в Торгау официальные делегации, но США бойкотировали торжества из-за того, что 24 марта американский офицер связи был убит советским часовым*.

Уступая настойчивым просьбам фотокорреспондентов, д-р Уильям Робертсон, нейрохирург из Калвер-Сити, штат Калифорния, и Александр Сильвашко, школьный учитель из-под Минска, снова и снова повторяли свое знаменитое рукопожатие, стоя перед большой фотографией, запечатлевшей их первую встречу в Торгау в 1945 году.

Городские власти Торгау устроили в местном куль-

* 24 марта 1985 года сотрудник американской военной миссии связи майор А. Николсон производил в маскировочном костюме фотосъемку на территории закрытого военного объекта Группы советских войск в Германии. Будучи обнаруженным советским часовым, он попытался скрыться, часовому не подчинился и после предупредительного выстрела был убит.

гурном центре дружескую встречу русских и американцев, на которой вино и водка помогали преодолевать языковой барьер.

Московский историк Григорий Иваницкий обменялся рукопожатием с подрядчиком из Кливленда Альбертом Хорняком. «Это знак надежды, — сказал он. — Мне нравится эта встреча, она открывает возможности на будущее».

Статья из газеты «Чикаго трибюн» от 26 апреля 1985 года. Перепечатывается с разрешения «Чикаго трибюн».

Владимир
ОРЛОВ

ВРЕМЯ НЕ ВЛАСТНО

Верность Клятве, данной советскими и американскими солдатами на Эльбе, живет в нашей памяти, в наших сердцах. Доброй традицией стало подтверждение этой Клятвы на многих встречах советских и американских ветеранов.

Чувствами верности и дружбы была пронизана встреча советских и американских ветеранов в Торгау, посвященная 40-летию событий 1945 года. Наша делегация в составе 25 человек представляла Советский комитет ветеранов войны. Накануне отъезда из Москвы меня, как и моих товарищей, волновал вопрос: какой будет эта встреча, отразит ли она дух Эльбы? Ведь вновь собираются уже не юноши в солдатских шинелях, а убеленные седью люди разных судеб и убеждений.

Но наши волнения были напрасны. Уже первые минуты вылились в искренние, подлинно человеческие чувства дружбы и взаимного уважения ветеранов. Все свидетельствовало о том, что память о Эльбе жива.

Шестьдесят ветеранов 69-й американской пехотной дивизии приехали на встречу (54 из них с женами). Вторая группа американцев — 45 человек, и в их числе

УЧАСТНИКАМ ВСТРЕЧИ В ТОРГАУ

Сердечно приветствую всех участников, собравшихся в Торгау, чтобы отметить памятное событие — 40-летие встречи советских и американских войск на Эльбе.

Идут годы, проходят десятилетия, но в благодарной памяти людей высвечены имена тех, кто, не щадя жизни, развеял нависшую над человечеством мглу порабощения и тирании.

В нашей стране всенародным почетом окружены ветераны Великой Отечественной войны, этой героической битвы с силами фашистской агрессии и милитаризма. Мы склоняем головы перед теми, кто пал в этой борьбе. Нынешнее поколение обязано им возможностью спокойно жить и мирно трудиться.

В эти дни, в преддверии празднования великой Победы, советские люди отдают дань уважения и тому весомому вкладу, который внесли в достижение общей цели народы и армии США, Великобритании, Франции, Китая, других государств антигитлеровской коалиции. Большую роль в победе сыграли воинские соединения, партизанские армии и отряды Югославии, Польши, Чехословакии, Болгарии, Румынии, Албании, Венгрии, движение Сопротивления Франции, Италии, Греции, Бельгии, Голландии, Норвегии, Дании, Люксембурга. Мужественную борьбу с гитлеровским нацизмом вели немецкие и австрийские патриоты.

Наш боевой союз, рожденный в годы войны, показал, какой потенциал сотрудничества вскрывает сов-

местная борьба за мир и лучшее будущее человечества. Так и рукопожатие советских и американских солдат, встретившихся весной 1945 года на Эльбе, навсегда вошло в историю символом надежды и дружбы.

И сегодня долг каждого честного человека — молодого или ветерана — внести свою посильную лепту в то, чтобы огонь войны никогда больше не опалил нашу землю.

Обращаясь к событиям минувшей войны, мы размышляем о настоящем и, конечно, думаем о будущем: о справедливом и прочном мире, об избавлении народов от ядерной угрозы.

Не вражда и рознь, а взаимопонимание и сотрудничество стран и народов должны служить ориентиром для человечества. Советские люди убеждены, что могучим фактором оздоровления международной атмосферы может и должно стать конструктивное взаимодействие между бывшими союзниками, между всеми государствами в борьбе за сохранение мира.

Те, кто сегодня вновь соединяет руки над Эльбой, показывают этому хороший пример.

От всей души желаю героическим воинам-ветеранам, сражавшимся против гитлеровского фашизма, их семьям, всем участникам встречи в Торгау крепкого здоровья и многих лет счастливой, мирной жизни.

М. ГОРБАЧЕВ

Май 1985 года

Боб Свон, Лерой Волинс, — прибыла на Эльбу под девизом «Поездка во имя мира». Искреннее тепло согревало эту встречу: и при общении в гостинице, и на концерте органной музыки в Лейпциге, и при проведении круглого стола, и на приеме у бургомистра Торгау Хорста Штреле.

В бурлящей, шумной, разноязычной массе людей, в том числе многочисленных корреспондентов и местных жителей, ветераны узнавали друг друга. Вот наш Александр Сильвашко попал в крепкие объятия Уильяма Робертсона, рядом Иван Самчук и Алексей Горлинский беседуют со своими старыми знакомыми Уильямом Бесвиком и Чарльзом Форрестером. Александр Гордеев разыскал ветерана 104-й американской дивизии Питера Ситника с советским орденом Славы на груди. Неумолимое время изменило лица людей. Они внимательно всматриваются друг в друга. И, узнав, бросаются навстречу, обнимаются, хлопают друг друга по плечам.

Американцы познакомили нас с приехавшими вместе с ними женами и вдовами тех участников войны, которые не дожили до этих дней. Все они выражали свои чувства больше улыбками, жестами, взглядами, и казалось, что языковой барьер не мешает нашему взаимопониманию.

Неизгладимое впечатление оставила у меня церемония встречи в Торгау. В холодный пасмурный день старинный, маленький немецкий городок вновь сблизил тех, кто воевал против общего врага. Преодолевая натиск корреспондентов из многих стран, мы идем бок о бок с американскими ветеранами. На козырьках их фуражек значится: «Драчливая 69-я» — так называют они свою дивизию.

Мы движемся по узкой полосе к берегу Эльбы между городком и мостом через реку. Здесь, на высоком берегу, у четырехгранного обелиска, сооруженного в ознаменование встречи советских и американских войск 25 апреля 1945 года, состоялся многотысячный митинг. Собравшиеся тепло встретили приветственное послание Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, его призыв — думать о настоящем и будущем, о справедливом и прочном мире. Вице-президент Совета ветеранов 69-й дивизии Уильям Бесвик и представитель советской делегации Александр Ольшанский зачитали совместное заявление советских и американских ветеранов, в котором они, как и 40 лет назад, выразили готовность посвя-

нить свои жизни укреплению дружбы между народами СССР и США, обязались сохранять верность духу встречи на Эльбе. И в знак солидарности жителей Торгау с этим заявлением над рекой взвились 500 белых голубей.

Вместе с группой американских ветеранов мы возложили венки на могилу Джозефа Половски и к памятнику погибшим советским воинам. Отдавая дань памяти павшим товарищам по оружию, мы стояли рядом, как и в годы войны. Все говорили о том, что время не властно над нашей дружбой и сотрудничеством. Они так необходимы в наш беспокойный ядерный век.

Григорий
ПРОКОПЬЕВ

МИР ПОБЕДИТ ВОЙНУ

Через 40 лет, 25 апреля 1985 года, я опять оказался на берегу Эльбы, в городе Торгау. В этот знаменательный день снова встретились бывшие солдаты и офицеры союзных войск, воевавших против фашистской Германии. Только теперь они уже выглядели не такими молодыми и бравыми, как в 45-м. Несмотря на это, многие советские и американские ветераны узнали друг друга. Настроение было веселое. С волнением всматривались мы в места былых боев.

Возникали дискуссии по многим вопросам. Это и понятно. Вместе с тем мы были едины в одном — необходимости сохранить и укреплять мир.

По приглашению ветеранов 69-й американской дивизии и организаций, борющихся за мир, в составе делегации советских ветеранов я побывал в апреле 1986 года в США. Мы посетили Кливленд, Лансинг, Детройт, Чикаго, Даллас, Вашингтон и другие города. Встречались с ветеранами второй мировой войны, рабочими, интеллигенцией, учащимися школ и колледжей, с мэрами городов. Принимали нас очень тепло, хозяева были гостеприимны. Во время бесед ветераны и простые американ-

цы говорили нам, что они выступают за дружбу с СССР, за развитие экономических связей и доверия между нашими странами, прекращение ядерных испытаний. Нам приятно было узнать, что день 25 апреля отмечается в некоторых штатах как День Мира, как выдающееся национальное событие.

Из беседы выяснилось, что многие американцы, к сожалению, очень мало знают о нашей стране, ее истории, географии, культуре, экономике и политике.

Нам надо научиться жить в мире, учитывать интересы всех народов. Прекрасная планета Земля слишком мала. Она кормит, одевает, обувает и поит людей. Ее надо беречь. Война чужда природе человека. Никто не хочет умирать.

Верю и надеюсь, что дух Эльбы восторжествует, что мир победит войну.

Хорст
ШТРЕЛЕ

ТОРГАУ — ГОРОД МИРА

Для человека, знакомого с городом не только по вокзалу, но еще не прожившего в нем, название этого города часто ассоциируется с тем, что он о нем когда-то слышал. Торгау. Вспоминается одна из самых кровавых битв одного из прусских королей здесь, на холмах, окружающих Зюптиц. В памяти всплывают казармы и плацы, рвы с водой и фортификационные сооружения, личности, наживавшиеся на войнах и их жертвах.

Но спросим себя: «И это все? Неужели в этом городе нет ничего привлекательного?» — и мы должны будем признать, что это далеко не так, что у нашего города есть много положительных черт, о которых, увы, подчас забывают в силу предубеждений. Присмотревшись внимательнее, увидим, что на облике города отразилось историческое, экономическое и религиозное развитие прошлых

Хорст Штреле — бургомистр города Торгау (ГДР).

1955 год. Московский аэропорт Шереметьево. Первая послевоенная встреча советских и американских ветеранов. Слева направо: Джозеф Джонсон, Роберт Хагг, Григорий Голобородько.

«А ты совсем не изменился», — говорит Мюрри Шульман Григорию Голобородько, показывая на его фотографию военных лет на выставке в Центральном Доме Советской Армии.

Американские ветераны знакомятся с Москвой: в ГУМе

1955 год. На приеме у маршала Василия Соколовского.

...на Красной площади.

25 апреля 1985 года. Встрече на Эльбе — 40 лет.
Советские и американские ветераны вместе с жителями Торгау собрались у обелиска, воздвигнутого в честь знаменательного события, чтобы подтвердить верность Клятве, данной весной 1945 года.

*Бывший узник № 12048893 лагеря Мюльберг Джефф Боэм. 24 апреля .
1945 года советские воины вернули ему свободу и собственное имя.*

*«Ты помнишь, товарищ...» — Уильям Робертсон и Александр Сильвашко
вновь, как и 40 лет назад, оказались в центре внимания журналистов.*

Питер Ситник (слева) и Александр Гордеев.

У могилы Джозефа Половски мэра города Торгау Хорст Штреле

... и Александр Гордеев.

Вместе по улицам Торжка, как и в апреле 1945 года.

Встречи, встречи, встречи...

Традиционное русское «хлеб-соль» американским ветеранам.

1987 год. Возложение венков к могиле Неизвестного солдата в Москве. День памяти и уважения погибшим отдают советские и американские ветераны встречи на Эльбе.

А. Ольшанский и Б. Котцебу в первых рядах демонстрантов за мир в американском городе Лоуренс (штат Канзас).

Дружбе ветеранов — жить вечно!

времен, обнаружим также бессмертные творения, оставленные нам трудолюбивым и талантливым народом.

Сам Торгау имеет богатую историю. Здесь находилась резиденция саксонских курфюрстов. Во время Тридцатилетней войны город был полностью разрушен. Попытки захватить Торгау делались на протяжении всей его истории.

В конце второй мировой войны город неожиданно вновь оказался в центре внимания. 25 апреля 1945 года около четырех часов дня американские солдаты встретились здесь с частями Советской Армии, находившимися на восточном берегу Эльбы. В течение нескольких последующих дней здесь состоялись встречи между офицерами различных рангов. В память об этом знаменательном событии, о победе над фашизмом советское командование установило здесь в 1945—1946 годах обелиск. В 1975 году, в 30-ю годовщину окончания войны, в Торгау был сооружен мемориал в честь освобождения от фашизма.

1945 год явился для Торгау новой исторической вехой. Под руководством рабочего класса город военщины и бюрократии превратился в социалистический промышленный центр региона, где раньше преобладало сельское хозяйство. Выросли и старый город, и новые кварталы с магазинами, школами, детскими садами — всем тем, что необходимо горожанам и гостям.

У нас есть четкие планы развития Торгау на ближайшие годы. К концу десятилетия каждая семья будет иметь сравнительно дешевую квартиру, размер которой будет зависеть от количества членов семьи. Намечается строительство новой поликлиники, модернизация больницы, планируется реконструкция многих старых улиц, имеющих более чем тысячелетнюю историю, которую мы все должны знать.

Наверное, именно об этом мечтал Джозеф Половски — американский солдат, участвовавший в исторической встрече 25 апреля 1945 года и пожелавший, чтобы его похоронили в нашем городе. С того самого памятного дня этот человек неустанно отстаивал идеал дружбы между народами СССР и США. Всю свою жизнь он посвятил делу мира и взаимопонимания между народами, и его память свято чтут в Торгау.

По случаю 40-й годовщины встречи на Эльбе здесь встретились ветераны войны из Советского Союза и

КЛЯТВА ВЕТЕРАНОВ ВСТРЕЧИ НА ЭЛЬБЕ

Мы, советские и американские ветераны войны, собравшись сегодня, сорок лет спустя после исторической встречи союзных советских и американских войск на Эльбе, вновь подтверждаем нашу приверженность клятве, данной нашими товарищами по оружию 25 апреля 1945 года: посвятить свои жизни укреплению дружбы между народами СССР и США во имя того, чтобы никогда больше не было войн.

Человечество в годы второй мировой войны заплатило 50 миллионами человеческих жизней за попытки нацистов добиться мирового господства. Напоминая всему миру этот суровый урок истории в условиях, когда международная напряженность достигла опасного накала, мы вновь решительно выступаем за обеспечение первейшего права всех народов — жить в мире, за прекращение гонки вооружений и предотвращение войны, способной привести к гибели человеческую цивилизацию.

Будучи верны «духу Эльбы», мы твердо верим в то, что мы должны:

- чтить память погибших
- возобновить и вновь подтвердить нашу дружбу
- сохранить дружбу, родившуюся на Эльбе, навечно
- прилагать усилия для лучшего взаимопонимания и способствовать ослаблению напряженности между нашими двумя народами
- стремиться к достижению сокращения как обычных, так и ядерных вооружений
- настойчиво трудиться на дело взаимного уважения наших народов и других народов мира.

Сейчас нет иной альтернативы как жить в мире!

Поэтому мы, американские и советские ветераны войны, во имя памяти павших на полях сражений и ушедших из жизни и от имени их потомков призываем сегодня всех честных людей преградить путь войне!

«Да!» — дружеским встречам и переговорам для решения всех спорных проблем.

«Нет!» — войне.

США, а также жители Торгау. 25 тысяч человек приняли участие в этом форуме во имя мира, взаимопонимания между народами и сохранения цивилизации. Нашими гостями были около 300 советских и американских граждан, и они имели возможность убедиться, что люди Торгау вместе со всем нашим народом строят мир.

Я, бургомистр Торгау, передаю читателям из Советского Союза и Соединенных Штатов горячее желание граждан моего города и всех граждан ГДР — желание мира и взаимопонимания между народами. Мы будем делать все, чтобы сохранить дух Эльбы, дух Торгау, дух антифашистской клятвы, данной американскими и советскими солдатами более сорока лет назад. Мы сохраним этот дух, дабы никогда больше война не пришла с немецкой земли.

Бак КОТЦЕБУ

ЗАЯВЛЕНИЕ, СДЕЛАННОЕ В ЖЕНЕВЕ 18 НОЯБРЯ 1985 ГОДА

Признаюсь, я с изрядной долей скептицизма относился к тому, что люди в нашем положении поступают правильно, пытаюсь убедить руководителей двух крупнейших государств сделать то, что они со всей очевидностью пытаются сделать. Сомнительно, чтобы кто-нибудь из них прибыл сюда, не имея намерения достичь тех целей, которые они сами определили.

Но мне пришла в голову мысль, что государственная политика часто диктуется или своекорыстными интересами, или излишне болезненной реакцией на происходящие события, что может привести к трагическим последствиям — в качестве примера укажу на первую мировую войну, — или неверным истолкованием действий и заявлений друг друга. Но потом я подумал о событии, происшедшем на реке Эльбе в 1945 году. Там встретились самые обыкновенные, простые люди, и, как сказал Билл Робертсон, отношение наше друг к другу было на сто процентов положительным, и мы были на сто процентов честны, когда заявили: «Пусть не будет больше войн. Мы

сами не хотим снова испытать все это и не хотим, чтобы это испытали наши дети».

Когда в марте этого года я встретился с генерал-майором Ольшанским—в 1945 году он был сержантом,—мы оба выразили надежду на то, что мир продлится так долго, что мы окажемся последними ветеранами.

И тогда, в 1945-м, мы действительно ощутили этот дух, дух Эльбы, и мы дали Клятву. Один из нас, Джо Половски, принял это так близко к сердцу, что все последующие 35 лет своей жизни посвятил поддержанию этого духа. Его осыпали насмешками, о нем отзывались с презрением, его обвиняли в том, что он коммунист либо сочувствующий, что он дурной человек, в то время как Джо хотел лишь сохранить то истинное чувство дружбы, которое тогда возникло.

Величайший из американских президентов* сказал во время иных грозных испытаний, что на его слова не обратят внимания и скоро забудут, но все же он их произнес: «Наш долг, долг живущих — сделать все, чтобы доказать, что вот эти павшие, отдавшие последнюю полную меру своей преданности, погибли не напрасно». Джо отдал эту последнюю полную меру, и его смерть в 1983 году была гибелью солдата на службе у человечества, гибелью на поле боя.

Я понял тогда: самое малое, что я могу сделать,— это стараться содействовать делу дружбы, внести в него свой, пусть небольшой, вклад. Джо призывал нас не дать духу Эльбы умереть, и мы пытаемся выполнить его завет.

Сейчас здесь, в Женеве, проходит важная встреча между Президентом Рейганом и Генеральным секретарем Горбачевым. И мы просим, чтобы они обсуждали не только вопросы, связанные с межконтинентальными ракетами, ракетами среднего радиуса действия, СОИ и т. д., но чтобы они также учитывали интересы простых людей—Джо и Ивана, чтобы они помнили: то, что они сейчас делают, они делают во имя счастья этих людей, счастья их детей и внуков. И этим людям грозит гибель, если наши руководители не смогут устранить причины, из-за которых наши великие страны в настоящее время столь трагическим образом разделены.

Благодарю вас за внимание.

* Имеется в виду Авраам Линкольн.

СЛОВО О ДРУГЕ

Печальная весть пришла из американского города Монтерейя — скончался Альберт Котцебу. Он был одним из первых американских военнослужащих — участников исторической встречи между советскими и американскими войсками на реке Эльбе.

Впервые командира разведывательного дозора 273-го пехотного полка 69-й пехотной дивизии лейтенанта Альберта Котцебу я увидел утром 25 апреля 1945 года на берегу Эльбы, неподалеку от города Штрела. Тот день был полон впечатлений, оставшихся на всю жизнь. Но среди них не затерялась память об этом человеке.

Ему еще не было 25 лет, но мне было только 19, и в моих глазах он выглядел опытным кадровым офицером. Впрочем, так оно и было. Его боевой путь начался в Нормандии и пролегал через всю Западную Европу.

Тогда мы не думали, что судьба через 40 лет снова сведет нас на Эльбе. В марте 1985 года мы встретились под Штрелой на съемках английского телефильма «Янки встречают красных».

Эта вторая наша встреча показала, что Котцебу остался верен Клятве на Эльбе. «Мы знаем русских и верим, что они тоже не хотят войны, — говорил мне Альберт. — Русские знают, что такое война. Никто не потерял в войне столько людей, сколько потеряли вы. Мои друзья, соседи и бывшие однополчане тоже не хотят войны».

Была и еще одна встреча. В апреле 1986 года группа советских ветеранов войны была приглашена в США для участия в Неделе единства действий в борьбе за мир, которая проводилась в штатах Огайо, Мичиган и Иллинойс в связи с годовщиной встречи союзных войск на Эльбе. Мы повидались со многими нашими старыми друзьями — участниками фронтовых и послевоенных встреч, приняли участие в десятках бесед и дискуссий с

представителями различных слоев населения США. И из всех этих встреч мы вынесли одно: наши народы должны объединиться в борьбе против ядерной смерти, как смогли мы это сделать четыре десятилетия назад, когда вместе одержали победу над фашизмом.

В США нас встречали Альберт Котцебу и другие старые друзья — участники встречи на Эльбе. На вечере, посвященном памяти умершего незадолго до этого одного из американских ветеранов — Джозефа Половски, его сын Теодор от имени семьи и ветеранов 69-й американской пехотной дивизии передал для Центрального музея Вооруженных Сил СССР в Москве военный компас отца. Передавая его мне, бывшему солдату 175-го гвардейского стрелкового полка 58-й гвардейской стрелковой дивизии, он сказал, что этот компас привел его отца на Эльбу, где он встретился с нами и дал клятву посвятить свою жизнь борьбе за мир и укрепление дружбы между народами наших стран. Свое слово отец сдержал.

Альберт Котцебу не произносил такой клятвы. Но он так же честно прожил свою жизнь и до конца оставался верен заветам тех, кто апрельским днем 1945 года пожал друг другу руки на берегу Эльбы, в самом центре логова фашистского зверя. И мы всегда будем это помнить.

Красная звезда, 21 марта 1987 года

Сэм
ЧАВКИН

ВОЗРОДИТЬ ДУХ ЭЛЬБЫ, ДУХ ПОЛТАВЫ

В день, когда американские солдаты встретились с советскими солдатами на Эльбе, я был корреспондентом и посылал свои репортажи с Украины, из Полтавы.

Самьюэл (Сэм) Чавкин во время войны был корреспондентом газет «Янк» и «Старс энд страйпс». Сейчас живет в Нью-Йорке, он журналист и писатель.

Примерно за год до этой исторической встречи в Германии американцы уже установили контакт между вооруженными силами обоих союзников военного времени, о чем редко вспоминают. В этом совместном предприятии, известном как «челночные бомбардировочные операции», были задействованы 8-я и 15-я американские эскадрильи бомбардировщиков, которые совершали с авиационных баз в Англии и Италии налеты на нефтепромыслы в Плоешти, а затем под эскортом истребителей Красной Армии приземлялись в Полтаве. После нескольких дней отдыха на огромной полтавской авиабазе американские летчики — их самолеты были загружены советскими авиабомбами — возвращались на свои базы в Англии и Италии, сбросив по пути свой смертоносный груз на удерживаемую немцами территорию.

В ответ нацисты совершили массированный налет на Полтаву, во время которого было убито много американских и советских солдат и уничтожена боевая техника. Пребывание американцев в Полтаве не обошлось без трагических потерь, однако психологическое воздействие советско-американского контакта на нацистское верховное командование было гигантским. Гитлеровские генералы столкнулись с фактом, что, несмотря на идеологические разногласия между обеими странами, американская и советская авиация действовала совместно (и эффективно) в борьбе против общего врага.

Американцы прибыли в Полтаву, практически ничего не зная о культуре и обычаях их советских хозяев. Всего лишь горстка американских военнослужащих говорила по-русски. И все же, если не считать языковых препятствий, в результате исключительного упорства, проявленного обеими сторонами, все как-то встало на свои места. Советские механики быстро освоились с обслуживанием американских самолетов. Саперы обеих армий установили домики, в которых поселились американцы, а затем продлили и укрепили взлетно-посадочные полосы для приемки тяжелых бомбардировщиков. Хотя большинство американских военнослужащих были ветеранами, уже понюхавшими пороху, их буквально ошеломила разрушенная нацистами Полтава, которая до войны была прекрасным зеленым городом со 150 тысячами жителей. Перед отступлением, всего за шесть недель до прибытия американцев, нацисты уничтожили все, что смогли: боль-

ницы, школы, дома были преданы огню, а жителей, которые пытались спасти свои пожитки, отгоняли штыками. На американских военнослужащих произвела неизгладимое впечатление жизненная стойкость возвращавшихся из внутренних районов страны советских людей, чтобы отстроить то, что осталось от их домов, восстановить нормальную жизнь и помочь солдатам на фронте.

Я хорошо помню, что вскоре нечто вроде «периода добрых отношений» установилось не только между солдатами, но и между американцами и жителями Полтавы, с которыми мы по-братски встречались в свободные часы в центральном городском парке — единственном месте в городе, не разрушенном войной. Русские хвалили наши самолеты, наши автомобили, удивлялись нашему жизненному уровню. Но они были горды своими успехами в войне и мирной жизни. Постоянно говорили о Сталинградской битве, которая привела к разгрому немецкой армии на Восточном фронте.

Более сорока лет прошло с момента наших контактов в Полтаве, но еще живы теплые воспоминания о времени сотрудничества и доброй воли. Как советское командование, так и жители Полтавы изо всех сил старались сделать пребывание американских военнослужащих в Полтаве комфортабельным, насколько это было возможно. Несколько раз русские специально присылали сюда самолетом известных музыкантов и певцов, чтобы развлечь американцев. Наши советские хозяева построили ресторан, отдельный от общей столовой на авиабазе. Здесь американские военнослужащие всех рангов могли примерно за тридцать пять центов съесть вкусный обед: борщ, кусок мяса, сладкое и чай. Жители Полтавы, дома которых были практически разрушены и которые еле-еле сводили концы с концами, радушно приглашали американских военнослужащих в гости и делились с ними всем, что имели. Почему-то всегда появлялась бутылка водки или вина, чтобы оживить встречу, обычно включавшую удивительные народные песни, которыми так славится Украина.

Незабываемым был день, когда мы узнали о кончине президента Рузвельта. Американское и советское командование организовало совместный траурный митинг. На

лицах русских я видел горе — это было действительно трогательно. Русские хотели как можно больше узнать о президенте, дружеское отношение которого они высоко ценили.

Наконец 9 мая 1945 года мы отпраздновали День Победы. Американские и советские солдаты шли во главе парада в Полтаве, в котором участвовали тысячи школьников, представителей профсоюзов, партизаны, работники здравоохранения и специалисты всех профессий. Все несли лозунги, приветствующие разгром нацизма и призывающие всех нас хранить «прочное единство против войны». Американские и советские командиры стояли на трибуне буквально плечом к плечу, приветствуя доблестных представителей союзных войск и призывая сохранить единство союзников.

Можно с уверенностью сказать, что в День Победы никто в Полтаве не мог вообразить, что отношения между двумя союзниками военного времени когда-нибудь будут столь глубоко заморожены. Со времени войны между Вашингтоном и Москвой то и дело возникала напряженность. Иногда мне кажется, что люди полностью забыли о Эльбе и Полтаве, особенно молодежь. Но я не забыл. И возвращаясь мысленно к моему недолгому пребыванию в Полтаве, к бурным встречам на Эльбе, я вспоминаю о подлинной доброжелательности, существовавшей между нашими военными и простыми советскими людьми. Я знаю, что эти дружеские встречи — не отдельные, случайные эпизоды. И я уверен, что эти чувства между американскими ветеранами и советскими людьми, приветствовавшими их у себя дома, продолжают существовать.

Более чем через 40 лет после войны наступило, может быть, время всем нам — американцам и советским людям — возобновить старую дружбу, возродить дух Эльбы, дух Полтавы и трудиться вместе, чтобы побороть общих врагов — войну, голод, болезни, нищету.

Владимир
КАБАИДЗЕ,
Фрэнк
ПЭРЕНТ

В ЭТО ТРУДНО ПОВЕРИТЬ...

Через сорок два года, день в день, генеральный директор Ивановского станкостроительного объединения Владимир Кабаидзе нашел американского лейтенанта, с которым они обнялись, встретившись на Эльбе, и обменялись адресами. Тогда под рукой не оказалось чего-нибудь очень памятного, и молодой советский офицер написал адрес на рубле. И даже не свой адрес, а дедушки с бабушкой, живших в Орджоникидзе,— другого дома у него не было. Отец, кадровый военный, тоже был на фронте, а мать — в эвакуации. Американский лейтенант написал ему свой адрес на долларовой банкноте: «Калифорния, Фрэнк...»

Спустя десятилетия чернила выцвели и почти не оставили следов. Все это время сувенир сорок пятого года хранился в семейном архиве Кабаидзе вместе с фотографиями фронтовых друзей.

В конце прошлого года в Ивановское станкостроительное объединение приехали специалисты американской фирмы «Литтон» для переговоров о техническом сотрудничестве. Был среди них полковник в отставке Барни Олдфилд, активист американского общества встречи на Эльбе. С ним В. Кабаидзе познакомился чуть раньше, будучи в Америке, и первое, о чем они спросили тогда друг друга: «Мы не встречались с вами на Эльбе?» Оказалось, нет. Оба участвовали в том историческом событии, но тогда их разделили двенадцать, как они высчитали по карте, миль по берегу. И вот в Иванове за прощальным ужином Кабаидзе вспоминает встречу с американским лейтенантом Фрэнком.

— Если он жив, я найду его,— обещает растроганный верной памятью Барни Олдфилд.

Экспертиза восстанавливает стертый временем автограф — Фрэнк В. Пэрент. И через некоторое время в доме бывшего лейтенанта 30-й американской пехотной диви-

зии, проживающего сейчас в Галвестоне, штат Техас, раздался телефонный звонок. Барни Олдфилд рассказывает Фрэнку о поездке в Советский Союз, о встречах в Иванове, о том, что его, Фрэнка Пэрента, помнит бывший советский лейтенант, ныне известный директор Владимир Кабаидзе.

— Я не могу поверить тому, что слышу,— отвечает Фрэнк.— Сейчас полночь, а что не случается во сне!— За шуткой он скрывает волнение.— Да, это я, и я счастлив узнать, что жив офицер, что он так преуспел в жизни и его высоко ценят в Советском Союзе. Счастлив, что он помнит нашу встречу на Эльбе и меня.

О себе сообщает немного: ему сейчас 77 лет, занимался геофизикой, находится на пенсии. Его первая жена умерла, и он едва ли найдет сейчас подаренный ему на Эльбе рубль с автографом, который также долго хранился в их семье. И снова повторяет:

— Я не могу в это поверить, я так счастлив!..

...А на другой день Барни Олдфилд написал письмо в Иваново. Оно пришло накануне Дня Победы.

Л. ГЛАДЫШЕВА

Советская Россия, 9 мая 1987 года

Билл
РОБЕРТСОН

ПУСТЬ НАС ТОЛЬКО ДВОЕ, НО ТАКИХ, КАК МЫ,— ЕЩЕ СОТНИ МИЛЛИОНОВ

Я узнал, что лейтенант Сильвашко остался в живых после войны в 1975 году, когда приехал в Москву для участия в совместных американо-советских торжествах по случаю 30-й годовщины окончания второй мировой войны. Десять лет спустя мы снова встретились на праздновании 40-й годовщины. Я виделся с ним в Минске, Москве и Торгау. Совсем недавно мы встретились в

Вашингтоне, когда он посетил США в составе делегации советских ветеранов.

Александр продолжает оставаться в добром здравии. Он директор средней школы в белорусском городке Колки возле Минска. У него очаровательная жена Зина и три прелестные дочери.

Мы по-прежнему друзья. Каждый раз, встречаясь друг с другом, вспоминаем войну и нашу встречу на Эльбе. Александр объяснил мне, почему солдаты его взвода так яростно стреляли в меня в тот апрельский день: оказывается, за два дня до этого немцы пошли на провокацию. Еще продолжавшие сопротивляться эсэсовцы начали размахивать американским флагом. Когда несколько русских бойцов выбежали к реке, чтобы приветствовать «американцев», те открыли по ним смертоносный огонь. Теперь я, конечно, понимаю, чем была вызвана его осторожность.

Александр рассказал, что первый советский солдат, встреченный мною на мосту, сержант Николай Андреев, был убит неделю спустя в бою в столице Чехословакии.

Командир противотанкового орудия, стрелявший в меня, когда я размахивал флагом с башни замка, жив. Он генерал в отставке, живет в Волгограде. Я встретился с ним, когда приезжал в СССР в 1985 году.

Но все это было так давно, что теперь отчасти кажется нереальным. Жизни двух людей, Александра Сильвашко и Билла Робертсона, пересеклись на короткий миг много лет назад на далекой реке где-то в Германии. Да осталось ли еще что-нибудь между нами? Ведь до 1975 года — в течение тридцати лет после нашей первой встречи — я даже не знал, что он жив, а он ничего не знал обо мне. Так есть ли у нас что-то общее, кроме воспоминаний о том далеком историческом дне?

Да, есть, и немало. После войны Александр Сильвашко вернулся в школу и стал учителем. Женится и вырастил детей.

У меня жизнь складывалась похоже. Поступил в колледж, учился медицине и стал врачом. Я тоже женился и вырастил детей. Нет, у нас с Александром гораздо больше общего, чем просто встреча на Эльбе.

Хотя мы живем в разных концах света, в странах с совершенно различными идеологиями, общим для нас

является этот мир. Более сорока лет назад мы сражались с одним и тем же врагом, чтобы всем людям в этом мире жилось лучше.

Я говорил об этом с Александром. Мы все еще хотим, чтобы мир стал лучше. Мы хотим, чтобы он стал безопаснее, чем был до сих пор. Мы хотим, чтобы наши родные жили в безопасности. Мы хотим, чтобы наши дети могли надеяться на светлое будущее, чтобы они могли трудиться, добиваясь своих целей, и быть счастливыми. Мы с Александром все еще надеемся, что между нашими странами, как и между всеми странами, будет больше взаимопонимания.

Да, у нас очень много общего, и это общее выходит за рамки давней встречи на Эльбе. И пусть нас только двое, но таких, как мы, — еще сотни миллионов.

Александр
СИЛЬВАШКО

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ МОСТ МИРА

В 1945 году, после демобилизации, я вернулся на Украину. Деревня опустошена, родной дом разрушен. Мать убили фашисты. Боевые товарищи пригласили меня в Белоруссию. Приехал сюда с женой — она тоже учительница.

Окончил Минский педагогический институт, долго работал в столице республики. В конце концов обосновался в Клецком районе, в Колках. Почему избрал историю и обществоведение своей специальностью? Потому что люблю свою Родину, хочу знать о ней как можно больше и передать эти знания молодым. В преподавательской работе стараюсь максимально использовать то, что видел и пережил. Хочу видеть в молодежи мужество, убежденность и моральную стойкость старшего поколения. Когда бы ни заходил разговор о минувшей войне — на уроке или просто в беседе, — стараюсь, чтобы каждый прочувствовал до глубины души, что это такое — война...

Дети знают: все, сказанное мной, идет от самого сердца. Вот почему уроки о Великой Отечественной войне в нашей школе особенные...

25 апреля 1945 года, да и на следующий день нас с Биллом Робертсоном много фотографировали. Но один, самый известный, снимок был сделан американским репортером, которого я больше никогда не видел.

В 1955 году американские ветераны второй мировой войны пригласили нас на встречу в Вашингтон. Но госдепартамент США отказал во въездных визах. Это был недоброй памяти период, известный в истории, как «холодная война». И все же мы встретились — в Москве. Приехали девять американцев, участвовавших в боях на Эльбе. Делегацию возглавлял Джозеф Половски. Он привез множество фотографий, которые тут же разошлись по залу, где проходила встреча. Все старались узнать друг друга на снимках. На одной из фотографий были изображены Билл и я. Многих интересовало, кто из присутствующих Робертсон, а кто — Сильвашко. Я выступил. После этого меня уже знали все, а снимок на следующий день появился в «Комсомольской правде» и других газетах.

Робертсона тогда в Москве не было. Он приехал в 1975 году на тридцатилетие Победы. Вот тогда, впервые после войны, мы с ним и увиделись. Было это в Советском комитете ветеранов войны, где нас принимал его тогдашний председатель П. И. Батов. Мы долго говорили с Биллом. Вспоминали прошлое. Обменялись сувенирами и адресами. И поныне остаемся друзьями: дружба, рожденная в бою, не забывается. Переписываемся, ездим друг к другу.

20 апреля 1987 года американская делегация прибыла в Москву на торжества в честь 42-й годовщины встречи на Эльбе. Делегацию возглавлял Билл. Он — человек доброй воли. Он избрал, пожалуй, самую мирную и гуманную профессию — медицину. Сняв военную форму, надел белый халат врача. Я много говорил с ним о его профессии — и о моей тоже. Подумать только — я учительствую уже сорок лет! О скольких своих учениках я мог бы рассказать...

В 1986 году я побывал в США с делегацией Советского комитета ветеранов войны. Мы побывали в шести

штатах, десяти городах. Простые американцы принимали нас тепло и радушно.

В декабре 1987 года вновь довелось посетить США — в составе делегации, прибывшей в Вашингтон для участия в мероприятиях по случаю советско-американской встречи на высшем уровне. В аэропорту среди встречающих был мой старый друг Билл.

Накануне прибытия М. С. Горбачева в Вашингтон сотни американцев, взявшись за руки, образовали «человеческий мост мира», связавший Белый дом с посольством СССР. Затем в вашингтонском соборе по случаю советско-американской встречи на высшем уровне проходила служба, которая не прерывалась ни на минуту во время всего визита. В течение четырех дней подряд, с рассвета и до поздней ночи, раздавался перезвон колоколов. Шла «молитвенная вахта во имя успеха советско-американской встречи на высшем уровне».

Члены обеих делегаций ветеранов Эльбы — советской и американской — посетили международный пресс-центр советско-американской встречи на высшем уровне. Мы дали ответы на многочисленные вопросы корреспондентов из многих стран мира.

Затем нас пригласили в Белый дом, где мы познакомили высокопоставленных официальных лиц с целями встречи американских и советских ветеранов войны. Они обещали подробно информировать об этом президента США. Здесь, в Белом доме, 8 декабря был подписан исторический Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Это был великий шаг в будущее.

Я еще раз убедился, что мой друг Билл Робертсон — истинный борец за мир и его вклад в дело дружбы между нашими народами значителен. В своих выступлениях Билл неустанно подчеркивает, что нам ничто не мешает жить в мире. Эта мысль зафиксирована в совместном заявлении, в котором советские и американские ветераны еще раз подтвердили верность Клятве, данной ими в апреле 1945 года: посвятить свою жизнь улучшению отношений между народами СССР и США. Чтобы война больше никогда не повторилась. Никогда! Мы были хорошими бойцами в дни войны. Теперь мы должны быть еще лучшими борцами за мир.

НАДЕЖДА НА БУДУЩЕЕ ПРОДОЛЖАЕТ ЖИТЬ

Люди моего поколения, воевавшие во вторую мировую войну, часто говорят: «это была правильная война» или «последняя правильная война», потому что она была против Гитлера и фашизма. Перед нами возникла перспектива массового уничтожения. Скажем себе прямо: эта война растлила и ожесточила всех людей — даже тех, кто сражался во имя гуманности.

У многих оказалась короткая память, в особенности у американцев, — ведь у нас нет чувства истории. Для массы нашей молодежи нет прошлого, нет вчерашнего дня, нет второй мировой войны. Несколько лет назад был проведен опрос общественного мнения, и выяснилось, что около сорока процентов молодых людей считают, будто мы воевали тогда против русских! Это безумие. Наша страна — богатейшая в мире в материальном отношении, но беднейшая в смысле памяти — и в этом заключена опасность.

Был такой человек — Джо Половски, он не хотел забывать. По-моему, если и можно извлечь урок из его короткой жизни, то урок этот состоит в том, что Джо был простым человеком с неистребимым чувством истории, в судьбе которого произошло чрезвычайное событие. Он знал, что представляют из себя русские. Он знал, что представляем из себя мы сами. Но он знал и то, что мы живем в мире, где легко можем сбить друг друга с ног, поэтому необходимо уметь жить вместе.

Встреча с русскими в 1945 году была величайшим событием для самого Джо и, как он считал, для всех людей. Обретя свою мечту и цель — мир для всех — и обладая упорством (а я-то уж знаю, каким он был упорным), он никого не оставлял в покое. Подумать только, что могли бы совершить один-два миллиона простых людей!

Чего нам не хватает, так это некоей страстности. У Джо она была, эта страстность. К сожалению, сейчас ее не достает не только в нашем обществе, но и во всем мире. Я очень хочу, чтобы это чувство возродилось. Ведь что получается: есть две сверхдержавы, готовые взорвать друг друга, но ведь они обменялись рукопожатием — и каким рукопожатием! — после величайшей победы в современной истории. Джо не мог забыть этого. Незадолго до смерти он сказал: «Я верю, что до тех пор, пока кто-нибудь где-нибудь помнит день, когда нынешние противники были друзьями, надежда на будущее продолжает жить».

Дело в том, что простые люди ощущают себя бессильными. Бесполезно выступать против городских властей, бесполезно выступать против высокого начальства. Но Джо по-своему делал именно это, и именно в этом для меня состоит урок Джо Половски.

Перепечатывается с разрешения «Пантеон букс».

Говорят, что США и СССР никогда уже в будущем не станут друзьями. Может быть. Но по всей Центральной Европе, от Балтики до Средиземноморья, сирень цветет так же, как она цвела 25 апреля 1945 года в Торгау. Таинственные струны памяти о 25 апреля звучат и в Сан-Франциско, и на Эльбе. 1983 год — важный год. Но что будет в 1984 году, что будет в последующие годы? Предстоит сделать шаги — пока неизвестно какие именно, — которые привели бы к взаимному согласию. И то, что все это время прах Джо Половски будет находиться в Торгау, на Эльбе, окажет благотворное и положительное воздействие на события. Я прошу помочь мне. Я прошу помочь сделать так, чтобы мой прах был захоронен в Торгау. Спасибо. Спасибо всем!

Джозеф ПОЛОВСКИ

3 октября 1983 года

алея, словно бакены надежды.
Мы говорим,
 как будто мы плывем,
чтобы обняться, словно братья,
 но
за двадцать лет так засорили Эльбу!
В нее спустили столько нечистот
заводы лжи —
 суперклоаки века.
Газеты, все пропитанные ядом,
 окурки поджигательских речей,
плевки мерзавцев,
 грязный «kleenex»* мятый,
брезгливо вытиравший жирный пот
с фальшивых лиц ораторов заядлых...
А под водою нашей Эльбы скрыты
замшелые мины недоверья,
и новенькие гладкие подлодки,
брюхатые торпедами, как будто
детьми от брака страха
 и науки...
Когда,
 когда друг друга мы пойдем,
как водка с виски —
 без! без перевода —
так понимали —
 черт возьми! —
 друг друга
над вспененной водой победы общей?
Неужто нужен новый Гитлер нам,
чтоб мы объединились,
 как когда-то?
Цена —
 похоже —
 слишком дорогая...
Россия и Америка,
 ваш путь
к друг другу сложен,
 но я верю,
 верю,
что через все отбросы или мины

* Торговая марка бумажных носовых платков и косметических салфеток.

мы доплывем к друг другу,
доплывем,
и мы обнимемся,
как в мае, в сорок пятом,
на этот раз —
я верю — навсегда!

Да,
между нами океаны злобы,
да,
между нами океан Великий,
но поплывем,
и превратится в Эльбу
любой великий самый океан!

...Люблю Америку,
которая сейчас
ножонками болтает в колыбельке,
светящими усталым, грустным нам,
как тоненькие свечечки надежды.
Как ее имя — Джен?

А может, Лара?

Ее глаза,
большие,
голубые,
как будто две доверчивые капли
той самой Эльбы,
нашей общей Эльбы,
которую не вправе мы предать.
...Россия и Америка,
плывите!

СОДЕРЖАНИЕ

От советского редактора	7
От американского редактора	9
От Сталинграда до Торгау	11
<hr/>	
Глеб Бакланов. Полки выходили на Эльбу	13
Александр Сильванко. Слезы блестели в глазах сурового воина	27
Михаил Чижиков. В разведке	30
Сергей Крушинский. У Торгау	32
Григорий Голобородько. Мгновения безмятежного счастья	37
Александр Гордеев. Встреча была радушной	39
Алексей Баранов. Шли от Дона и Волги	42
Александр Ольшанский. Дорога домой лежала через Берлин	45
Любовь Козинченко (Андрющенко). Медицинская сестра под огнем врага	49
Константин Симонов. Последняя командировка	51
Тосолтан Битаров. В «плену» у друзей	56
Владимир Орлов. Поклялись крепить дружбу	60
Григорий Прокопьев. С фронта не вернулся каждый второй	62
Павел Руденко. Перед Эльбой был Одер	64
Полина Некрасова (Дущенко). Спасая раненых	67
Михаил Жданов. В те памятные дни	69
Алексей Жадов. Мои встречи с генералом Ходжесом	71
Иван Конев. В откровенной атмосфере	77
Юрий Тимошенко, Ефим Березин. Концерт за Эльбой	84
От Нормандии до Эльбы	91
<hr/>	
Марк Скотт. День, когда невозможное стало возможным (Заметки редактора)	93
Билл Фокс. Встретились на мосту	97
Бак Котцебу. Мы пожали руки друг другу	112
Джо Половски. Поклялись помнить вечно	117
Билл Шанк. Встреча с русскими — самый незабываемый день моей жизни	123
Билл Робертсон. Новость, облетевшая весь мир	133
Пол Стауб. Это событие положило конец ужасной войне	142

Билл Фокс. Господствовало искреннее чувство дружбы	144
Энн Стрингер. Ура, американцы!	152
Бен Кэзмир. Когда я встретился с русскими	157
Энди Руни. День подарков на Эльбе	160
Джефф Боэм. Если это американцы, то им не место за колючей проволокой!	163
Мы этой памяти верны	173
<hr/>	
Мюрри Шулман. Как мы «стали богачами»	175
Алексей Баранов. Спустя десять лет	179
Александр Гордеев. Пятнадцать тысяч американцев приветствовали нас	181
Алексей Горлинский. Мой американский орден	182
Энн Стрингер. Люди могут жить дружно	184
Элис Зигерт. Ветераны встречаются вновь	185
Владимир Орлов. Время не властно	187
Григорий Прокопьев. Мир победит войну	191
Хорст Штреле. Торгау — город мира	192
Бак Котцебу. Заявление, сделанное в Женеве 18 ноября 1985 года	195
Александр Ольшанский. Слово о друге	197
Сэм Чавкин. Возродить дух Эльбы, дух Полтавы	198
Владимир Кабаидзе, Фрэнк Пэрент. В это трудно поверить	202
Билл Робертсон. Пусть нас только двое, но таких, как мы, — еще сотни миллионов	203
Александр Сильвашко. Человеческий мост мира	205
Стадз Теркел. Надежда на будущее продолжает жить	208
Евгений Евтушенко. В доме сталевара	210

Встреча на Эльбе. Воспоминания советских и американских ветеранов второй мировой войны.

В 85 Ред.-сост.: С. Красильщик (СССР), М. Скотт (США) — Изд-во Агентства печати Новости, 1988. — 216 с., ил. 50 000 экз.

В книгу, посвященную исторической встрече воинов Красной Армии и войск союзной американской Армии на реке Эльбе в самом конце второй мировой войны, включены воспоминания советских и американских участников встречи о событиях тех незабываемых дней апреля 1945 года, о послевоенных встречах ветеранов. Боевой союз двух армий, рожденный в годы войны, является ярким примером того, как два великих народа могут и сегодня совместно бороться за мир и лучшее будущее человечества.

Книга, рассчитанная на широкие круги читателей, выходит в свет в Издательстве АПН на русском языке и в американском издательстве «Капра-пресс» — на английском.

В 1305010000
067 (02)—88 Без объявл.

ББК 63.3(0)62

ISBN 5—7020—0016—1

ВСТРЕЧА НА ЭЛЬБЕ

**Воспоминания советских и американских ветеранов
второй мировой войны**

Составители:
Семен Красильщик
Марк Скотт

Перевод с английского *В. С. Иванова* и *А. Д. Пригова*

Редактор *К. Г. Ликатов*

Художник *Н. Б. Старцев*

Художественный редактор *В. В. Анохин*

Фоторедактор *И. В. Картушина*

Технический редактор *Н. М. Ладик*

Корректор *Е. В. Карасева*

Технолог *В. Ф. Егорова*

ОИБ 10199

Сдано в набор 11.02.88. Подписано в печать 01.04.88. Формат издания 84 × 108/32.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсет. Усл. печ. л. 13,02. Уч-изд. л. 12,16.
Тираж 50 000 экз. Заказ № 1905. Изд. № 8110. Цена в переплете — 1 р. 30 к. (5 000 экз.),
цена в обложке — 80 к. (45 000 экз.)

Издательство Агентства печати Новости
107082, Москва, Б. Почтовая ул., 7.

Типография Издательства Агентства печати Новости
107005, Москва, ул. Ф. Энгельса, 46.

YANKS MEET REDS

ВСТРЕЧА НА ЭЛЬБЕ